

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал включен во вторую категорию Перечня рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным специальностям: 5.4.2. Экономическая социология (социологические науки). 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). 5.5.4. Международные отношения (политические науки). 5.7.2. История философии (философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки). 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2) on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (social sciences). 5.5.1. History and theory of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences). 5.5.4. International Relations (Political Sciences). 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences). 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences). 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 14, No. 4, 2024

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Пляйс Я.А., заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Plyays Ya.A., Deputy Editor-in-Chief, D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Махаматов Т. М. Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства 6

Бредихин А. В., Зотова А. Д. Межкультурное сотрудничество России и Китая
в условиях глобальных трансформаций 14

Ильин А. П., Ильина Ю. И. Развитие государственных информационных систем
в Российской Федерации, Исламской Республике Иран и Королевстве Саудовская Аравия 23

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Митрахович С. П. Макроподходы к политическому управлению в России. 39

Пятибратов И. С. Технократические элементы переформатирования идейного поля 46

Крайнева Р. К., Гулаков А. Д. Влияние цифровизации на трансформацию
коммуникационных процессов 52

Алексеев С. В. Древнеславянское язычество: проблемы систематизации источников 59

Малов А. В., Попов Д. Н. Философия хозяйства Древней Индии 65

Кочетков Е. Е. Автономизация и национальный вопрос в Российской империи. 74

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Замараева Е. И. Трансформация этики коммуникаций в условиях тотальной цифровизации 83

Белов В. Н., Малофейкин С. А. Модели объяснения сознания в контексте проблемы определения
сильной формы ИИ 89

Чачуа Т. Г., Василик И. Внутренняя миграционная мобильность в ЕС: «скандинавский транзит» . . 101

Галкин К. А. Особенности социологического рассмотрения старения и пожилого возраста
(обзор исследований) 108

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Артёмов С. Н. Волго-Донской канал как поле битвы архитектурных направлений
в СССР в 1950-е годы. 118

COVER STORY: MODERN TRENDS OF MULTIPOLARITY

Makhamatov T.M. The Formation of a Multipolar World Order and the Subjectivity of the State 6

Bredikhin A.V., Zotova A.D. Intercultural Cooperation between Russia and China in the Context of Global Transformations 14

Ilin A.P., Ilina Yu.I. Development of e-Government Services in Russian Federation, Islamic Republic of Iran and Kingdom of Saudi Arabia 23

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Mitrakhovich S.P. Macro Approaches to the Political Governance in Russia 39

Pyatibratov I.S. Technocratic Elements of Reformatting the Ideological Field 46

Krayneva R.K., Gulakov A.D. The Impact of Digitalisation on the Transformation of Communication Processes. 52

Alekseev S.V. Old Slavic Pagan Religion: Problems of Systematization of the Primary Sources. 59

Malov A.V., Popov D.N. Economic Philosophy of an Ancient India. 65

Kochetkov E.E. Autonomization and the National Question in the Russian Empire. 74

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Zamaraeva E.I. Transformation of Communication Ethics in the Context of Total Digitalization 83

Belov V.N., Malofeikin S.A. Models for Explaining Consciousness in the Context of the Problem of Determining the Strong Form of AI .. 89

Chachua T.G., Vasilik I. Internal Migration Mobility in the EU: “Scandinavian Transit” 101

Galkin K.A. Features of the Sociological Consideration of Aging and Old Age (Research Review) 108

HISTORICAL EXCURS

Artemov S.N. The Volga-Don Canal as a Battle Field of Architectural Styles in the USSR in the 1950s 118

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

*Международный
научно-практический журнал*
Том 14, № 4 (70), 2024

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Д.В. Онегов
Корректор – **Н.В. Колобова**
Верстка – **Е.А. Смирнова**
Переводчик – **Д.В. Онегов**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

**Оформление подписки
в редакции**
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 10.12.2024
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 15,5 п. л.
Заказ № 1593
Отпечатано в отделе полиграфии
Финансового университета
(Москва, Ленинградский пр-т,
д. 51)

© *Финансовый университет*
Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor – **D.V. Onegov**
Proofreader – **N.V. Kolobova**
Design, make up – **E.A. Smirnova**
Translator – **D.V. Onegov**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 553-10-71**
(internal 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 10.12.2024
Format 60 x 84 1/8.
Size 15,5 printer sheets.
Order № 1593
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt,
Moscow)
© *Financial University*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13
УДК 327.8(045)

Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства

Т.М. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждается влияние формирования многополярного мироустройства на динамику субъектности государства. Под государственной субъектностью в пространстве международной политики понимается умение суверенного государства отстаивать свои национальные интересы и безопасность, его выступление с инициативами в решении актуальных международных проблем, учет другими государствами военно-политической, торгово-экономической и других позиций данного государства. Отстаивается тезис, что государственная субъектность в полной мере реализуется в рамках международных объединений, образованных на основе равноправия, учета взаимных интересов и гарантии взаимной безопасности. Обоснование тезиса автором проводится на основе того факта, что с началом становления многополярного мироустройства в пространстве международной политики происходят фундаментальные изменения: в рамках новых межгосударственных объединений и организаций формируются новые правовые нормы международного сотрудничества между странами разных континентов, которые реально могут обеспечивать полноту суверенитета и субъектности странам — членам организации, независимо от их размера, уровня экономического развития и военной мощи. Принципы и нормы этих объединений исключают явный или скрытый диктат крупных, более развитых государств над остальными странами в военно-политическом и торгово-экономическом отношениях. Согласно автору, образование многополярного мироустройства, увеличение государств-субъектов в международной политике, действующих на основе общепринятых международных правовых норм, способствуют смягчению экзистенции глобального политического пространства и установлению действительной демократии в международных отношениях.

Ключевые слова: многополярное мироустройство; суверенитет; субъектность государства; однополярная прозападная глобализация; экзистенциальное пространство

Для цитирования: Махаматов Т.М. Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13

ORIGINAL PAPER

The Formation of a Multipolar World Order and the Subjectivity of the State

T.M. Makhmatov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article discusses the impact of the formation of a multipolar world order on the dynamics of the subjectivity of the state. State subjectivity in the space of international politics is understood as the ability of a sovereign state to defend its national interests and security, its taking initiatives in solving urgent international problems, taking into account by other states the military-political, trade-economic and other positions of this state. The thesis is defended that state subjectivity is fully realized within the framework of international associations formed on the basis of equality, consideration of mutual interests and guarantees of mutual security. The author's substantiation of the thesis is based on the fact that with the beginning of the formation of a multipolar world order, fundamental changes are taking place in the space of international politics: new legal norms of international cooperation between countries of different continents are being formed within the framework of new interstate associations and organizations, which can really ensure the full sovereignty and subjectivity of the member countries of the organization, regardless of their size, level economic development and military power. The principles and norms of

these associations exclude the explicit or implicit dictate of large, more developed states over other countries in military-political and trade-economic relations. According to the author, the formation of a multipolar world order, the increase of states-subjects in international politics acting on the basis of generally accepted international legal norms contribute to the softening of the existence of the global political space and the establishment of a real democracy in international relations.

Keywords: multipolar world order; sovereignty; subjectivity of the state; unipolar pro-Western globalization; existential space

For citation: Makhamatov T.M. The formation of a multipolar world order and the subjectivity of the state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13

ВВЕДЕНИЕ

Начало процесса формирования многополярного мироустройства есть одновременно начало перехода на иной качественно новый этап глобализации человеческого бытия. Формирующийся этап не является самоотрицанием глобализации, но выступает диалектическим отрицанием, началом нового исторического периода развития глобализационного процесса. Данный период, как обоснованно доказывает А. Н. Чумаков, не корректно и не логично обозначать как *деглобализацию* [1], что означало бы игнорирование объективно-исторического, противоречиво поступательного характера глобализации. Такое понимание нынешнего этапа глобализации не соответствует реальности современного человеческого бытия, означает лишь недопонимание усиления направленности его динамики на противоречивое, но неизбежное единение. Вместо необоснованного утверждения о движении вспять человеческой истории от глобализации к деглобализации целесообразно было бы исследовать суть диалектики нынешнего состояния глобализационного процесса, выявлять в нем новые тенденции, возможности и перспективы как для глобального человечества, так и для отдельных стран и государств, что является сегодня наиболее актуальной проблемой философии глобализации.

В условиях усиления и углубления кризиса в международных отношениях и мировой западной экономики рождается новый этап глобализации [2]. Ее существенная особенность заключается в образовании нового типа международных объединений, которые строятся на принципах правового равенства своих участников, учета безопасности друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, ненаправленности объединений против третьей стороны. Такой тип объединений государств открывает перед странами всех континентов, особенно глобального Юга, реальные возможности, условия и основания укрепления их суверенитета, национально-политических идентичностей, сохранения ими своих традици-

онных национальных ценностей и создания предпосылок социально-экономического развития. Принципы международных объединений нового типа создают реальные политико-экономические возможности и малым, и большим *суверенным* государствам перестать *быть в положении объекта* прозападной глобализации, ведущей прокси-войны против объективной тенденции исторической эволюции глобального человечества [3, 4], но приобрести *субъектность на международной арене*.

Однако достаточно ли одного суверенитета государства для его превращения в действительный субъект международной политики, и какое содержание вкладывается в понятие «*субъектность государства*»? Каковы объективные социально-политические основания, необходимые для приобретения субъектности?

Эти и связанные с ними другие проблемы будут рассмотрены в рамках данной статьи.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прежде чем приступить к анализу проблемы субъектности государства в поле международной политики, целесообразно еще раз за А. Н. Чумаковым, И. В. Ильиным, О. Г. Леоновой и другими исследователями проблем глобализации подчеркнуть два чрезвычайно важных концептуальных положения в философии глобализации, лежащих в основании рассматриваемой нами проблемы.

Во-первых — это принцип объективности процесса глобализации, ее обусловленности самой природой человеческого бытия и единственностью планеты Земля как материнского лона для всего человечества. Финансово-экономическая, военно-политическая, научно-исследовательская деятельность стран разных континентов, «демографическая лавина» с Востока на Запад, с Юга на Север с объективно-исторической неизбежностью связывают страны и народы мира в единый противоречивый клубок [5].

Согласно выводу исследований одного из известных российских исследователей в области

философии глобализации А. Н. Чумакова, «глобализацию можно определить как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе территориальной замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных границ и т.п. и в таком качестве никем не может быть проигнорирована. Понимаемая таким образом глобализация в своем развитии может иметь временные спады, подъемы и стагнации только лишь в отдельно взятых сферах общественной жизни, например в экономике, демографии или касательно международной военно-политической напряженности» [1, с. 27].

Принцип объективности глобализационного процесса выступает методологической основой, основной парадигмой выработки основ форм и способов мирного разрешения всех видов глобальных проблем с учетом интересов как всего человечества, так и каждой страны любого континента, каждого народа, парадигмой, исключающей деление стран на западные и все остальные [6, 7].

Во-вторых, глобализация, как и любое человеческое образование, находится в *поступательном эволюционном изменении*, имеет качественно отличающиеся друг от друга этапы своей истории. Потому, как справедливо пишут И. В. Ильин, О. Г. Леонова, «весьма важным для исследования и прогнозирования развития глобализации, — является эволюционный подход. Интенсивно развивающаяся и актуальная новая дисциплина — эволюционная глобалистика — делает акцент на изучении эволюции и коэволюции глобальных процессов и систем в их системно синергетическом единстве — глобальном развитии, в котором свое место занимает глобальная политика, отражающая специфику глобальных политических процессов». [8, с. 44, 9; 10].

Эволюционная глобалистика, разрабатываемая вышеперечисленными исследователями и другими авторами журнала «Век глобализации», приводит нас к выводу, что с 2000-х гг., когда экономика Китая начала укрепляться и вставать на путь инновационного, цифрового развития, когда начал действовать принцип «Один пояс —

один путь», когда Российская Федерация встала на рельсы укрепления политико-экономической самодостаточности и осознания своей идентичности, когда образуются БРИКС, ШОС, ЕАЭС и другие аналогичные международные объединения, начинается формирование *качественно* нового периода глобализации как диалектическое отрицание первоначального этапа. Данный этап общечеловеческого бытия формируется как *объективный результат* исторической поступательной, эволюционной динамики глобализации, обусловленный образующимся многополярным мироустройством, переходом от западноцентричной к полицентричной модели глобализации [10].

Нынешний исторический этап глобализации мы предложили определить как *неоглобализацию*, которая имеет свои специфические имманентные противоречия, новые тенденции, ставит перед человечеством новые проблемы, способы и возможности их разрешения [11]. Неоглобализационный этап сопровождается введением принципиально новых подходов и правовых норм в практику международных отношений, которых не было в прозападном этапе глобализации, которые способны обеспечить все государства реальным суверенитетом и правовым равенством в глобальном военно-политическом, финансово-экономическом и торговом пространстве.

На формирующемся этапе глобальной и противоречивой эволюции бытия человечества, как обосновывают И. В. Ильин, О. Г. Леонова, «именно геополитические цели восходящих держав будут оказывать доминирующее влияние на динамику глобальных политических процессов» [8, с. 42]. Вместо одного западного центра, одного субъекта глобализации в глобальном политическом пространстве образуются дающие импульсы процессу глобализации новые центры, новые субъекты, политические акторы. Одновременно возрастает политическая активность и самостоятельность ранее пассивных и во многом зависевших от Западных держав азиатских, африканских и латиноамериканских государств [12]. Они постепенно становятся отстаивающими свои национальные интересы, свою идентичность *акторами-субъектами* мировой политики.

ДИСКУРС О СУВЕРЕНИТЕТЕ, СУБЪЕКТНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕ И СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Понятие политической субъектности требует анализа таких родственных понятий, как суве-

ренитет и диалектическая связь субъектности государства во внешней политике с реальной полнотой государственного суверенитета.

Формальными атрибутами суверенитета государства являются наличие государственной границы, Конституции, государственного гимна, флага. Однако этих атрибутов явно недостаточно для признания действительного суверенитета государства. Например, Палестинская автономия, Абхазия, Северная Осетия, Косово имеют вышеперечисленные атрибуты, но не являются суверенными государствами. Согласно А. В. Минаеву, «государственным суверенитетом определяется такое состояние государства, при котором его верховная власть обладает правом и реальными возможностями проводить политику в интересах народа и государства в целом, на самостоятельной и независимой основе» [13, с. 137]. Здесь следует отметить некоторую неточность данного А. В. Минаевым определения понятия суверенитета. Например, нами вышеперечисленные *не суверенные государства* обладают правом и, в какой-то мере, проводят «политику в интересах своих народов», в то время как большинство полноправных суверенных государств, например, члены ЕС, проводят *политику не в интересах своих народов и государств* [14.]. Суверенитет государства с точки зрения международного права не может определяться только внутренней, внешней политикой государства и формальными атрибутами, но еще определяется международным признанием, членством в ООН, т.е. целым комплексом атрибутов и признаков.

Общеизвестно, что наличие формальных, юридических атрибутов суверенитета еще не означает полноту суверенитета того или иного государства. Как пишет А. И. Конуров, «с юридической точки зрения в мире существует равенство суверенных суверенитетов всех стран. При этом юридическое равенство суверенитетов государств сопровождается их фактическим неравенством. Реализация государственного суверенитета осуществляется в сфере практической государственной политики, которая у разных государств может иметь разную степень самостоятельности» [15, с. 152]. На этапе глобализации до начала XXI в. многие страны мира, даже развитые западноевропейские страны, в военно-политической, технологической и финансово-экономической сферах зависели от США, главного субъекта уходящей в историю прозападной глобализации. Ограниченность суверенитета членов ЕС и НАТО ярко

проявилась на фоне антироссийской политики США, в их санкционной политике против Российской Федерации, в одностороннем отношении их к причине и целям СВО Российской Федерации на Украине.

Причиной реальной ограниченности, или неполноты суверенитета государства, является ряд факторов. Одним из факторов выступают ограничивающие политическую самостоятельность государства условия членства в том или ином международном союзе или объединении, военно-политическая и финансовая зависимость членов альянса от центра.

Другим фактором, на наш взгляд, выступает качество лидера страны: является ли он самостоятельным в определении политики своего государства? Являются ли интересы населения страны для лидера приоритетом в его политике? Каков уровень доверия народа к нему? Каков характер мировоззрения, уровень общего и политического образования лидера? Опыт некоторых стран, таких как Молдова, Грузия, прибалтийские страны, показывает, что страна получения высшего образования будущим лидером государства также играет немаловажную роль в его политике и в полноте реального суверенитета государства.

На полноту реального суверенитета государства влияет также характер, реальная полнота демократии в данной стране, предусматривающая *прямые выборы* гражданами лидера своей страны, сам механизм выборов, исключающий различного рода махинации с голосами избирателей, проведение референдумов при принятии судьбоносных для страны решений, равенство граждан вне зависимости от этнических, религиозных различий и других общепринятых атрибутов. Такая демократия, которая допускает избрание «кухарки» лидером политических организаций, назначение ее на высокие государственные должности, как еще Платон отмечал, является наихудшей формой правления. «Между тем демократический строй, — отмечает Платон, — ...нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности» [16, с. 345, с. 558].

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Государство может стать реальным субъектом в международной политике только имея полную суверенитет. Иначе оно может оказаться марионеткой в руках более сильных акторов ми-

ровой политики. Это положение, можно сказать, является аксиомой политической теории.

Прежде чем приступить к исследованию проблемы субъектности государства, следует определить ее отличие от субъектности во внутренней политике государства, например, от политической субъектности личности [17], политических партий [18], регионов [19]. Характер и уровень развитости субъектности во внутренней политике государства отражает уровень развития демократии в данной стране и оказывает сильное влияние на субъектность государства во внешней политике. Вышеперечисленные формы внутриполитической субъектности выступают своеобразной школой подготовки, формирования потенциальных лидеров страны, укрепляя тем самым политический фундамент внешнеполитической субъектности страны.

Под *субъектностью государства* понимается, прежде всего, ведение государством самостоятельной и четкой внутренней и внешней политики, отстаивание своих национальных интересов, выступление с инициативой в решении актуальных проблем международной политики, учет другими странами военно-политической и экономической позиции данного государства. Здесь в качестве государств-субъектов можно назвать Кубу, Северную Корею, Венесуэлу, Иран и ряд других государств. Также в качестве примера можно привести инициативы Турции по вопросу организации и проведения переговоров между РФ и Украиной, позицию Венгрии при обсуждении очередного пакета санкций против Российской Федерации, посредническую роль Саудовской Аравии при обмене военнопленными России и Украины, инициативу Узбекистана по созданию Консультативного совета центрально-азиатских государств [20].

Как показывает опыт современного Китая, Российской Федерации, Исламской республики Иран и ряда других стран, субъектность государства, кроме общепризнанного юридического суверенитета, опирается на уровень экономического развития государства, стабильность и устойчивость во внутренней политике страны, на ее военно-политический потенциал, принципы внешней политики и торгово-экономической практики, на политическую поддержку высшего руководства гражданами данного государства и, конечно, на силу и твердость характера лидера страны. Например, лидеры некоторых стран на всеобщих выборах получают широкую поддер-

жку своих граждан, но из-за отсутствия четкой самостоятельной политической линии, отсутствия лидерского характера они вскоре станут марионетками в руках сильных субъектов международной политики или же потеряют власть и нанесут непоправимый урон суверенитету государства.

Еще одним немаловажным объективно-необходимым основанием достижения субъектности является членство данного государства в объединении со странами, имеющими близкие политические и торгово-экономические позиций. Следует подчеркнуть, что становление субъектности государства начинается и укрепляется при правильном выборе партнеров, близких по своей политике стран, благодаря международным организациям и в их рамках. В качестве таких принципиально новых организаций-объединений, действительно способствующих приобретению государствами субъектности в международной политике, можно рассматривать ШОС, БРИКС, Таможенный союз, СНГ, ЕАЭС, цели и задачи которых не направлены против третьей стороны, где нет слишком централизованного руководства, где господствует учет национальных интересов каждого участника объединения и лишь требуется выполнение общепринятых правил членства [21]. Подобные объединения создают своим членам благоприятные политико-экономические базы для приобретения субъектности в международной политике.

Реальный опыт истории международной политики демонстрирует, что *ни одно государство*, каким бы оно военно-политически и экономически развитым ни было, без союзников, без объединения с другими государствами, *без международной интеграции* в объединения регионального, межрегионального или более широкого характера *не может добиться субъектности в международной политике*. Понимание значения и роли этого фактора проявляется в стремлении Казахстана, Туркменистана, Узбекистана создать региональные интеграционные советы, объединения.

Членство в вышеперечисленных объединениях крупных государств, как КНР, России, Индии, Ирана, Бразилии, ни в коем случае не препятствует небольшим государствам — членам объединения укреплять свой суверенитет и стать полноправными субъектами международной политики. Наоборот, в рамках данных международных объединений более крупные и развитые государства-члены, помогая торгово-экономиче-

скому развитию и решению социальных проблем других *равноправных* стран-членов, способствуют приобретению ими субъектности в глобальном пространстве международной политики.

Условия членства и принципы практики в вышеперечисленных объединениях ни в коем случае не позволяют их крупным странам-членам развиваться за счет других членов объединений. Например, как отмечает китайский исследователь Ван Синь: «По мере того как Китай вступает в новую эру, его дипломатия уделяет все больше внимания тому, *чтобы не развиваться за счет интересов других стран*, никогда не отказываться от своих законных национальных прав и интересов и не жертвовать своими основными национальными интересами» [22, с. 46, 23]. То же самое можно с полной уверенностью утверждать насчет политики Российской Федерации, Бразилии, Ирана, Саудовской Аравии и других крупных стран к своим партнерам по объединению.

Еще одной особенностью субъектности государства в глобальном пространстве внешней политике является его диалектическая взаимосвязь с полнотой суверенности государства. Практика международной политики показывает, что субъектность страны, как отмечает А.И. Конуров, становится ключевым фактором «для наполнения государственного суверенитета реальным содержанием и обеспечения подлинной самостоятельности внутренней и внешней политики государства» [15, с. 149].

В эпоху неоглобализации как субъектность, так и суверенитет государства может успешно формироваться, укрепляться и реализоваться на основе признания верховенства международного права, а не абстрактных правил. Суверенитет и субъектность опираются также на диалектическое сохранение национальных традиций, т.е. на позитивный традиционализм и консерватизм, на реальное, законами защищенное равенство всех традиционных религий, национальных и этнических групп населения страны.

Суверенитет и реальная субъектность государства не может быть без идеологии. Государственную идеологию не обязательно фиксировать в Конституции, но и не обязательно декларировать ее отсутствие. Она постепенно сама формируется в творчестве народа — в поэзии, песнях, романах, философии и т.п., опираясь на *объективную историю* побед, героизма своих сыновей и дочерей, на вековую историю взаимодействия с соседними государствами, на верховенст-

во общечеловеческих ценностей — понимания и уважения прав и духовных ценностей других народов и этносов. Таким образом, субъектность и суверенитет не могут быть достигнуты на основе враждебности к другим странам, на основе обвинения других стран в своих неудачах и бедах. Прав был великий Сократ, когда говорил: «Познай самого себя».

ВЫВОДЫ

Наше исследование показывает, что в формирующейся эпохе неоглобализации проблема суверенитета и субъектности как крупных, так и небольших государств становится одной из острых проблем глобального бытия человечества. Во-первых, очевидно, что США, используя своих западноевропейских союзников, ведя прокси-войну против формирующихся полюсов мира, субъектов мировой политики, стремятся сохранить свою уходящую в историю монополию на мировую субъектность. Но, во-вторых, в противовес США и ЕС, такие экономически развивающиеся и политически укрепляющиеся страны, как КНР, РФ, Иран, Бразилия, Индия, Турция, Саудовская Аравия и др., постепенно превращаются в полноценные субъекты глобального политико-экономического пространства. К ним прибавляется, в-третьих, процесс стремления таких региональных крупных стран, как Венесуэла, Казахстан, Узбекистан, Северная Корея, стать полноценными субъектами как в региональной, так и мировой политике. В настоящее время усиливающийся процесс стремления государств разной величины, разного уровня суверенности, разной внутренней и внешней политики в различных регионах мира к субъектности создает напряженность в мировой политике. Такая ситуация в международных отношениях приводит к образованию экзистенциального пространства [23]. Однако такая общественно-политическая напряженность и экзистенциализация глобального пространства еще не означает неизбежность глобального хаоса [24], но требует скорейшего нахождения способов преодоления противоречий данного процесса, разработки новых, адекватных современной ситуации, норм международного права, глубокой и действительной демократизации деятельности международных институтов, соблюдающих принцип равенства и суверенитета каждого члена ООН. На наш взгляд, принципы организации и деятельности БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ могли бы быть образцом в решении сказанной глобальной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? *Век глобализации*. 2023;47(3):19–34.
2. Bashovski M., Rossi N. Introduction: Political subjectivity in times of crisis. *Globalizations*. 2023:1–16. DOI: 10.1080/14747731.2023.2186102
3. Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации*. 2013;12(2):63–78.
4. Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации. *Век глобализации*. 2020;33(1):83–92.
5. Чумаков А.Н. О глобализации с объективной точки зрения. *Век глобализации*. 2014;14(2):39–51.
6. Meiches B. The politics of annihilation: A genealogy of genocide. Minnesota: University of Minnesota Press; 2019. 328 p.
7. Sinclair G.F. Towards a postcolonial genealogy of international organizations law. *Leiden Journal of International Law*. 2018;4(31):841–869. DOI: 10.1017/S 092215651800047X
8. Ильин И.В., Леонова О.Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке. *Век глобализации*. 2023;47(3):35–47.
9. Чумаков А.Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации. *Век глобализации*. 2013;12(2):23–37.
10. Гринин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления. *Век глобализации*. 2014;13(1):90–103.
11. Махаматов Т.М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект. *Век глобализации*. 2017;24(4):55–61.
12. Solomon T. The politics of subjectivity in American foreign policy discourses. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2015. DOI: 10.3998/mpub.5031921
13. Минаев А.В. Десуверенизация и утрата государством политической субъектности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2016;(3):135–144. DOI: 10.22363/2313–1438–2016–3–135–144
14. Зубов В.В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):100–107. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–1–100–107
15. Конуров А.И. Глобальная политическая субъектность и ее влияние на суверенитет государства. *Вестник Военного университета*. 2010;21(1):147–152.
16. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Государство. М.: Мысль; 1994. 656 с.
17. Конуров А.И., Будылин К.Ю. Субъектность как политологическая категория. *Власть*. 2012;(6):148–152.
18. Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С. Правовой статус политических партий в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):13–19.
19. Володин А.В. О политической субъектности регионов РФ. *Власть*. 2012;(6):121–124.
20. Мирзиёев Ш.М. Новая стратегия Узбекистана. Ташкент: «Узбекистан»; 2021. 464 с.
21. Арлакки П. Обман и страх: Миф глобального хаоса. М.: Кучково поле; 2018. 432 с.
22. Вань Синь. Внешнеполитическая стратегия КНР в решении глобальных проблем. *Век глобализации*. 2023;46(3):35–47
23. Чумакова А.Н., Ли Хэй, ред. Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества. Коллективная монография. М.: «Дашков и К.»; 2021. 464 с.
24. Махаматов Т.М., Маматов М.А., Пулатова Д.А. Глобальное экзистенциальное пространство. *Век глобализации*. 2023;47(37):116–126.

REFERENCES

1. Chumakov A.N. Globalization or deglobalization? *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2023;47(3):19–34. (In Russ.).
2. Bashovski M., Rossi N. Introduction: Political subjectivity in times of crisis. *Globalizations*. 2023:1–16. DOI: 10.1080/14747731.2023.2186102
3. Grinin L.E. Globalization is shuffling the world deck (Where the global economic and political balance is shifting). *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2013;12 (2):63–78. (In Russ.).
4. Makhamatov T.M., Makhamatov T.T. The West and the East in the aspect of the formation of a global civilization. *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2020;33(1):83–92. (In Russ.).
5. Chumakov A.N. About globalization from an objective point of view. *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2014;14(2):39–51. (In Russ.).

6. Meiches B. The politics of annihilation: a genealogy of genocide. Minnesota: University of Minnesota Press; 2019. 328 p.
7. Sinclair G.F. Towards a postcolonial genealogy of international organizations law. *Leiden Journal of International Law*. 2018;4(31):841–869. DOI: 10.1017/S 092215651800047X
8. Ilin I.V., Leonova O.G. New approaches to the study of the phenomenon of globalization in foreign science. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;47(3):35–47. (In Russ.).
9. Chumakov A.N. Theoretical and methodological foundations of research on globalization processes. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2013;12(2):23–37. (In Russ.).
10. Granin Yu.D. Globalization: The dialectic of historical forms of implementation. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2014;13(1):90–103. (In Russ.).
11. Mahamatov T.M. From the era of globalization to globalization: cultural and civilizational aspect. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2017;24(4):55–61. (In Russ.).
12. Solomon T. The politics of subjectivity in American foreign policy discourses. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2015. DOI: 10.3998/mpub.5031921
13. Minaev A.V. Desuverenization and loss of political subjectivity by the State. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2016;(3):135–144. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–1438–2016–3–135–144
14. Zubov V.V. The German doctrine of «Realpolitik» through the prism of modern world politics. *Gumanitarny'e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):100–107. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–1–100–107
15. Konurov A.I. Global political subjectness and its influence on state sovereignty. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2010; 21(1):147–152. (In Russ.).
16. Platon. Collected works in 4 volumes. Vol. 3. The State. Moscow: Mysl; 1994. 656 p. (In Russ.).
17. Konurov A.I., Budylin K. Yu. Subjectivity as a political science category. *Vlast*. 2012;(6):148–152. (In Russ.).
18. Bitieva Z.R., Dzyuban V.V., Yaroshenko A.S. Legal status of political parties in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):13–19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–13–19
19. Volodin A.V. On the political subjectivity of the regions of the Russian Federation. *Vlast*. 2022;12(4):13–19. (In Russ.).
20. Mirziyoev Sh.M. The new strategy of Uzbekistan. Tashkent: “Uzbekistan”; 2021. 464 p. (In Russ.).
21. Arlakki P. Deception and fear: the myth of global chaos. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 462 p. (In Russ.).
22. Wan Sin. China’s foreign policy strategy in solving global problems. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;46(3):35–47. (In Russ.).
23. Chumakova A.N., Li Hey, eds. Russia and China in the global world. Topical issues of intercultural cooperation. A collective monograph. Moscow: “Dashkov i K.”; 2021. 464 p. (In Russ.).
24. Mahamatov T.M., Mamatov M.A., Pulatova D.A. Global existential space. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;47(37):116–126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Tair M. Makhamatov — Dr. Sci. (Philos.), Prof. of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2024; accepted for publication on 11.10.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-14-22

УДК 327.82(470+510)(045)

Межкультурное сотрудничество России и Китая в условиях глобальных трансформаций

А.В. Бредихин^а, А.Д. Зотова^б

^а Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;

^б Российский институт театрального искусства, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В современном мире активно развиваются процессы глобализации, которые оказывают значительное влияние на международную коммуникацию. В ходе этих процессов, обусловленных как объективными, так и субъективными факторами, возникают разнообразные контакты между представителями различных стран и культур. Наиболее тесное международное взаимодействие перерастает в сотрудничество, которое направлено на постановку общих целей и решение задач. Сегодня отношения России и Китая – это отношения между двумя державами с высочайшей степенью взаимного доверия, высочайшим уровнем сотрудничества и высочайшей стратегической цельностью. Отношения между двумя странами можно назвать образцом добрососедской дружбы, взаимовыгодного сотрудничества и моральной ответственности. Всеобъемлющее сотрудничество и стратегическое партнерство между странами основано на прочном политическом взаимном доверии и поддержке. В рамках исследования авторы осуществляют анализ сложившихся точек межкультурного сотрудничества и предлагают качественно новый взгляд на их дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Китай; культура; «мягкая сила»; Россия; сотрудничество

Для цитирования: Бредихин А.В., Зотова А.Д. Межкультурное сотрудничество России и Китая в условиях глобальных трансформаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):14-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-14-22

ORIGINAL PAPER

Intercultural Cooperation between Russia and China in the Context of Global Transformations

A.V. Bredikhin^a, A.D. Zotova^b

^a Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^b Russian Institute of Theatre Arts GITIS, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the modern world, there are processes of globalization that mediate the process of international communication. In the process of international communication, due to objective and subjective reasons, various contacts arise. The closest international cooperation develops into cooperation aimed at setting common goals and solving problems. Today, Russia–China relations are relations between two powers with the highest degree of mutual trust, the highest level of cooperation, and the highest strategic integrity. The relations between the two countries can be called a model of good-neighborly friendship, mutually beneficial cooperation and moral responsibility. Comprehensive cooperation and strategic partnership between the two countries is based on strong political mutual trust and support. Within the framework of the study, the authors analyze the existing points of intercultural cooperation and offer a qualitatively new look at their further development.

Keywords: China; culture; “soft power”; Russia; cooperation

For citation: Bredikhin A.V., Zotova A.D. Intercultural cooperation between Russia and China in the context of global transformations. *Humanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):14-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-14-22

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 г. Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным и бывшим Председателем Китайской Народной Республики Цзян Цзэмином был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заложивший политико-правовые основы формирования нового типа всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами. Документ стал исторической вехой в двусторонних отношениях. Подготовка и принятие документа ознаменовали новый, принципиально важный этап в дальнейшем развитии российско-китайских отношений. Россия и Китай договорились об автоматическом продлении договора еще на пять лет. Взяв этот договор за отправную точку, обе страны добились значительных успехов в продвижении стратегического взаимодействия и всестороннего практического сотрудничества между двумя странами [1, с. 70].

Концепция дружбы поколений и взаимовыгодного сотрудничества, заложенная в этом договоре, выведет эти отношения на еще более высокий уровень, способный оказать значительную поддержку в содействии развитию наших стран, а также станет надежной опорой в объединении мирового сообщества для совместного преодоления трудностей.

Как считают авторы книги «Один пояс, один путь: взаимовыгодное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы» Ян Бинь, Ли Дунхун, Тан Линлин в третьей части, посвященной рекомендациям по взаимовыгодному сотрудничеству в рамках модели «16+1», Россия и Китай должны внедрять инновационные методы совместной работы в различных областях экономики, расширяться в сфере взаимодействия с соседними странами, добиваться еще больших успехов многостороннего сотрудничества. «Как партнеры по всеобъемлющему стратегическому взаимодействию в новую эпоху, Китай и Россия должны углублять сотрудничество по борьбе с вмешательством извне и твердо держать будущую судьбу своих стран в собственных руках» [2, с. 10], — так авторы данной книги описывают необходимость в международной координации, защите принципов невмешательства и неконфронтации в мире. Важно отметить, что наблюдается поддержка китайской стороны в продвижении России по пути развития, выбранному в соответствии с ее национальными идеями и реалиями.

ВАЖНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ

И сегодня Россия и Китай являются самыми важными соседними и стратегическими партнерами друг для друга. Согласно российско-китайскому договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве наши отношения развиваются по всем направлениям в духе всеобъемлющего стратегического партнерства. Для стратегического партнерства Си Цзиньпина и Владимира Путина китайско-российские отношения выдержали новые испытания и продемонстрировали устойчивый импульс развития. Обе стороны поддерживают друг друга в защите достоинства своих стран и защите интересов.

В рамках очередной пресс-конференции 17 марта 2023 г. у официального представителя МИД КНР Ван Вэньбина обсуждался тезис, согласно которому «за последний век колоссальных перемен в мире и в сложной региональной обстановке, Китай и Россия должны нести ответственность за мир на планете» [2, с. 115].

Резюмируя выступление официального представителя МИД КНР Ван Вэньбина, чрезвычайно важно, чтобы на нынешнем ответственном этапе развития международных отношений обе страны наращивали политическую координацию, выступали и активно претворяли в жизнь новые инициативы, направленные на развитие сотрудничества и совершенствование глобального управления.

Стоит отметить, что важное значение имеют регулярные российско-китайские контакты на высшем уровне — встречи и телефонные переговоры Президента РФ и Председателя КНР, встречи правительств и партий, множество форумов и выступлений.

По приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Москву в марте 2023 г. В течение трехдневного визита лидера Китая они провели откровенные, дружественные и плодотворные переговоры. Углубленно обменялись мнениями по вопросу двусторонних отношений и основным международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес. Подписали Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, Совместное заявление о плане ключевых направлений китайско-российского экономического сотрудничества до 2030 г. и ряд

других документов о сотрудничестве в разных областях, а также достигли многих новых и важных договоренностей [3, с. 125].

Лидеры двух стран во время встречи с журналистами отметили, что Китай и Россия будут синхронно работать над формированием более справедливого и демократического многополярного мироустройства, которое должно опираться на центральную роль ООН, ее Совет безопасности, международное право, цели и принципы Устава ООН.

На Восточном экономическом форуме, проходившем во Владивостоке в сентябре 2023 г. в контексте диалога о взаимодоверии, исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета Ван Вэнь отметил, что председатель КНР Си Цзиньпин посетил Россию с государственным визитом на фоне того, что мир вступает в этап деглобализации, непрерывно возникают разные конфликты и растут географические риски, поэтому данный визит демонстрирует крепкое политическое взаимодоверие между Китаем и Россией и придает новый импульс прагматичному сотрудничеству между двумя странами.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Действительно, благодаря стратегическому взаимодоверию между Россией и Китаем на высоком уровне, сформированному за последние десять лет, российско-китайские отношения могут динамично и стабильно развиваться. В новой обстановке лидеры двух стран отметили, что стороны будут решительно поддерживать друг друга и в дальнейшем укреплять стратегическое взаимодоверие в вопросах, касающихся коренных интересов друг друга. Были получены и иные оценки в экспертном сообществе [4, 5].

Директор Института Китая и современной Азии РАН Кирилл Бабаев отмечает, что экономические вопросы стали лейтмотивом в переговорах между главами России и Китая, но далеко не единственными в обсуждении глав двух держав. Стороны наращивают объемы сотрудничества в космической, технологической и военно-технической сферах. Однако России и Китаю есть куда двигаться по многим направлениям.

Заместитель директора Департамента информации МИД КНР Ван Вэньбинь назвал визит Председателя КНР Си Цзиньпина поездкой

«дружбы, сотрудничества и мира». Также отметил, что двусторонняя дружба проявляется не только на уровне личных взаимоотношений лидеров двух стран, но и на уровне государств и их народов.

Важно понимать, что международное культурное сотрудничество как правило влияет на экономику опосредованно¹. Сближение национальных культур, взаимное принятие идей, ценностей и культурных особенностей способствует росту, взаимопониманию и интенсификации двустороннего диалога между странами, усилению политических и экономических связей, углублению интеграций экономик, увеличению инвестиций, росту производства и, как следствие, росту благосостояния населения.

Для развития международного культурного сотрудничества необходимо реализовать следующие инициативы:

- укрепление политических и дипломатических связей между странами;
- создание совместных культурных проектов и программ;
- обмен художественными коллективами, выставками, фестивалями и другими культурными событиями;
- развитие сотрудничества в области образования и науки, обмен опытом и знаниями;
- привлечение инвестиций в сферу культуры, создание новых рабочих мест;
- поддержка и продвижение культурных обменов на международном уровне.

Культурная интеграция представляет собой процесс объединения различных культурных традиций, основ в единое поле действия. С экономической точки зрения, интеграция может привести к созданию общего рынка, который будет более обширным, чем национальный. Это может быть достигнуто путем устранения взаимных национальных экономических барьеров и создания гармоничных условий для культурного обмена. В результате повысится конкурентоспособность как индивидуальных, так и совместных культурных продуктов на мировом рынке.

Планомерная интеграция в культуру Китая требует времени, усилий и уважения к местным традициям и обычаям. Она способствует более тесным культурным связям и укреплению взаимопонимания между россиянами и китайцами,

¹ Теория международных отношений. Учебник для вузов. Цыганков П.А., ред. М.: Изд-во Юрайт; 2023. 317 с.

что важно в условиях глобализации и растущей международной мобильности.

Важно помнить, что культурный обмен между союзниками часто способствует обогащению обеих сторон путем обмена идеями, искусством и традициями. И важно сотрудничать в таких культурных проектах, как:

- выступления театральных и музыкальных коллективов с национальной спецификой;
- выступления цирковых коллективов;
- выступления балетных и оперных трупп;
- международные фестивали;
- кинопоказы;
- творческие лаборатории;
- мастер-классы
- экспозиционная деятельность.

Китай — это новый перспективный партнер. И в сотрудничестве с Китаем значение культуры может стать очень важным фактором в процессе выстраивания отношений не только на верхних уровнях, но и между народами стран. И такая культура — это слияние не просто политики и бизнеса как новых возможностей торговых взаимоотношений, а разговор об интеграции, взаимном представлении. Работая с культурой на уровне народов наших стран, необходимо определить новые точки соприкосновения, которые позволят России и Китаю создавать совместные культурные проекты. Важно интегрировать культуру на эти уровни, чтобы повысить лояльность граждан и общественности к новым направлениям культурного развития.

ПОВОРОТ НА ВОСТОК РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ В МЕДИАПОТРЕБЛЕНИИ

Долгое время на российском рынке был большой качественный контент, который шел из стран коллективного Запада. И пока на его место не пришла достойная замена². И на рынке нет постоянного предложения, заслуживающего внимания, креативных продуктов, которые бы заставили пользователей тянуться к новому, побудили в них желание потреблять новый контент, пока еще им непривычный, поскольку Китай все еще остается несколько отталкивающим и непонятным для российской аудитории. И те новые продукты, которые будут создаваться, имеют потенциал занять ту самую нишу голливудского контента, который проникал очень

долго и планомерно. Но сейчас, в рамках изменения внешнеполитической системы поворота на Восток есть все возможности увеличить рост и численность взаимных интеграций в креативной экономике России и Китая, более того, с притоком информации это будет происходить по инерции. Обычные люди, граждане стран — потребители контента, понимая, что у стран появляется все больше и больше мотивов сотрудничества, сами захотят интегрироваться в новую культуру, интересоваться ею и изучать ее. И такое изучение культуры начинается именно с интереса к истории, искусству, обычаям, религии, этносу.

Важно отметить, что заострять внимание исключительно на академическом исполнительском искусстве и признанном искусстве кинематографа, которые безусловно заслуживают почетное место, не будет являться верной стратегией. В эпоху диджитализации важно развивать и современные направления, такие как цифровое искусство, анимация, игровые разработки и другие digital-продукты [6, с. 108]. Все эти креативные единицы позволят молодежи интегрироваться в культуру, не выходя из зоны комфорта. Стоит подчеркнуть, что интерес к культуре может появиться и в интернете. Поэтому этот аспект необходимо принимать во внимание и не игнорировать. Ведь для многих людей Интернет — основной источник информации, и наличие культурного компонента в нем играет важную роль. В таких условиях особенно важно поддерживать интерес к культурным продуктам в онлайн-пространстве. На этапе знакомства необходимо не только не останавливать этот интерес, но и способствовать его развитию, иницируя культурную коммуникацию на расстоянии. Одновременно с этим следует развивать формы проявления культуры и офлайн.

При этом важно понимать, что какие-либо новые продукты, которые займут эту нишу, должны быть постоянными, т.е. это не должен быть единственный прецедент, а регулярно повторяющееся событие. Для таких процессов очень важна ритмичность. Таким образом, необходимо создавать продукты, которые будут выпускаться регулярно, и события, которые будут происходить на постоянной основе, с определенной периодичностью, чтобы у зрителя формировалась привычка к новому контенту, который будет постоянно иметь место в информационном поле, окружающем потребителя.

² Мунтян М.А. Основы теории международных отношений. Учебное пособие. Москва: Изд-во МАБиУ; 2007. 164 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Для полноценной интеграции культур у наших стран есть огромное количество новых возможностей, и мы должны использовать эти шансы, усиливая наше дружеское сотрудничество и налаживая связь между гражданами стран. Использовать для этого платформы СМИ, в большом количестве предоставлять контент, использовать свои платформы, которые показывают телевизионные фильмы и пьесы.

Таким образом, сотрудничество можно выстраивать даже на невербальном уровне, внося продукты союзнических стран в нашу жизнь, которые постепенно будут находить признание у пользователей, повышая их лояльность к ним.

Уже сегодня в некоторых направлениях внешней торговли происходит активная интеграция. Тому пример — внедрение китайского производства запчастей для автомобилей российского автопрома и полноценная поставка готового товара на автомобильном рынке. Влияние культуры на экономику и в этом случае будет иметь значение. При покупке нового автомобиля китайского или российского автопрома с поддержкой китайских производителей покупатель обязательно изучит источник поставки и все детали. И здесь значительным фактором будет выступать лояльность покупателя к тому или иному продавцу. В свою очередь западные модели уже надежно интегрировались в автомобильный российский рынок и заслужили доверие и лояльность покупателей. Однако пошел новый вектор развития взаимоотношений, и теперь азиатские партнеры входят на этот рынок, стараясь заслужить признание. В этом случае укрепление культурных связей и поддержка обмена культурными продуктами, такими как кинофильмы, выставки и гастрольные спектакли, могут стать частью информационного пространства человека. Количество культурных событий в его жизни будет расти благодаря новым ресурсам, анонсам и рекомендациям близких. Эти мероприятия помогут завоевать лояльность и настроить покупателя на приобретение товаров и услуг, произведенных в стране-партнере или совместно с ней.

Сейчас действительно очень важно развивать направление совместной работы между российскими и азиатскими странами в международной экономике, и особенно в креативном секторе, и создавать новые прецеденты [7, с. 128], которые

также могут стать частью рынка предложения зрителю. Такое сотрудничество может происходить не только в рамках кинотеатрального процесса. Такая работа окажет исключительно положительное влияние на развитие рынка туризма, ведь россияне будут больше путешествовать в Китай, а китайцы в Россию, инвестировать в частные компании, приобретать товары народного потребления, произведенные страной-партнером, инициировать все большее количество научных разработок медикаментов, выезжать на стажировки и устраиваться на работу для обмена опытом.

Важно выйти на такой уровень взаимоотношений, когда страны могут не только продавать сырье и получать товары народного потребления, но и интересоваться, погружаться в культурные коды, философию стран, создавать новые культурные продукты и обмениваться уже существующими, тем самым что-то перенимать, интегрировать и создавать сильный мировой символ международного культурного сотрудничества.

Процесс интеграции — это длительный и сложный процесс, который начинать нужно как можно скорее. В данном контексте важно создать и расширить пространство для влияния, чтобы повысить лояльность потребителей. Благоприятная среда способствует доверию людей, что в свою очередь стимулирует интерес к стране и культуре, желание делиться этой информацией и привлекать других. В результате государство может более смело предпринимать шаги к сотрудничеству, опираясь на широкую поддержку общества, вместо того чтобы действовать осторожно и с некоторым опасением.

ПРИМЕРЫ РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРОЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ И КИТАЯ

Сегодня реализуется ряд проектов обменной культурной интеграции. Министерство культуры Российской Федерации всесторонне поддерживает практику проведения обменных фестивалей культуры. В конце 2022 — начале 2023 гг. с успехом прошел Фестиваль российской культуры в Китае в формате онлайн, организованный ФГБУК Росконцерт и Госконцертом Китая при поддержке ведомств двух стран. А в ноябре 2023 г. в Москве и Санкт-Петербурге состоялся Фестиваль китайской культуры в России уже в очном формате. Фестиваль был торжественно открыт выступлением Национального симфоническо-

го оркестра Китайского национального театра оперы и балета в Государственном академическом Большом театре России, представившего произведения таких современных китайских композиторов, как Чжао Цзипин (кит. Zhào Jìpíng), Ван Юньфэй (кит. Wang Yunfei), Лю Вэньцзинь (кит. Liu Wenjin) и др. Они исполнялись как на академических, так и на оригинальных народных инструментах (пипа, люцинь, бамбуковая флейта, гучжен) [8, с. 79].

Смотр прошел при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики и Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. Организатором выступил Росконцерт. В рамках данного фестиваля следующее мероприятие с участием российских музыкантов в Китае состоялось 20 ноября 2024 г.

Первый Российско-Китайский библиотечный форум, который прошел в Москве 24–25 июля 2023 г. — это также доказательство наращивания взаимоотношений между нашими странами. Флагманами события такого мероприятия стали Российская государственная библиотека (РГБ) и Национальная библиотека Китая. К участию были также приглашены ведущие федеральные и региональные библиотеки России, крупнейшие библиотеки Китая и Библиотечное общество КНР.

Безусловно, крупные федеральные проекты — это основной массив работы между государствами. Но важно напомнить, что форум преследует одну из своих ключевых целей — это децентрализация культурного предложения. В этом случае форум мог бы реализовать региональные программы крупных мероприятий, описанных в тексте выше.

Сегодня уже есть несколько популярных случаев совместного производства в киноиндустрии. Один из самых ярких примеров — это художественный фильм «Как я стал русским» от режиссеров Акаки Сахелашвили и Ся Хао в жанре романтической комедий, выпущенный в широкий прокат в 2019 г., дистрибьютором которого стал Централ Партнершип. В главных ролях снялись: Дун Чан, Виталий Хаев, Елизавета Кононова, Сергей Чирков и др. В фильме рассказана история молодого парня из Шанхая, который отправился в Россию в поисках настоящей любви, и в итоге прошел серию веселых испытаний, подготовленных его будущим русским тестем. Интересно отметить, что в 2015 г. в Китае был выпущен

одноименный телесериал. Фильм совместного китайско-российского производства не только продолжил юмористический сюжет сериала, но и умело интегрировал культурные элементы Китая и России.

Другой кейс — российско-китайский мультсериал «Панда и Крош» (англ. Panda and Krash) в жанре приключенческой комедии, выпущенный в 2021 г. Главными героями являются Крош из мультсериала «Смешарики» и Панда Хэхэ из мультсериала «Кротик и Панда». Сюжет мультфильма повествует о ночных приключениях обитателей игрушечного магазина, в котором Крош находит новых друзей-игрушек. Этот проект является результатом совместной работы группы компаний «Рики», FUN Union и CCTV Animation Group. «Панда и Крош» — это первый мультфильм совместного производства Китая и России, и это новый этап двусторонних культурных обменов в области детских медиа. Стоит отметить, что российский анимационный сериал «Смешарики», созданный Анатолием Прохоровым, Ильей Поповым и Салаватом Шайхи-нуровым, получил особенное признание среди детской аудитории в Китае.

Художественный фильм «Широта 52» (кит. Lao shao qia), режиссерами которого являются Леон Ду (кит. Leon Du) и Дэгэна Юнь (кит. Degena Yun) — фильм в драматическом ключе, повествующий о смерти солдата пограничной роты Народно-освободительной армии Китая, спасавшего советского солдата во время миссии на старой заставе — фильм с сильными кодами китайского социализма.

Вышеперечисленные продукты — это безусловный результат многолетнего сотрудничества России и Китая, построенный на взаимном интересе и взаимовыгоде, однако важно осознать, что такие точечные выходы в широкий прокат — это скорее эксцессы, чем постоянное наращивание. И в этом случае форум преследует идею регулярности. Предполагается, что форум будет иметь долгосрочные контракты с китайскими киностудиями, имея возможность и создавать кинокартины совместно, и заниматься дистрибуцией того контента, которым владеет киностудия.

Еще одним форматом совместного производства может быть лаборатория — один из популярных и давно практикуемых способов работы между профессионалами и молодыми специалистами. Цель подобных лабораторий — экспериментировать и находить новые формы режиссуры

и актерской игры. Результатом таких поисков становится театральный эскиз — быстрый и свободный набросок будущего спектакля. Эскиз не претендует на звание полноценного спектакля, но имеет все шансы стать частью постоянного репертуара театра.

Таким примером стала Первая режиссерская лаборатория китайской драматургии XX–XXI вв., организатором которой выступил Липецкий государственный академический театр драмы им. Л. Н. Толстого³. На такой эксперимент были приглашены молодые режиссеры из разных регионов страны, для которых проект стал новым опытом по перенесению китайской драматургии на современную российскую театральную сцену. А в подготовке эскизов с режиссерами работали артисты Липецкого государственного академического театра драмы им. Л. Н. Толстого. Также стоит отметить, что в работе лаборатории приняли участие студенты продюсерского, театроведческого факультетов и факультета музыкального театра Российского института театрального искусства — ГИТИС, включая автора данной работы.

Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова — мероприятие, организуемое и проводимое один раз в два года Некоммерческим партнерством «Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова», с целью представлять российскому зрителю разнообразную программу фестиваля, сформированную из лучших образцов современного мирового театра, значимых имен, коллективов и новых интересных тенденций развития сценического искусства. И каждый сезон значительную часть в программе Чеховского фестиваля составляют постановки китайской оперы и театра, как национального, так и современного. Приведем несколько примеров.

Опера «Женщины-генералы семьи Ян», реж. Чжан Цзяньбинь (кит. Jianbin Zhang), представленная Центром Культурного развития Оперы Мин в Фучжоу (КНР).

Этот театр фучжоуской оперы, одной из самых известных школ в Китае, насчитывает более четырехсот лет и по праву считается жемчужиной театрального искусства Поднебесной. В рамках фестиваля зрители смогут увидеть спектакли «Шепот цветов», «Рис» и «Формоза», поставленные Лин Хуайминем (кит. Lín Huáimín) — из-

вестным режиссером и хореографом из Тайваня, который является постоянным участником Чеховского фестиваля. Его работы отличаются современным подходом к хореографии, сочетающим азиатские традиции с понятным и доступным языком, а также использованием проекционного экрана с динамичным видеорядом.

Балет «Эхо вечности» (реж. Патрик де Бана, нем. Patric de Bana), представленный Шанхайским Большим театром и Шанхайским балетом. Это удачное слияние различных техник и достижений танцевальных школ Германии и Китая, от японского буто до неоклассического балета, которое еще экзотично для российского зрителя. Такой балет — по-настоящему сложное элитарное искусство.

Спектакль «Чайное заклинание», представленный компанией Чжао Лян Арт, хореографом которого является сам основатель Чжао Лян (кит. Zhao Liang), известный в Китае как пионер современного танца. Он умело сочетает западный современный танец с восточной философией, психологией и эстетикой, не смешивая эти две «субстанции», а позволяет им существовать в одном пространстве.

Чеховский фестиваль — это крайне успешный пример проката и демонстрации китайской национальной культуры на крупнейших столичных сценах, который имеет тридцатилетний опыт работы с иностранными труппами и коллективами по всему миру.

Также данную модель успешного импортирования готового культурного продукта подтверждает кинокартина китайского производства «Исчезнувшая в звездах» (кит. Xiao shi de ta) режиссера Лю Сяна (Liu Xiang), который появился в российском кинопрокате 12 октября 2023 г. и собрал 6 285 966 рублей в сумме, что уже является неплохим показателем для первого прецедента после COVID-19.

В основе сценария данной кинокартины — фильм «Ловушка для одинокого мужчины» (1990 г.) с Николаем Караченцовым, Юрием Яковлевым, Вениамином Смеховым, Иннокентием Смоктуновским и Еленой Кореневой. Данный факт является подтверждением того, что китайская сторона проявляет интерес к культурным особенностям нашей страны, ее философии, менталитету и ценностям.

Также важно отметить, что выставочная деятельность — это такое же немаловажное и перспективное направление сотрудничества на

³ URL: <http://www.teatr-tolstogo.ru/theatre/news/1202.html>

восточном культурном рынке. Есть множество паттернов, которые объединяют наши страны. И один из них — это изобразительное искусство.

Интеграция российского искусства на китайский рынок происходит очень точно, что не позволяет покрыть и малой доли информационного поля потребителя. Безусловно, здесь тоже есть прецеденты: выставки русского изобразительного искусства в Хайнане, Музей русского искусства в Харбине — в центре русской эмиграции на Востоке, в центре «русского» Китая, нечастые выставки в Пекине.

ВЫВОДЫ

За последние 70 лет Китай и Россия прошли необычный путь. Китайско-российские отношения выдержали ряд различных исторических обстоятельств и внутренних изменений [9, с. 140].

Также важно развивать и международное культурное сотрудничество между Россией и Китаем, которое способно влиять на экономику, как напрямую, так и косвенно. В изменяющемся

экономическом и политическом ландшафте важно интенсивно развивать культурный диалог между нашими странами посредством создания совместных креативных продуктов, обменных фестивалей и гастролей, обменом студентами и научных работников в секторе международной культуры.

Для развития международного культурного сотрудничества также важно учитывать культурные особенности разных стран и народов, а также создавать условия для взаимного обучения и обмена опытом. Важно помнить, что культура является важным инструментом мягкой силы, который может способствовать укреплению международных связей и взаимопониманию между народами. Культурное взаимодействие и обмен часто служат мостом для урегулирования конфликтов и диалога между странами. Вместе с этим важно помнить, что все шаги обязательно требуют дипломатических усилий, переговоров и сотрудничества для усиления взаимодействия и укрепления отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху. Бредихин А.В., ред. М.: АНО ЦЭМИ; 2023. 126 с.
2. Ян Б., Ли Д., Тан Л. Один пояс, один путь: взаимовыгодное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы. Пер. с кит. О.Л. Фитуни. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс»; 2023. 259 с.
3. Якупова Р.Р. Экономические санкции как вызов для российской экономики. *Архонт*. 2023;36(3):125–132.
4. Бредихин А.В. Казачество как фактор межкультурного сотрудничества России и Китая. *Вестник славянских культур*. 2023;70(4):18–25.
5. Бредихин А.В. Эньхэ — Русская национальная волость Внутренней Монголии. *Муниципальная академия*. 2023;(3):39–44.
6. Рудченко П.Г. Перспективы и проблемы цифровизации в культуре. *Архонт*. 2023; 35(2):108–118.
7. Хакимова А.С., Кусков А.Н. Развитие приоритетных направлений и форм экономического взаимодействия России с Китаем в 2023–2025 годах. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023;97(3–2):128–131.
8. Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. *Власть*. 2013;21(9):79–82.
9. У Динпин. К вопросу об исторических условиях эволюции и современном состоянии китайско-российских отношений. *Современная научная мысль*. 2019;(4):140–146.

REFERENCES

1. Breaking hegemony: A new study of the construction of international order and global governance in a new era. Bredikhin A.V., ed. Moscow: ANO TSEMI; 2023. 126 p. (In Russ.).
2. Yang B., Li D., Tan L. One belt, one road: mutually beneficial cooperation between China and the countries of Central and Eastern Europe. Transl. from the Chinese by O.L. Fituni. Moscow: Chance International Publishing Company LLC; 2023. 259 p. (In Russ.).
3. Yakupova R.R. Economic sanctions as a challenge for the Russian economy. *The Archon*. 2023;36(3):125–132. (In Russ.).
4. Bredikhin A.V. Cossacks as a factor of intercultural cooperation between Russia and China. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2023;70(4):18–25. (In Russ.).

5. Bredikhin A. V. Enhe is a Russian national municipality of Inner Mongolia. *Municipal Academy*. 2023;(3):39–44. (In Russ.).
6. Rudchenko P. G. Prospects and problems of digitalization in culture. *The Archont*. 2023; 35(2):108–118. (In Russ.).
7. Khakimova A. S., Kuskov A. N. Development of priority areas and forms of economic cooperation between Russia and China in 2023–2025. *Economics and Business: Theory and practice*. 2023;97(3–2):128–131. (In Russ.).
8. Ryasnov I. A. Cultural cooperation between Russia and China in the XXI century. *Vlast*. 2013;21(9):79–82. (In Russ.).
9. Wu Dingping. On the question of the historical conditions of evolution and the current state of Sino-Russian relations. *Modern scientific thought*. 2019;(4):140–146. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Антон Викторович Бредихин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия
Anton V. Bredikhin — Cand. Sci. (Hist.), Senior research fellow, “Russia. China. World” Center, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

bredikhin90@yandex.ru

Анна Дмитриевна Зотова — студентка, Продюсерский факультет, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Москва, Россия

Anna D. Zotova — Student at the Producing Faculty, Russian Institute of Theatre Arts GITIS

<https://orcid.org/0009-0000-4259-3551>

Annazotovaaa@ya.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.04.2024; принята к публикации 09.11.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.04.2024; accepted for publication on 09.11.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-23-38

УДК 004.65:351/354(470+55+56)(045)

Развитие государственных информационных систем в Российской Федерации, Исламской Республике Иран и Королевстве Саудовская Аравия

А.П. Ильин^а, Ю.И. Ильина^б^а МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;^б ФГУП МИА «Россия Сегодня», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Начиная с 1950-х гг. информационные технологии (ИТ) активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человечества, в том числе в сферу государственного управления как развитых, так и развивающихся стран.

С помощью ИТ создаются государственные информационные системы (ГИС), которые облегчают принятие управленческих решений, а также обеспечивают объективность и прозрачность сбора статистической информации об их исполнении. Настоящая статья ставит своей целью ознакомить читателя с подходами, стратегиями Российской Федерации (РФ), Исламской Республики Иран (ИРИ) и Королевства Саудовской Аравии (КСА) к созданию и совершенствованию ГИС, дать объективную оценку результатам работы по внедрению ГИС, а также общее представление о созданных и функционирующих ГИС с наибольшим числом пользователей из числа граждан (подданных), иностранцев или лиц без гражданства, проживающих на территории указанных стран. В исследовании были использованы методы анализа, синтеза, аналогии и дедукции. Необходимость внедрения ГИС как неотъемлемого условия развития экономики и обеспечения внешнего и внутреннего суверенитета осознана в равной степени руководством РФ, ИРИ и КСА. Однако условия для ведения данной работы сильно отличаются, что обусловлено географическими, демографическими и политическими факторами. Тем не менее, стратегии по внедрению ГИС в рассматриваемых странах имеют схожую тенденцию. Во всех трех рассматриваемых странах проделана серьезная работа в данной области, однако авторитетные международные статистические исследования не всегда учитывают реальные достижения стран. Авторами выявлены косвенные признаки искажения статистики с целью возможной дискриминации отдельных стран. По мнению авторов, необходимо создание независимого органа сбора статистики и построения общей стратегии внедрения ГИС в рамках БРИКС.

Ключевые слова: информационные технологии; информационные системы; государственные информационные системы; электронное правительство; Россия; Иран; Саудовская Аравия; БРИКС; государственное управление

Для цитирования: Ильин А.П., Ильина Ю.И. Развитие государственных информационных систем в Российской Федерации, Исламской Республике Иран и Королевстве Саудовская Аравия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):23-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-23-38

ORIGINAL PAPER

Development of e-Government Services in Russian Federation, Islamic Republic of Iran and Kingdom of Saudi Arabia

A.P. Ilin^a, Yu.I. Ilina^b^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;^b MIA Rossiya Segodnya, Moscow, Russia

ABSTRACT

Since the 1950s, information technology (IT) has been actively introduced into all spheres of human activity, including public administration in both developed and developing countries. With the help of IT, e-government services are being created, which provides a significant reduction in decision-making, as well as transparency of collected

statistics. This article aims to familiarize the reader with the approaches and strategies of the Russian Federation (RF), the Islamic Republic of Iran (IRI) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) to «digitization» of public administration, to give an objective assessment of the results of work on the implementation of e-government doctrines and to give a brief description of most popular e-services among citizens (subjects) or foreigners residing in the territory of those countries. The methods of analysis, synthesis, analogy and deduction were used in the research. The need of e-government as an important condition for economic development and ensuring external and internal sovereignty is equally recognized by the leadership of the RF, IRI and the KSA. However, the conditions of implementation of e-government doctrines differ due to geographical, demographic and political factors. Meanwhile the strategies of building of such systems in the countries under consideration tend to converge. Regardless of serious work that has been done in all three countries in this domain reputable international statistical studies do not always consider the real achievements of those countries. The authors have identified indirect signs of statistical distortion highly likely used to discriminate and “cancel” achievements of some countries. According to the authors point of view it seems to be necessary to create an independent body for collecting statistics and building a common strategy for the development and implementation of e-government within the framework of the BRICS.

Keywords: information technologies; digitization; e-government; e-service; Russia; Iran; Saudi Arabia; BRICS; public administration

For citation: Ilin A.P., Ilina Yu.I. Development of e-government services in Russian Federation, Islamic Republic of Iran and Kingdom of Saudi Arabia *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):23-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-23-38

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день Российская Федерация (далее — РФ), Исламская Республика Иран (далее — ИРИ), Королевство Саудовская Аравия (далее — КСА), являясь мощными региональными акторами, объединили свои усилия в рамках БРИКС¹ для установления нового справедливого мирового порядка. РФ в этой тройке претендует на роль глобального актора.

В целях реализации собственных стратегий развития все три вышеперечисленные государства активно реализуют программы внедрения вычислительной техники для решения важных задач государственного строительства, в том числе внедрения и совершенствования государственных информационных систем.

Под информационной системой (далее — ИС) мы предлагаем понимать «комплекс, включающий вычислительное и коммуникационное оборудование, программное обеспечение, лингвистические средства и информационные ресурсы, а также системный персонал, обеспечивающий поддержку динамической информационной модели некоторой части реального мира для удовлетворения информационных потребностей пользователей» [1, с. 13].

Под государственной информационной системой (далее — ГИС) в целях настоящего исследования будут пониматься информационные системы, созданные на основании решения одного или нескольких органов государственной власти в целях осуществления их полномочий. Финан-

сирование ГИС может осуществляться как за счет бюджетных, так и за счет внебюджетных средств. Государственная автоматизированная система (ГАС) в данной работе является синонимом ГИС.

Для целей настоящего исследования мы выделим две группы ГИС:

- публичные, предназначенные для использования широкого круга пользователей (физических и юридических лиц);
- ведомственные, предназначенные для организации электронного документооборота между органами государственной власти, их структурными подразделениями, государственными учреждениями, иными юридическими лицами, наделенными государственно-властными полномочиями.

Внедрение и совершенствование ГИС невозможно без развития информационных технологий.

Под информационными технологиями (далее — ИТ) мы будем понимать совокупность методов, производственных процессов, программно-аппаратного обеспечения ЭВМ и их сетей, обеспечивающих сбор, хранение, обработку, вывод, распространение информации, объединенных в технологическую цепочку с целью повышения эффективности деятельности их пользователей [2, с. 142].

В настоящей статье термин ИТ употребляется в том числе и вместо синонимичного термина информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), который используется в отчетах ООН и иной англоязычной литературе.

Целью настоящего исследования является сравнение подходов к внедрению ГИС в РФ, КСА

¹ URL: <https://infobrics.org/post/40219/>

и ИРИ. Рассматривая процесс внедрения ГИС, мы выделим три исторических этапа, обусловленных глобальным уровнем развития вычислительной техники, а также мировой торговли, тенденции в которой определялись главным образом странами ОЭСР и прежде всего США. С учетом серьезных отличий между рассматриваемыми странами границы данных этапов являются условными.

При оценке результатов использовались международные и национальные статистические исследования в области внедрения ИТ в сфере государственного управления.

Необходимо отметить, что методология вышеуказанных международных статистических исследований, несмотря на их авторитет, отличается ограниченностью, констатированной отечественными [3, с. 6] и зарубежными исследователями.²

Следует учесть, что в условиях обострения геополитической борьбы в мире результаты и методики любых международных и национальных индексов могут искажаться в угоду политической конъюнктуре.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВНЕДРЕНИЯ ГИС (1950–2000 гг.)

Российская Федерация

Этот период характеризуется как первоначальный этап становления научной школы в сфере вычислительной математики и кибернетики, а также смежных наук, необходимых для создания ГИС. Кроме того, в это время произошли важные политические события, предопределившие существующую и поныне архитектуру государственного механизма в РФ, КСА и ИРИ.

В России разработка и внедрение ГИ начались еще в конце 1950-х гг., когда заместитель руководителя Вычислительного центра Минобороны СССР полковник А.И. Китов сформулировал идею создания единой государственной системы вычислительных центров [4, с. 133–135].

В дальнейшем его идеи были развиты и частично воплощены в жизнь академиком Академии наук СССР В.М. Глушковым в рамках проекта Общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой (ОГАС) [4, с. 133–135].

Несмотря на то, что проект не был полностью реализован, был создан ряд ведомственных ГИС

в области подготовки аналитической информации для высших органов государственной власти, обороны, планирования экономикой, управления железнодорожным и воздушным транспортом, автоматизации процессов в оперативно-розыскной деятельности, медицине и ряде других областей.

Следует отметить, что ГИС создавались с учетом плановой экономики и практического отсутствия в стране рыночных отношений.

После распада СССР, по причине изменения экономического уклада, смены политического режима, а также развала отечественной радиоэлектронной промышленности, особенно в части аппаратного обеспечения ЭВМ, многие существовавшие наработки в этой области потребовали существенной модификации, а некоторые из них были вовсе заброшены.

Несмотря на политическую нестабильность и проблемы с финансированием, работа в данном направлении все же велась. Одним из масштабных проектов, реализованных в 1990-е гг., являлась государственная автоматизированная система «Выборы» [5, с. 68].

В 1998 г. началась реализация проекта по созданию защищенной сети для обмена информацией между органами государственной власти, получившая название «Единая система передачи данных (ЕСПД)» или RSNet.³

Королевство Саудовская Аравия

Локомотивами автоматизации процессов управления в КСА служили нефтедобывающий и банковский секторы.

В указанный период происходит «саудизация» крупнейшей нефтедобывающей компании «АРАМКО» [6, с. 226]. В 1950–1980-х гг. в королевстве создается современная банковская система, вводятся бумажные деньги [7, с. 138–141].

В период 1990–1997 гг. была создана Межбанковская система экспресс-платежей в саудовских риалах «Мада». Эта электронная расчетная система, работающая в режиме реального времени, является основным инструментом межбанковских расчетов и переводов в КСА. Также стали действовать: автоматическая клиринговая палата, Саудовская система регистрации денежных платежей, благодаря которым эффективно работают банкоматы и осуществляется оплата по картам, а также

² URL: <https://e-estonia.com/un-e-government-survey-review/>

³ URL: <https://clck.ru/3EtKny>

Система электронной торговли ценными бумагами [7, с. 142].

В рамках вышеописанных организаций использовалась и вычислительная техника, создавались ведомственные ГИС и корпоративные ИС, велась подготовка кадров, инфраструктуры, необходимых для создания публичных ГИС.

Исламская Республика Иран

Современные вычислительные машины начали поставляться в шахский Иран из США еще в 1962 г., в том числе высокопроизводительные ЭВМ, позволявшие работать в многопользовательском режиме с разделением времени, а также многомашинные вычислительные комплексы, способные поддерживать работу ведомственных ГИС и корпоративных ИС, в самых разных областях экономики — ТЭК, обрабатывающей промышленности, банковском секторе, транспорте.

Несмотря на обострение отношений с США после Исламской революции 1979 г., повлекшее за собой наложение санкций, затруднивших поставки вычислительной техники, а также ирано-иракскую войну, нанесшую серьезный урон иранской экономике и инфраструктуре, процесс информатизации страны продолжался, но шел более низкими темпами [8, с. 8].

Современная банковская система страны, являвшаяся, как и в КСА, локомотивом информатизации, сформировалась в 1970-х гг. по западной модели, претерпела значительные изменения после 1979 г., когда все частные банки были национализированы и введен законодательный запрет на ростовщичество [9, с. 959].

Специфический «исламский» характер банковской системы, а также внешняя изоляция страны являлись дополнительными стимулами для внедрения отечественных ИТ-разработок.

Первый этап отличается резким различием между РФ, КСА, ИРИ в уровне развития ИТ, экономическом укладе, организации государственного механизма. Международные статистические исследования внедрения ИТ в сфере государственного управления в данный период не проводились.

Единственное, что можно утверждать, это то, что СССР как один из глобальных акторов значительно превосходил по уровню развития и внедрения ИТ среди развивающихся стран на первом этапе.

Развал СССР и СЭВ,⁴ сопровождавшийся разрушением производственных цепочек, деградацией научной школы, оттоком кадров за рубеж, а также распространением относительно дешевого программного и аппаратного обеспечения американского производства в мировых масштабах, способствовали сокращению отставания ИРИ и КСА от РФ к началу 2000-х гг.

ВТОРОЙ ЭТАП ВНЕДРЕНИЯ ГИС (2000–2015 гг.)

Данный период характеризуется качественным прогрессом ИТ, позволившим начать их массовое внедрение в сферу государственного управления во многих странах мира.

На данном этапе наблюдается сближение подходов РФ, КСА и ИРИ к внедрению ИТ в сферу государственного управления и созданию ГИС. Причина этого заключается в том, что все три страны ставили перед собой задачу интеграции (в той или иной мере) в мировую экономику, развитие которой определялось странами ОЭСР и прежде всего США.

В начале 2000-х гг. в результате прогресса ИТ в странах ОЭСР, а затем и в других регионах мира на национальном и наднациональном уровне стала распространяться концепция «электронного правительства» (e-government) и «электронного управления» (e-governance).

Под «электронным правительством» обычно понимается применение ИТ в области государственного управления в целях улучшения качества и сокращения времени предоставления госуслуг, усиления прозрачности деятельности органов власти.

Под «электронным управлением» подразумевается аналогичная деятельность только в рамках государственной или частной организации.

Выделяются различные виды взаимоотношений субъектов в рамках «электронного правительства»: между государственными органами (G2G), государством и предпринимателями (G2B), государством и гражданами (G2C) [10, с. 2].

Такая классификация также не является универсальной и не может быть напрямую применена к ГИС, которые могут одновременно

⁴ Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — межправительственная организация, координировавшая экономическое и научно-техническое сотрудничество социалистических стран с 1949 по 1991 г. URL: <https://bigenc.ru/soviet-ekonomicheskoi-vzaimopomoshchi-9d6892> Прим. ред.

использоваться и физическими, и юридическими лицами.

Российская Федерация

В РФ в 2002 г. начинается системная работа по внедрению ГИС в рамках программы «Электронная Россия» (2002–2010).⁵ В ходе реализации данной программы была сформирована нормативно-правовая база для построения ГИС на федеральном и региональном уровнях,⁶ в том числе законодательно закреплены определения ИС и ГИС,⁷ хотя они и имеют некоторые недостатки, по мнению отечественных правоведов [11, с. 461; 12, с. 180–181].

Отечественные исследователи также отмечают, что цели программы были сформулированы недостаточно конкретно и вследствие этого несколько раз корректировались.

В 2004–2006 гг. начинается первый этап в создании системы автоматизации работы судов — ГАС «Правосудие».⁸

В 2010 г. был утвержден первый «Системный проект формирования электронного правительства», в рамках которого было начато планирование по «цифровизации» государственных услуг.⁹

Наиболее важными практическими результатами реализации вышеупомянутых документов стало создание основных публичных и ведомственных ГИС, обеспечивающих перевод государственных и муниципальных услуг в электронную форму: ГАИС Управление,¹⁰ Единый портал

государственных услуг (ЕПГУ),¹¹ региональные порталы государственных и муниципальных услуг (РПГУ),¹² Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА),¹³ Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ),¹⁴ ФГИС Федеральный реестр государственных услуг (ФРГУ),¹⁵ ГИС о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП),¹⁶ информационно-аналитические системы мониторинга качества государственных услуг (ИАС МКГУ).¹⁷

Кроме того, программой предусматривалось создание общероссийского государственного информационного центра (ОГИЦ), а также системы удостоверяющих центров (УЦ), которые должны были быть оснащены программно-аппаратным комплексом, необходимым для размещения всех имеющихся и создаваемых ГИС. Однако этого сделано не было.

По мнению Ю. М. Акаткина, основной причиной этого является противодействие процессу объединения ГИС со стороны различных ведомств, имевших различные подходы к их построению [13, с. 81–82].

Еще одной веской причиной неполной реализации поставленных в программе целей может служить значительное недофинансирование ме-

⁵ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/>

⁶ Муниципальные информационные системы являются отдельным уровнем, так как органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

⁷ См. ст. 2, 13, 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Информационная система — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Государственные информационные системы — федеральные информационные системы и региональные информационные системы, созданные на основании соответственно федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, на основании правовых актов государственных органов. URL: <https://base.garant.ru/12148555/>

⁸ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: ГАС_Правосудие

⁹ URL: <http://filearchive.cnews.ru/doc/2010/06/17/sp.doc>

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление». URL: <https://base.garant.ru/197043/>

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12177515/>

¹² Там же. Ст. 21.

¹³ Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». URL: <https://base.garant.ru/12192469/>

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 8.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия». URL: <https://base.garant.ru/199319/>

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)». URL: <https://base.garant.ru/12191208/>

¹⁶ Приказ Федерального казначейства от 12.05.2017 № 11н «Об утверждении Порядка ведения Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах». URL: <https://base.garant.ru/71729516/>

¹⁷ Приказ Министерства экономического развития РФ от 1.03.2013 № 114 «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе «Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг». URL: <https://base.garant.ru/70350100/>

роприятий на различных этапах их реализации, что подтверждается официальными источниками.¹⁸

С 2007 г. в рамках административной реформы начинается создание сети «Многофункциональных центров» (с 2014 г. — «Мои документы») предоставления государственных и муниципальных услуг населению в форме «единого окна», что подразумевало создание ведомственных и публичных ГИС, а также ИТ-инфраструктуры, необходимой для их функционирования [14, с. 50].

Создание таких центров значительно увеличило доступность государственных и муниципальных услуг для населения.¹⁹

Уровень внедрения ИТ значительно отличался от субъекта федерации. Например, столичный регион смог позволить себе разработку и внедрение ГИС со сложной архитектурой в области медицинского обслуживания населения.

Так, в 2011–2013 гг. создается Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС) города Москвы, позволяющая жителям производить электронную запись в поликлиники города.²⁰ С 2014 г. через данную систему врачи начали выписывать электронные рецепты.

Отдельным направлением является создание банковских ИС, являющихся необходимым условием для обеспечения суверенитета государства.

В 2011–2014 гг., благодаря созданию Национальной системы платежных карт (НСПК),²¹ являющейся клиринговым центром, обслуживающим платежи по банковским картам, удалось укрепить самостоятельность отечественной банковской системы перед лицом санкций США и ЕС. Деятельность НСПК предполагала создание специфической ИТ-инфраструктуры, включая специализированные ИС.²²

В процессе разработки ГИС государством принимались меры для организации, хранения и учета программного обеспечения, используемого для их создания. Это было необходимо для обеспечения совместимости создаваемых ГИС, их

унификации, а также недопущения попадания средств разработки под контроль недружественных лиц.

В 2013 г. был закреплен порядок хранения отечественного программного обеспечения в Национальном фонде алгоритмов и программ для ЭВМ (НФАП).²³ На январь 2024 г. в НФАП числятся 395 позиций, многие из которых являются программным обеспечением ГИС.²⁴

Королевство Саудовская Аравия

В КСА, как и в РФ, внедрение информационных технологий в государственное управление было продиктовано схожими задачами: ускорением темпов модернизации экономики, развитием несырьевого сектора и привлечением иностранных инвестиций в страну. [15, с. 123].

Специфической является форма правления государства — абсолютная монархия, при которой законодательная власть в том виде, в котором она существует в странах Европы и США, отсутствует.²⁵

В целом данное обстоятельство не сильно сказывается на архитектуре ГИС или порядке их разработки. В РФ вышеуказанные задачи также решаются главным образом органами исполнительной власти.

Форма государственного устройства — унитарная, соответственно потребность в региональном уровне ГИС отсутствует и, таким образом, архитектура «электронного правительства» должна быть более компактной, тем не менее провинции (эмираты) обладают определенной самостоятельностью, в том числе в области судопроизводства, уголовно-исполнительной системы, охраны общественного порядка и некоторых других областях, что проявляется и в порядке функционирования ГИС.²⁶

Кроме этого, дополнительным препятствием для развертывания публичных ГИС и «цифровизации» документооборота, особенно в части взаимодействия с гражданами, являлся низкий уровень владения ИТ определенными категориями населения и/или отсутствие у граждан

¹⁸ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/>

¹⁹ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/>

²⁰ Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 20.12.2012 № 1470 «Об оптимизации работы по ведению записи на прием к врачу в электронном виде». URL: <https://www.mos.ru/pgu/common/doc.php?id=770000000162519115>

²¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/1680503>

²² URL: <https://habr.com/ru/companies/jugru/articles/519524/>

²³ Постановление Правительства РФ от 30.01.2013 № 62 «О национальном фонде алгоритмов и программ для электронных вычислительных машин». URL: <http://static.government.ru/media/files/bN0PArVNUVckKopAukXjflOFyyCBDXlj.pdf>

²⁴ URL: <https://nfap.eskigov.ru/repository>

²⁵ URL: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/aboutksa/govmechanism>

²⁶ URL: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/servicesDirectory>

необходимого программного и аппаратного обеспечения ЭВМ для доступа к ГИС.

Работа по внедрению ГИС в КСА началась 7 сентября 2003 г. Согласно королевскому указу 7/В/33181 было создано министерство информационных и коммуникационных технологий, разработавшее к 2005 г. совместно с другими ведомствами программу внедрения «электронного правительства», получившего наименование «Йессир» [16, с. 1].

Цели данной программы включали создание необходимой нормативно-правовой базы, вычислительной и сетевой инфраструктуры, определения приоритетных направлений «цифровизации» госуслуг, исходя из потребностей населения, т. е. в целом она была схожа с российской программой «Электронная Россия».

Несмотря на щедрое финансирование, реализация программы была связана с серьезными трудностями, особенно на уровне взаимодействия органов государственной власти, в том числе в связи с отсутствием у значительной части населения как самой техники, так и навыков работы с ЭВМ, что в целом делало невозможным доступ к ГИС [17, с. 309].

Исламская Республика Иран

Ключевым фактором, ограничивающим возможности ИРИ в построении ГИС, являлись санкции США, вследствие которых поставки американской вычислительной техники, в том числе и из третьих стран, были ограничены или невозможны.²⁷

Тем не менее с начала 2000-х гг. правительство М. Хатами, провозгласившее политику «диалога цивилизаций»,²⁸ предприняло попытку сделать Исламскую Республику более открытой для иностранцев с целью улучшения инвестиционного климата и укрепления торговых связей, с одной стороны, а с другой — снизить бюрократические издержки, усилить эффективность принятия решений внутри страны.

В 2002 г. был подготовлен доклад «ТАКФА», в котором были сделаны попытки наметить планы перехода на электронный документооборот в работе органов государственной власти и создание ведомственных ГИС для осуществления межведомственного взаимодействия [18].

В том же году была создана специализированная межведомственная комиссия «Седже», отвечавшая за координацию деятельности между государственными органами в области создания ИТ-инфраструктуры. В полномочия данной комиссии изначально входила работа лишь в рамках системы исполнительной власти, однако уже к 2003 г. в орбиту ее деятельности вошла законодательная и судебные ветви власти [19, с. 18].

В данный период происходит создание нормативной и технологической базы для ведомственных и публичных ГИС. С учетом ограничений в поставках оборудования, вызванных санкциями США, акцент делался именно на разработке электронного межведомственного документооборота и распределенных баз данных [19, с. 18].

Несмотря на то, что цели, поставленные в докладе 2002 г. достигнуты не были, в 2009 г. иранским правительством была сформулирована обновленная стратегия внедрения ИТ в сферу государственного управления.

Была поставлена амбициозная цель — достижение лидерства среди стран Ближнего Востока путем применения ИТ в области государственного управления для улучшения обмена информацией с гражданами и предпринимателями [20, с. 5].

Реализации указанной стратегии способствовал и активный рост рынка ИТ в количественном выражении (в 2004–2008 гг. наблюдался рост почти в три раза), в процентном отношении к ВВП эта величина оставалась весьма небольшой относительно ведущих развивающихся стран (Южная Корея, Индия, Китай) [20, с. 15].

В рамках данной работы в конце 2009 г. был запущен процесс создания стационарных и мобильных (размещенных на базе автотранспортных средств) «Единых центров обслуживания граждан» с аналогичными российским МФЦ функциями. В целях снижения нагрузки на государственный бюджет полномочиями по созданию и обеспечению функционирования таких центров могли быть наделены и коммерческие юридические лица. Однако в своей работе они должны соблюдать единые стандарты оказания государственных и муниципальных услуг, установленные органами государственной власти Исламской Республики [20, с. 20].

С 2011 г. началась реализация программы по выдаче универсальных смарт-карт гражданина,

²⁷ URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/iran-sanctions>

²⁸ URL: <https://web.archive.org/web/20070310224647/http://www.unesco.org/dialogue2001/en/khatami.htm>

которые должны были позволить производить идентификацию, аутентификацию и цифровую подпись юридически значимых документов в государственных учреждениях и иных организациях [21, с. 14].

Отдельно следует кратко рассмотреть и эволюцию банковских ИС ИРИ на данном этапе. В целях развития внутренней и международной торговли, а также минимизации последствий санкций США в 2002 г. создается платежная система «Шетаб», аналогичная по своим функциям саудовской «Мада» и российской НСПК.

Задача по внедрению данной системы была возложена как на государственные, так и на крупные частные банки, включая создание соответствующей ИТ-инфраструктуры и банковских ИС. Помимо сокращения издержек, связанных с обслуживанием клиентов внутри Ирана, удалось добиться роста торгового оборота с соседними странами благодаря их подключению к системе (Бахрейн, ОАЭ) [22, с. 178].

На втором этапе согласно большинству статистических исследований РФ являлась лидером по внедрению ИТ в сфере государственного управления среди рассматриваемых стран, КСА занимало вторую позицию, ИРИ — третью, причем разрыв между КСА и РФ оказался небольшим и быстро сокращался.

Согласно исследованию «Индекс развития электронного правительства» ООН за 2016 г. РФ заняла 35-е место, КСА — 44-е, Иран — 106-е.²⁹ КСА и РФ показали значительный рост показателей в 2010–2014 гг.³⁰

Согласно исследованию «Индекс развития информационно-коммуникационных технологий»³¹ Международного союза электросвязи за 2013 г. РФ заняла 42-е место, КСА — 47-е, ИРИ — 94-е.

Согласно исследованию «Индекс готовности к сетевому обществу»³² ВЭФ за 2016 г. КСА заняло 33-е место, РФ — 41-е, Иран — 92-е.

Согласно исследованию «Индекс цифрового внедрения Всемирного банка»³³ за 2016 г. (по субиндексу внедрения технологий в государственном секторе) РФ заняла 18-е место, КСА — 67-е, ИРИ — 86-е.

Исходя из анализа вышеуказанных результатов статистических исследований можно сделать вывод о том, что они в целом соответствовали реальному уровню развития ГИС в РФ, КСА и ИРИ, а также отразили уровень внедрения ИТ в сфере государственного управления в целом. Тем не менее уже на данном этапе исследователями были выявлены специфические черты методологии, вследствие которых позиции ряда стран могли быть искусственно занижены [23, с. 36–38].

ТРЕТИЙ ЭТАП ВНЕДРЕНИЯ ГИС (2015–2023 гг.)

Данный этап характеризуется ускоренным внедрением ИТ в сферу государственного управления, которое более активно стимулировалось как на национальном, так и на наднациональном уровне.

В первом случае оно рассматривалось как конкурентное преимущество в международной торговле в вопросе привлечения внутренних и иностранных инвестиций, а во втором как внедрение новых практик в управлении политическими процессами, что, по мнению ряда экспертов, является важным условием для реализации стратегии глобального развития «Повестка 2030 для устойчивого развития», принятой ООН в 2015 г. [24, с. 2].

Важным сопутствующим фактором являлось распространение мобильных устройств и соответствующей сетевой инфраструктуры, упростившей широким слоям населения рассматриваемых стран доступ к публичным и ведомственным ГИС.

С другой стороны, на данном этапе усиливается политическое противостояние глобальных акторов — США и Китая, обостряются ряд региональных конфликтов, в которые вовлечены страны БРИКС (РФ и ИРИ), тенденции к интеграции стран глобального Юга в систему международного разделения труда, созданную странами ОЭСР, что наблюдалось на предыдущем этапе, в значительной мере замедляются. Руководство этих стран начинает искать «суверенные» решения в сфере ИТ, чтобы избежать рисков, связанных с санкциями США и их союзников.

Российская Федерация

В 2015–2016 гг. публичные и ведомственные ГИС, главным образом связанные с оказанием государственных услуг широкому кругу граждан, продолжили бурное развитие.

²⁹ URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2016>

³⁰ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/index-razvitiya-elektronnogo-pravitelstva/#tabs%7CCompare:Place>

³¹ URL: <https://clck.ru/3EtKny>

³² URL: <https://clck.ru/3Eu2y8>

³³ URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index>

Был издан целый ряд документов, определивших стратегию развития в сфере внедрения ИТ в деятельность органов государственной власти, среди них следует выделить: Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации,³⁴ Стратегию развития информационного общества на 2017–2030 год,³⁵ национальный проект(программа) «Цифровая экономика Российской Федерации»,³⁶ а также Стратегию национальной безопасности Российской Федерации.³⁷

Нормативная база совершенствовалась главным образом за счет подзаконных актов, которыми устанавливались стандарты в области создания, развития и вывода ГИС из эксплуатации.³⁸

В качестве основных можно условно выделить несколько направлений развития: ГИС, обеспечивающие функционирование бюджетной системы и государственных закупок; ГИС, обеспечивающие предоставление государственных услуг населению; ГИС в области обеспечения информационной безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ); ИС, обеспечивающие функционирование суверенной банковской системы. В рамках первого направления с 2015 г. вводились в эксплуатацию ГИИС «Электронный бюджет»

(ГИИС ЭБ),³⁹ Единая информационная система закупок (ЕИС),⁴⁰ а также ряд ведомственных ГИС.⁴¹

Получили развитие и ГИС, связанные с оказанием медицинских услуг. В 2015–2020 гг. в субъектах РФ были созданы ГИС, схожие по своим функциям с московской ЕМИАС, которая с 2020 г. позволяла гражданам пользоваться электронной медицинской картой, а позднее и телемедицинскими услугами.⁴²

С 2020 г. велось создание ГИС «Моя школа» для обеспечения контроля над успеваемостью учащихся общеобразовательных школ. В связи с эпидемией COVID-19 функции данной ГИС были расширены для обеспечения дистанционного образования.⁴³

Деятельность по второму направлению развития ГИС разворачивалась в рамках второй версии «Системного проекта электронного правительства Российской Федерации», принятого в 2015 г., предполагавшего создание наиболее комфортной для пользователей среды, «исключающей ощущение любой категорией получателей бюрократических барьеров, пространственных и временных ограничений». При этом должна была быть обеспечена «персональная ответственность государственных (муниципальных) служащих на всех этапах предоставления услуг».⁴⁴

Также велась оптимизация работы многофункциональных центров предоставления государственных услуг «Мои Документы». В 2015 г. была введена в эксплуатацию АИС МФЦ «Дело».⁴⁵

В 2015–2020 гг. ГАС «Правосудие» подвергается существенному усовершенствованию. Впервые дела начинают рассматриваться дистанционно по средствам видеоконференцсвязи.⁴⁶

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

³⁶ Утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7. Осуществляется в рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Система управления утверждена программой постановлением Правительства Российской Федерации от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://clck.ru/3EqgCR>

³⁷ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

³⁸ Постановление Правительства РФ от 06.07.2015 № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации». URL: <https://clck.ru/3Eu3Qj>

³⁹ Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет». URL: <https://base.garant.ru/71123400/>

⁴⁰ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.03.2024). URL: <https://base.garant.ru/70353464/>

⁴¹ Информационные технологии в Федеральном казначействе РФ. URL: <https://clck.ru/3Eqg9C>

⁴² URL: <https://clck.ru/3EtJ73>

⁴³ URL: <https://clck.ru/3EtJBi>

⁴⁴ Системный проект электронного правительства Российской Федерации 2015 г. С. 10. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Электронное_правительство_России

⁴⁵ URL: https://eos.ru/eos_products/ais_mfc_delo/ais_mfc_delo_main/

⁴⁶ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: ГАС_Правосудие

В 2018 г. была введена в эксплуатацию Единая биометрическая система (ЕБС), позволившая производить идентификацию лиц, зарегистрированных в ней, по их изображению и голосу. Данная система может использоваться для защищенного входа пользователя в ГИС или иную ИС, подключенную к ЕБС.⁴⁷

По третьему направлению осуществлялось развертывание Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА). Был принят целый ряд нормативных документов для подключения субъектов КИИ к данной системе.⁴⁸

По четвертому направлению наблюдались значительные успехи, выразившиеся в создании инфраструктуры обработки платежей при помощи отечественных карт «Мир» в 2015 г., а также в работе системы быстрых платежей (СБП) в 2019 г.⁴⁹

Реализация стратегий по вышеупомянутым направлениям предусматривала совершенствование и арсширение ИТ-инфраструктуры, включая увеличение вычислительных мощностей, создание необходимого программного обеспечения, совершенствования средств передачи информации, что должно было привести в итоге к значительному расширению абонентской базы публичных и ведомственных ГИС. Предполагалось также улучшить связанность между ними и обеспечить пользователю возможность доступа к различным ГИС.

Создание множества ГИС на федеральном и региональных уровнях повлекло возникновение проблем их совместимости и дублирования функций, проблемой стало и отсутствие единого подхода к организации мер информационной безопасности, необходимых для бесперебойного функционирования ГИС.

Для решения упомянутых проблем с 2019 г. по настоящее время РФ ведет системную работу по созданию единой облачной платформы для ГИС в рамках платформ «ГосТех» и «ГосМаркет»,

⁴⁷ Приказ Минкомсвязи России «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6214/>

⁴⁸ URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/knowledge-base/terminology-gossopka-kii-full-version/>

⁴⁹ URL: <https://habr.com/ru/companies/jugru/articles/519524/>

администратором которых является ФКУ «Государственные технологии».⁵⁰

В 2024 г. планируется перевод на платформу «ГосТех» региональных ГИС.⁵¹ Это позволит обеспечить совместимость и относительное единообразие подобных систем в рамках утвержденных методических рекомендаций,⁵² а также избежать ненужное дублирование функций отдельными ГИС на различных уровнях.

Таким образом в России была сформирована многоуровневая система ГИС, решающая задачи федерального и регионального значения, управление которыми осуществляется на уровне Правительства РФ, Минцифры (или соответствующего ведомства субъекта РФ), профильного министерства или ведомства (федерального или регионального уровня), а также ФКУ «Гостех».

Королевство Саудовская Аравия

В 2016 г. была принята комплексная программа модернизации страны под названием «Видение-2030».⁵³

При этом, как и в российском законодательстве, единого определения ГИС так и не появилось. Для обозначения деятельности, связанной с внедрением ГИС, ориентированных на удаленное оказание государственных услуг, используется термин «электронное правительство» («Хукумат аль-ракмий»).

Общее руководство реализации данной программы было возложено на Министерство информации и технологий. Однако оно лишь определяет основные направления развития ГИС и участвует в разработке нормативно-правовой базы.

Конкретная работа по внедрению и администрированию значительного числа ГИС осуществляется Государственной цифровой администрацией (далее — ГЦА КСА).⁵⁴

⁵⁰ Приказ Минцифры России от 27.12.2022 № 1012 «О передаче функций оператора единой цифровой платформы Российской Федерации “ГосТех”, оператора федеральной государственной информационной системы “Управление единой цифровой платформой Российской Федерации “ГосТех”, оператора федеральной государственной информационной системы “Госмаркет” федеральному казенному учреждению “Государственные технологии”». URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/8617/?utm_referrer=https%3a%2f%2fplatform.gov.ru%2f

⁵¹ URL: <http://government.ru/news/50634/>

⁵² URL: <https://clck.ru/3Eqg3D>

⁵³ URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/>

⁵⁴ Из России доступ к страницам, расположенным в домене gov.sa, периодически ограничивается.

Начиная с 2016 г. в КСА была создана система публичных и ведомственных ГИС, позволяющих перевести в электронную форму как межведомственный документооборот, так и предоставление государственных услуг подданным.

С точки зрения конечного пользователя ГИС КСА можно разделить на четыре большие группы по администратору: ГИС, подведомственные ГЦА КСА, доступ к которым осуществляется через единый портал госуслуг my.gov.sa или портал ГЦА КСА dga.gov.sa; ГИС, подведомственные МВД КСА, доступ к которым осуществляется через порталы my.gov.sa, dga.gov.sa или непосредственно при помощи страницы ГИС «Абшер» в сети Интернет (absher.gov.sa); ГИС, подведомственные Министерству юстиции КСА, доступ к которым осуществляют через порталы my.gov.sa, dga.gov.sa, портал Минюста КСА moj.gov.sa или непосредственно при помощи страницы ГИС «Наджиз» (najiz.sa или new.najiz.sa); ГИС, подведомственные иным органам исполнительной власти, такие как ГИС «Нур» Министерства образования КСА (noor.moe.gov.sa).

Органы судебной власти в связи со спецификой своей деятельности используют собственные ГИС, причем в России они предсказуемо отличаются большим разнообразием. Имеются и серьезные различия. Так, в РФ «ГАС Правосудие» осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде,⁵⁵ а в КСА ГИС «Наджиз» администрируется Минюстом КСА.

В связи с культурными особенностями внедрение ИТ в области оказания медицинских услуг имеет свою серьезную специфику. Так, например, технологии телемедицины в КСА стали применяться еще с 2011 г., что позволило охватить значительно более широкий круг потенциальных пациентов.

С 2018 г. внедрена и развивается ГИС «Сеха», функции которой схожи с ЕМИАС. Так же, как и в российском аналоге, в связи с эпидемией COVID-19 в указанную ГИС была внедрена единая платформа для оказания телемедицинских услуг [25].

Доступ к пользовательской части большинства ГИС осуществляется аналогично процедуре,

существующей в России — через единый портал проверки личности пользователя «Нафаз»,⁵⁶ функции которого идентичны российской ЕСИА. При этом учетная запись пользователя в «Нафаз» является вторичной по отношению к таковой в системе «Абшер», так как восстановление доступа к учетной записи в «Нафаз» осуществляется через «Абшер».

Администрирование программно-аппаратного комплекса, осуществляющего хранение и передачу биометрической информации, осуществляется Национальным информационным центром.⁵⁷ Из открытых источников сложно с абсолютной точностью соотнести компетенцию данной организации с аналогичными российскими, в частности, является ли она администратором системы биометрических данных, аналогичной российской ЕБС.

Для межведомственного взаимодействия органов государственной власти используется система Мурасалат,⁵⁸ функции которой аналогичны российской СМЭВ.

Исламская Республика Иран

Нормотворческая деятельность правительства ИРИ в области создания ГИС не отличалась амбициозностью. Основной целью было добиться практической реализации целей, запланированных на предыдущем этапе.

Как и ранее, роль государственных органов заключалась в разработке нормативной базы и контроле за ее исполнением, а финансирование проектов, за редким исключением, предполагалось за счет частных инвесторов.

Внедрение ИТ в области государственного управления в ИРИ шло на данном этапе по следующим направлениям: создание ГИС организации единого портала государственных услуг («Девлет-е-хушманд» — «Умное правительство»), а также региональных порталов государственных услуг (например, «Хушманд-е-Техран» — Умный Тегеран); создание ГИС в области дистанционного образования («Шад»); создание ГИС для предоставления телемедицинских услуг; внедрение дополнительных банковских ИС и совершенствование системы «Шетаб» [21, с. 13].

⁵⁶ URL: <https://www.iam.gov.sa/authservice/userauthservice?lang=en>

⁵⁷ URL: <https://www.iam.gov.sa/about.html>

⁵⁸ URL: <https://thebusinessyear.com/interview/ali-nasser-al-asiri-ministers-advisor-and-general-director-yesser-e-government-program/>

⁵⁵ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2014 № 52 «Об утверждении Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://clck.ru/3EqfVY>

Одним из важнейших достижений в области внедрения ГИС является создание единого портала государственных услуг my.gov.ir с функциями примерно аналогичными российскому ЕПГУ и саудовскому portalу my.gov.sa, а также соответствующим системам идентификации и подтверждения личности пользователей (ЕСИА, «Нафаз»). Доступ к услугам региональных органов власти также осуществляется через вышеуказанный портал.⁵⁹

В то же время программа внедрения единой смарт-карты, которая начала создаваться раньше, не получила должного развития. Функционал, связанный с подтверждением личности и возможности применения ЭЦП, так и не был реализован.

Бурное развитие ГИС в ИРИ области образования и здравоохранения было связано с эпидемией COVID-19. Набор функций медицинской ГИС является аналогичным российской ЕМИАС с той разницей, что развитием системы, созданием и совершенствованием соответствующего интернет-портала занимаются частные медицинские клиники [21, с. 13].

ГИС «Шад» для доступа к электронным образовательным услугам, напротив, создавалась за счет государственного финансирования прежде всего для обеспечения доступа учеников общеобразовательных школ к соответствующим образовательным услугам в случаях, если очное обучение недоступно или затруднено.

В банковской сфере было осуществлено внедрение современного программного обеспечения, что позволило увеличить доступность банковских услуг, в том числе электронных платежей, а также внедрить специфические инструменты для сбора и анализа статистики финансовых операций. Разработка данных технологий осуществлялась фактическим монополистом — частной компанией «Датис Ариан Кешм» (сокр. «Дотин») за счет средств заинтересованных компаний.⁶⁰

На третьем этапе руководство РФ, КСА и ИРИ осознало важность ускоренного внедрения ИТ в сферу государственного управления для обеспечения роста экономики. При этом общие подходы к созданию ГИС сближались.

Тем не менее из-за большого различия размеров территории рассматриваемых стран,

численности населения и объемов финансирования соответствующих программ оценки таковой деятельности могли существенно различаться.

Согласно исследованию «Индекс развития электронного правительства» ООН за 2022 г. КСА на 31-м месте, РФ на 42-м, а ИРИ на 91-м.⁶¹

Согласно исследованию «Индекс развития информационно-коммуникационных технологий» Международного союза электросвязи за 2023 г. КСА заняло 11-е место, РФ — 38-е, ИРИ — 75-е.⁶²

Согласно исследованию «Индекс цифровизации госсектора Всемирного банка» за 2022 г. КСА заняла 3-е место, РФ — 10-е (обе страны в группе «А»), ИРИ — значительно отстает от РФ и КСА (группа «В»)⁶³.

Среди национальных статистических исследований развития информационных технологий следует отметить исследования «Ростелекома» за 2021–2022 гг., в которых Россия заняла 14-е, Иран — 16-е, а Саудовская Аравия — 18-е место.⁶⁴

Примечательно то, что КСА опередили РФ во всех вышеприведенных международных статистических исследованиях, а положение ИРИ осталось неизменным, несмотря на серьезные улучшения в области внедрения ГИС в 2015–2023 гг.

В проанализированных авторами источниках и научной литературе четкого объяснения указанным фактам не найдено. Возможно, это является косвенным признаком дискриминации со стороны организаций, проводивших статистические исследования в отношении государств, находящихся в конфликтных отношениях с США и их союзниками.

ВЫВОДЫ

На основании анализа вышеизложенного материала авторы пришли к следующим выводам:

1) на протяжении трех исторических этапов создание ГИС было одним из ключевых направлений развития ИТ в РФ, ИРИ, КСА. Руководством данных стран осознана взаимосвязь между процессом внедрения ИТ в сфере государственного управления и экономическим ростом;

2) на протяжении второго и третьего этапа наблюдалось сближение в подходах к созданию

⁵⁹ URL: <https://hamyab24.ir/blog/national-window-of-smart-government-services/>

⁶⁰ URL: www.dotin.ir

⁶¹ URL: <https://clck.ru/3Eu47s>

⁶² URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/IDI2023/>

⁶³ URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index>

⁶⁴ URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/top-20-stran-cifrovyyh-tehnologiy-18012923>

ГИС между тремя странами, что сопровождалось также определенным сближением их политических и экономических интересов, выразившихся во вступлении ИРИ и КСА в БРИКС;

3) на протяжении двух этапов РФ сохраняла лидерство в области создания ГИС. Результаты статистических исследований по второму и третьему этапу должны быть дополнительно проанализированы на предмет сознательного искажения с целью дискриминации РФ и ИРИ;

4) в целях координации работы органов государственной власти, а также иных физических

и юридических лиц РФ, ИРИ, КСА, заинтересованных в ускорении процессов создания ГИС; для сбора объективной статистической информации о внедрении и эксплуатации ГИС, ее беспристрастной оценки и публикации целесообразно создание отдельной рабочей группы при Комиссии экспертного совета высокого уровня (ЭСВУ) БРИКС по инженерно-технологическому сотрудничеству (или другой ЭСВУ БРИКС), либо поручить вышеуказанные обязанности группе специалистов уже работающих в смежных направлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Когаловский М. Р. Перспективные технологии информационных систем. М.: ДМК Пресс; Компания АйТи; 2003. 288 с.
2. Вологжанин О. Ю. и др. Информационные системы в управлении. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета; 2021. 292 с.
3. Мельникова Н. И. Индекс готовности к сетевому обществу в плену у экспертных показателей. *Вестник Самарского государственного технического университета*. 2014;2(1):259–266. URL: <https://www.elibrary.ru/szwcqb>
4. Кутейников А. В. Судьба оригинальной идеи А. И. Китова, проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС). Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. URL: https://veorus.ru/upload/iblock/347/143_veor.pdf
5. Исмелов Н. М. Государственная автоматизированная система «Выборы» как средство автоматизации избирательного процесса. *Право и государство: теория и практика*. 2016;(1):68–70. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-/И%20877-307036>
6. Аламри Р. Т. Саудовская АРАМКО — крупный центр в реализации видения королевства 2030 года. *Экономика и социум*. 2020;72(5):265–270. URL: https://a78cf8ac-3ef5-4670-8fcd-a900ec94fdfb.filesusr.com/ugd/b06fdc_4d9a491a6bb04a8baf24dc4a6db888b.pdf?index=true
7. Бакланова Е. Современная банковская система в Саудовской Аравии. *Россия и мусульманский мир*. 2008;(1):135–144. URL: <https://www.elibrary.ru/iiqppr>
8. Heidari A., Jafari Navimipour N., Unal M. The History of Computing in Iran (Persia) — Since the Achaemenid Empire. *Technologies*. 2022;(4):94. DOI: 10.3390/technologies10040094
9. Erdoğan S., Gedikli A., Derindağ M. R. An investigation of Iran's Banking system: Challenges and remedies. *Bilimname*. 2020;41(1):957–990. DOI: 10.28949/bilimname.673337
10. Kolachalam S. An Overview of E-Government. *Business and Management Sciences International Quarterly Review*. 2004;1. <http://dx.doi.org/10.13132/2038-5498/2004.1.1-12b>
11. Амелин Р. В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2018;18(4):455–465. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-4-455-465
12. Иванов И. С. Правовые признаки государственной информационной системы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2020;42(2). DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2805
13. Акаткин Ю. М. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. Санкт-Петербург: «Автор». 2019. 552 с.
14. Долгушева А. Ю., Мурзина И. А. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: история развития и современное состояние. *Вестник Пензенского государственного университета*. 2022;37(1):50–53. <https://elibrary.ru/oyqywl>
15. Рогожин А. А. ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021;1(4):122–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8

16. Alnifayei H.A Review of the current status of e-government in Saudi Arabia. *Journal for Research on Business and Social Science*. 2021;4(11): ITJ4102. DOI: 10.4018/jejr.2008040105
17. Alfayad M., Abbott-Halpin E. Understanding the Current Situation of E-Government in Saudi Arabia: A Model for Implementation and Sustainability. Proceedings of the 17th European Conference on Digital Government. ACPI, 2017. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/84342023.pdf>
18. Shahghasemi E., Tafazzoli B., Akhavan M., Mirani G. (2013). Electronic Government in Iran: A Case Study. *Semantic Scholar*. 2013. URL: <https://clck.ru/3EupaP>
19. Sadr S. M., Yazdan G. F. E-Government Effect on Economic in Iran. *Public Policy and Administration Research*. 2012;(2):13–23.
20. Ahamdi A., Ghazanfari M., Aliahmadi A., Mohebi A. Strategic planning for implementing e-government in Iran: Formulating the strategies. 2003.
21. Алексеева Ю. А. Феофилова Т. Ю., Имани М. Цифровая Экономика Ирана: проблемы развития и особенности управления. *π-Economy*. 2022;15(4):7–20. DOI: 10.18721/JE.15401
22. Рахимиан М. М. Иранская платежная система «Шетаб» и перспективы иранской системы банковских карт в зарубежных странах. *Вестник ГУУ*. 2020;(4):174–181. DOI: 10.26425/1816–4277–2020–4–174–181
23. Добролюбова Е. И. Международные показатели цифровизации государственного управления: обзор практики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2019;6(1):28–40. DOI: 10.22363/2312–8313–2019–6–1–28–40
24. Гердичук Ю. В., Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в реализации политики устойчивого развития. *PolitBook*. 2017;(2):6–21.
25. Alharbi A., Alzuwaed J. Qasem H. Evaluation of e-health (Seha) application: a cross-sectional study in Saudi Arabia. *BMC Med Inform Decis Mak*. 2021;103(21). DOI: 10.1186/s12911–021–01437–6

REFERENCES

1. Kogalovsky M. R. Promising technologies of information systems. Moscow: DMK Press, AiTi Company; 2003. 288 с. (In Russ.).
2. Vologzhanin O. Yu. et al. Information systems in management. Perm: Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta; 2021. 292 p. (In Russ.).
3. Melnikova N. I. The index of readiness for a network society in captivity of expert indicators. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Bulletin of the Samara State Technical University*. 2014;(1). (In Russ.) URL: <https://www.elibrary.ru/szwcqb>
4. Kuteynikov A. V. The fate of the original idea of A. I. Kitov, the project of creating an automated control system of the Soviet economy (OGAS). *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2010;143:132–138. (In Russ.).
5. Ismelov N. M. State automated system “Vybory” (“Elections”) as a means of automating the electoral process. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika = Law and the state: Theory and practice*. 2016;(1):68–70. (In Russ.). URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-/И%20877–307036>
6. Alamri R. T. Saudi ARAMCO is a major center in the realization of the Kingdom's vision of 2030. *Jekonomika i socium = Economics and Society*. 2020;72(5):265–270. (In Russ.). URL: https://a78cf8ac-3ef5-4670-8fcd-a900ec94fdfb.filesusr.com/ugd/b06fdc_4d9a491a6bb04a8baf24dc4a6db888b.pdf?index=true
7. Baklanova E. Modern banking system in Saudi Arabia. *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim World*. 2008;(1):135–144. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/iiqppr>
8. Heidari A., Jafari Navimipour N., Unal M. The History of Computing in Iran (Persia) – Since the Achaemenid Empire. *Technologies*. 2022;(4):94. DOI: 10.3390/technologies10040094
9. Erdoğan S., Gedikli A., Derindağ M. R. An investigation of Iran's Banking system: challenges and remedies. *Bilimname*. 2020;41(1):957–990. DOI: 10.28949/bilimname.673337
10. Kolachalam S. An Overview of E-Government. *Business and Management Sciences International Quarterly Review*. 2004;(1). <http://dx.doi.org/10.13132/2038–5498/2004.1.1–12b>

11. Amelin R. V. Information and legal regime of state and municipal information systems. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of the Saratov University. Series: Economics. Management. Law*. 2018;18(4):455–465. (In Russ.). DOI: 10.18500/1994–2540–2018–18–4–455–465
12. Ivanov I. S. Legal features of the state information system. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2020;42(2). (In Russ.). DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2805
13. Akatkin Yu. M. Digital transformation of public administration. Data-centricity and semantic interoperability. Saint Petersburg: “Avtor”; 2019. 552 p. (In Russ.).
14. Dolgusheva A. Yu., Murzina I. A. Multifunctional centers for the provision of state and municipal services: the history of development and current state. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*. Penza, 2022;37(1):50–53. (In Russ.). <https://elibrary.ru/oyqywl>
15. Rogozhin A. A. ICT as a direction of diversification of the Saudi Arabian economy. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo = Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2021;1(4):122–141. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542–0240–2021–14–4–8
16. Alnifayi H. Review of the current state of e-government in Saudi Arabia. *Journal of Business and Social Sciences Research*. 2021;4(11): ITJ4102. DOI: 10.4018/jegr.2008040105
17. Alfayad M., Abbott-Halpin E. Understanding the Current Situation of E-Government in Saudi Arabia: A Model for Implementation and Sustainability. Proceedings of the 17th European Conference on Digital Government. ACPI, 2017. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/84342023.pdf>
18. Shahghasemi E., Tafazzoli B., Akhavan M., Mirani G. (2013). Electronic Government in Iran: A Case Study. *Semantic Scholar*. 2013. URL: <https://clck.ru/3EupaP>
19. Sadr S. M., Yazdan G. F. E-Government Effect on Economic in Iran. *Public Policy and Administration Research*. 2012;(2):13–23.
20. Ahamdi A., Ghazanfari M., Aliahmadi A., Mohebi A. Strategic planning for implementing e-government in Iran: Formulating the strategies. 2003.
21. Alekseeva Yu. A. et al. The dynamic economy of Iran: problems of development and management. *π-Economy* 2022;15(4):7–20. (In Russ.). DOI: 10.18721/JE.15401
22. Rahimian M. M. The Iranian Shetab payment system and the prospects of the Iranian bank card system in foreign countries. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravlenija = Bulletin of State University of Management*. 2020;(4):174–181. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2020–4–174–181
23. Dobrolyubova E. I. Mezhdunarodnye pokazateli cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya: obzor praktiki. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie = RUDN Journal of Public Administration*. 2019;6(1):28–40. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312–8313–2019–6–1–28–40
24. Gerdichuk V. V., Poltenkova M. A. E-government in the implementation of sustainable development policy. *PolitBook*. 2017;(2):6–21. (In Russ.).
25. Alharbi A., Alzuwaed J., Qasem H. Evaluation of e-health (Seha) application: a cross-sectional study in Saudi Arabia. *BMC Med Inform Decis Mak*. 2021;103(21). DOI: 10.1186/s12911–021–01437–6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Петрович Ильин — лаборант научно-технического отдела Школы-интерната имени А.Н. Колмогорова (СУИИ), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Alexander P. Ilin — laboratory assistant of the Scientific and Technical Department of the Kolmogorov Boarding School (AESC), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2122-0075>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
a.p.ilyin@rector.msu.ru

Юлия Игоревна Ильина — кандидат политических наук, редактор-переводчик, ФГУП МИА «Россия Сегодня», Москва, Россия

Yulia I. Pina — Cand. Sci. (Polit.), editor and translator, MIA Rossiya Segodnya, Moscow, Russia
a_khr1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6007-0551>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.04.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.04.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45
УДК 32.019.5(045)

Макроподходы к политическому управлению в России

С.П. Митрахович
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным для России идеолого-концептуальным аспектам политического управления, управлению стратегиями, а также развитием и трендами в социально-экономических системах. Все эти аспекты являются ключевыми для теоретических построений в социальных науках и выработки практических рекомендаций для руководящих структур различных государств. Не является исключением и Россия, где стимулы поиска оптимальных управленческих решений в политической сфере задаются не только общемировыми тенденциями управленческого и технократического характера, но и необходимостью быстрой адаптации к масштабным санкциям, прокси-конфликтам с использованием силовых инструментов в процессе переосмысления своего места в системе международных отношений. Концепты государства-цивилизации, разворота на глобальный восток и юг, технологической и социально-психологической суверенизации требуют масштабных интеллектуальных и политико-организационных усилий по трансформации уже имеющихся подходов к политическому управлению с учетом всей остроты момента.

Ключевые слова: государственная политика; качество управления; политическое управление; идеология

Для цитирования: Митрахович С.П. Макроподходы к политическому управлению в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):39-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45

ORIGINAL PAPER

Macro Approaches to the Political Governance in Russia

S.P. Mitrakhovich
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to ideological and conceptual aspects of political management, strategy management, developmental management, and trends in socio-economic systems that are also relevant for Russia. This topic is one of the key subjects both for theoretical constructions in the social sciences and for developing practical recommendations to the authorities of specific countries. Russia is no exception, where incentives for finding optimal management decisions in the political sphere are set not only by global trends of a managerial and technocratic nature, but also by the need to quickly adapt to external stresses such as large-scale sanctions, proxy conflicts using power tools and rethinking their place in the system of international relations. The concepts of a state-civilization, a turn to the global east and south, technological and socio-psychological sovereignization, which have turned out to be in demand alone, require large-scale intellectual and political-organizational efforts to transform the approaches to political governance that already exist within the country, taking into account the entire acuteness of the moment.

Keywords: public policy; quality of management; governance; ideology

For citation: Mitrakhovich S.P. Macro approaches to the political governance in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):39-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-39-45

ВВЕДЕНИЕ

Макроподходы к политическому управлению в современной России включают в себя отсылки к уже используемым концептам в теории и философии политики, поскольку это ускоряет процесс поиска нужных решений и отвечает идеологическому курсу современного российского государства на сохранение преемственности социальным, культурным и политическим традициям. Речь идет не только о собственно российских традициях — эту часть идейного наследия отечественной истории можно считать частью большого нового «политического уравнения», своего рода формулы политического развития, вокруг которой сформирован достаточно устойчивый общественный консенсус. Но также элементом этого «политического уравнения» является и опора на отдельные сегменты европейского (или западного в целом) консерватизма, ту здоровую часть западных идейных и практических политических достижений, которую можно и нужно использовать с выгодой для России как государства-цивилизации, имеющего свою дорогу, но исторически связанного с европейской культурой.

Наработки управленческого характера, особенно технократия и все, что с ней связано, за последние десятилетия очень масштабно развивались во многих странах глобального юга и востока, включая достаточно успешные в ряде аспектов страны Азии. Для России многие из них, при «творческом восприятии», также могли бы стать частью выработки собственного пути в сфере политического управления. Тем более что по многим аспектам (цифровое государство, современный корпоративизм, эксперименты с управленческими сетями при сохранении роли политических иерархий и т.д.) некоторые азиатские страны продвинулись уже дальше в эффективной трансформации, чем многие государства Запада. Будучи государством-цивилизацией, Россия могла бы продуктивно брать и перерабатывать под свои нужды достижения стран с различными типами и особенностями политической, ценностной и стратегической культуры.

УМЕРЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Представление об умеренном консерватизме как идеологии государства-цивилизации в по-

следнее время набирает обороты в экспертной и академической среде и становится стержневым для большинства подходов к политическому управлению в современной России. Консерватизм в данной форме предполагает не закрытость имплементируемых поведенческих моделей, и тем более не фиксацию их как социально-нормативного абсолюта, а как раз вовлечение стран и их населения в продвигаемые Россией «внутрицивилизационные политические, культурные, социальные и другие нормы поведения, регулирующие отношения между людьми» [1]. Расширение подобного условно «умеренного консервативного» цивилизационного пространства могло бы помочь достичь и экономических успехов, и сделать российскую политическую систему более устойчивой.

Онтологическим ядром консерватизма в современной российской его версии, применительно к политико-управленческим сюжетам, является следование традициям политического реализма, т.е. соотнесение желаемого и возможного через призму прагматизма. В этом смысле то же неприятие экстремизма и примата идеологических конструктов, столь характерных для современного западного глобалистского либерального мейнстрима (про «правильную» сторону истории, «борьбу мира свободы и мира несвободы» и т.д.), является составной частью консервативного реализма. Соответственно, само политическое управление оказывается рационализировано через консервативный практицизм, базирующийся не на столь характерном для нынешнего Запада «постмодернистском отказе» от собственного культурного наследия и опыта, а как раз на сознательном продолжении традиции.

Известный гарвардский специалист по России Т. Колтон, анализируя ключевые для российской власти паттерны концептуального восприятия политики, указывает, что современный российский консерватизм в его государственном исполнении очень прочно сочетается «со стратегией сохранения власти и стабильности, геополитическими амбициями, превознесением исторической памяти»¹. Здесь возникает определенная коллизия, ведь исходя из популярных западных интерпретаций имен-

¹ URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/>

но фокусировка на исторической памяти может приводить российское руководство к условно «мистическому» мышлению с попытками объяснить свои действия на той же современной международной арене отсылками к «излишне далекому прошлому». Но с российской точки зрения как раз растущие из истории представления о допустимом и ограниченном («сфера влияния» как раз является концептом из данной логики) куда более прагматичны, чем стремление максимизировать такие произвольно сформированные ценностные концепты, как, например, «страна, вставшая на путь демократии / правильную сторону истории». В «мистической» составляющей, на самом деле, как раз куда больше смысла, чем в концепциях вроде «исторических территорий».

ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Интересным концептом, описывающим суть умеренно-консервативного подхода к политике и политическому управлению в России, оказывается «гравитация идентичности» или «магнетизм идентичности» (термин упоминается в известных построениях Харичева А. Д. и соавторов, М. Ремизова и т. д.) [2]. Смысл его в том, что политическое управление должно базироваться не просто на противопоставлении коллективных (коллективистских) социальных норм и обязательств либеральной редукции этих обязательств вплоть до отказа в пределах от любых социальных ограничений существования человека (об этом аспекте активно говорят А. Дугин и его единомышленники). Но «гравитация идентичности» предполагает, что подходы к социальному конструированию и управлению в социально-политической среде, интерпретируемые через традицию или даже позитивно воспринимаемую ценностную «инерцию», как раз будут создавать достаточные стимулы для интеграции и единения вокруг условно консервативной повестки. Частью этой «гравитации», как считается, могли бы быть усилия по органичному повышению уровня социальной эмпатии в обществе, понимания и уважения интересов друг друга, а также «сотрудничество, мотивированность управленческих решений, творчество и конструктивная инициативность» [3]. Термин «сотрудничество» призван подчеркнуть этический аспект взаимодействия и коллективного

труда, включая творчество. Стоит отметить, что даже западные исследователи в настоящее время отмечают особую значимость этических и морально значимых терминов в дискурсе российского политического управления. Это связано с тем, что российская политическая система тесно связана с историей и черпает в ней силы.

В техническом же смысле слова речь идет по большей части о политическом управлении через принципы солидаризма [4], который исторически рассматривался как часть классического корпоративизма и потому какое-то время был непопулярен после Второй мировой войны из-за негативных ассоциаций с корпоративизмом того времени. В своей синдикалистской версии солидаризм использовался в политическом опыте постсоветской России, например, при формировании идейной программы политического управления, предлагавшейся Партией самоуправления трудящихся Святослава Федорова в 1995 г.

Базируясь так или иначе на идейной основе умеренного консерватизма, все сущностные подходы (макроподходы, подходы на макроуровне) к политическому управлению в современной России делают акцент на достижении различных целей (точнее, целей, которые видятся в разных плоскостях). Так, один из основных подходов можно называть «институционально-ордерным» [5]. Этот подход предполагает фокус на масштабных задачах государства в то время, как сам политический режим имеет большую ценность, чем «обычные» управленческие задачи в сфере политики.

Отсюда проистекают ценности и порядки «вертикали власти» или «долгого государства», если пользоваться наработанной за пару десятилетий терминологией В. Суркова. Именно исключительно и только мощное государство способно ставить «политические (стратегические) задачи повышенной сложности» вроде прорыва на утраченное ранее место на мировой арене или реализации «исторических шансов». Последнее может интерпретироваться критиками как нечто «мистически-мессианское», однако на практике оно может иметь и вполне «материалистическое» объяснение.

Речь идет о способности государства организовать ускоренную модернизацию или ускоренное эффективное приспособление к стратегическим вызовам момента, причем сделать это

очень быстро, умея концентрировать ресурсы и все имеющиеся элементы потенциала страны. Ключевым концептуальным объяснением тут оказывается само понятие политического порядка (ордера), который понимается как инструмент целесообразного функционирования и развития политической системы общества, и урегулированности процессов [6]. В том числе и в особенности в условиях стрессов — порядок оказывается своего рода «над-ценностью», без которой другие базовые ценности и задачи политики просто невозможны. Наиболее ярким примером такого стресса является война, но и иные сходные сюжеты вроде силовых прокси-конфликтов, санкционных противостояний, экономических или технологических блокад (сюжеты, востребованные для анализа особенно с учетом актуальной политической конъюнктуры после 2022 г.) концептуально попадают примерно в ту же рамку.

Институционально-ордерный подход предполагает, что пути реализации целей конкретного политического порядка нуждаются в рациональной организации институтов, правил игры, заточенных именно под поддержку самого существования (сохранения) порядка. Стоит иметь в виду, что, хотя первоочередная ценность сохранения государства и базового порядка является очевидным приоритетом российской стратегической культуры, идущей в буквальном смысле сквозь века (опыт переживания проблем в моменты распада или «исчезновения» государства / государственного порядка у России очень большой), тем не менее сходные подходы имели место и на либеральном Западе.

Например, именно идею о приоритете порядка и поддерживающих его институтов перед экономическим прогрессом, дисперсией власти и развитием демократически-представительных моделей социума предлагал в свое время известный политолог консервативного направления С. Хантингтон. А крупный специалист по политическим трансформациям (и оценке степени их успешности) в западных странах (Нигерия, Малайзия и т.д.) Д. Горовитц указывал на принципиально важную роль сильной президентской власти в осуществлении того политического транзита, который осуществляется не ради некой модной идеологической цели («демократия» и т.п.), а именно создания эффективно функционирующего набора власт-

ных институтов, на базе которых уже возможно поступательное развитие экономического и социального характера. В своих спорах со сторонниками именно парламентской модели развития и парламентского типа республик (Х. Линц и др.) Горовитц обращал внимание на возможность сильной президентской власти сконцентрировать те полномочия, которые необходимы для прохождения трансформационного пути, осложненного этническими, социальными, военными и прочими острыми конфликтами в стране. С учетом пересмотра модных в конце холодной войны моделей «демократического транзита» как раз более привязанная к конкретными страноведческим реалиям концепция Горовитца по факту оказалась более эвристически-продуктивной.

Важно учитывать, что в рамках мобилизации (мобилизационного сценария) нельзя просто идти по пути условного сталинизма, хотя бы в силу учета современных реалий — когда важным ограничением и необходимым усилием оказывается работа с общественным мнением и легитимностью режима. В этом смысле даже масштабная основная «миссия государства» в виде, например, «мирозащитной политики» (когда поднимаются глобальные задачи уровня приведших к СВО в 2022 г.) и ее проецирования на внутривнутриполитическую жизнь тоже нуждаются в социетально-политической и коммуникативной поддержке (поддержка легитимности, управление общественными настроениями со снятием или ослаблением основных социально-психологических стрессов и т.д.).

ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ СО-УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ

Второй большой макроподход к политическому управлению в современной России как раз и вытекает из необходимости дополнения институционально-ордерного «костяка» режима различными со-управленческими механизмами и вовлечением управляемых в процесс взаимной и обратной связи с властями. Этот подход можно условно назвать, по аналогии с некоторыми западными концепциями, «технократическим со-управлением» (governance). При этом классический governance тут будет иметь отличия как от упрощенных (ограниченных по базовой политической логике) моделей управленческого или сервисного государства,

«нового государственного менеджмента», так и от либерально-полиархических интерпретаций, но при этом будет полностью поддерживать работы с гражданским обществом (при признании последним достаточной степени лоялизма базовым ценностям сохранения государства и его исторической традиции).

Российскую версию «политического соуправления» (governance) с западными же концепциями подобного типа объединяют попытки через нее разрешить актуальные или перспективные (возможные) кризисы легитимности. В случае с Западом масштабный кризис легитимности базовых политических институтов имел место еще в 1970-х гг., когда запрос на масштабное социальное вовлечение в политику, в том числе публичную, активно рос, а реализовать его в базовой логике капитализма не удавалось. Governance и его различные версии (good governance и т.д.) были призваны дать «недостаточно представленным» и/или «уязвимым» социальным группам дополнительные возможности для реализации, для выражения своего голоса и для повышения своего социально-экономического статуса (welfare state). Степень реального влияния при этом на стратегические решения оставалась спорным вопросом, как и дискуссия о том, насколько полноценной с точки зрения реального политического является «новая представленность», либо все же скорее речь шла о «коммуникационном театре», прикрывающем реальные (классические) инструменты власти.

В случае с Россией риск ощущения «недостаточной представленности» позиций тех или иных социальных групп тоже велик, а терять контакт с этими группами для государства опасно и с точки зрения непосредственных рисков для политического порядка, и с точки зрения размывания части научно-технического, творческого и культурного потенциала страны. Например, не секрет, что именно представители так называемого «креативного класса», если пользоваться терминологией известного социального теоретика Р. Флориды, испытали серьезный стресс от смены российской модели развития и отношений с Западом в 2022 г. Это проявилось в значительном увеличении масштабов эмиграции из РФ представителей артистического мира, IT-специалистов, людей, занятых в работе с представительствами западного бизнеса и т.д. Стал фиксироваться

и социально-психологический синдром «внутренней эмиграции». При этом принцип технократического соуправления (governance) как раз предполагает, что и этот сегмент общества важен для развития. Для России важно его задействование как драйвера и цифровой трансформации, и бизнес-инициатив (в том числе в сфере импортозамещения), и поддержания общего социального оптимизма как вполне рационально-материалистической задачи. Отсюда в том числе и высказывания тех же представителей российских властей вроде пресс-секретаря главы РФ Д. Пескова о том, что «страна ждет возвращения уехавших», «Россия всегда открыта для всех, кроме врагов».

«Технократическое соуправление» основывается на сочетании потенциала государственных институтов и социально-творческих возможностей различных общественных групп. В том же понятии электронного государства, активно продвигающемся сейчас в России, главным считается не столько просто информационная составляющая (когда граждане знают через интернет о работе государства, а государство через тот же интернет получает информацию о гражданах), сколько именно коммуникационная система на новом уровне взаимодействия. Эта система должна снижать издержки на взаимодействие и повышать при этом контролируемость процесса коммуникации для обеих сторон этого процесса (в будущем сторон будет даже больше, если учитывать бизнес и гражданское общество как отдельных акторов). Здесь важно наращивать использование ключевых современных технологий, включая искусственный интеллект, для решения реальных коммуникационных задач [7].

Речь идет о повышении связанности общества и его частей, о наращивании социального капитала (сетей взаимодействия и доверия в обществе), что с точки зрения современных представлений как раз ведет к повышению социального оптимизма, качества государственного управления и создания лучшей среды для предпринимательства и иных форм социальной и личностной реализации граждан. Перспективной может оказаться работа с открытыми данными и участием энтузиастов, которые будут отмечать ошибки, касающиеся информации о самих гражданах и о государственных институтах, о бизнес-ассоциациях и т.д. — благодаря чему качество работы с теми

же большими данными может существенно улучшиться. Возможно соучастие граждан, бизнес и бизнес-ассоциаций в формировании бюджетов и систем законодательства на различных уровнях — в том числе востребованными могут оказаться компетенции бизнеса (особенного высокотехнологического). Партиципаторные схемы, схемы соучастия в бюджетном планировании, постоянной связи с делегатами (депутатами), в том числе через цифровые механизмы, способны принести вполне ощутимую пользу.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что, в отличие от сервисной модели государства, российский опыт построения технократического со-управления будет иметь большую и активную роль государственных инициатив в трансформации управленческих и социальных практик, и возложения принятия последнего решения не на заинтересованные группы, а именно на базовые государственные институты. В этом

смысле баланс отношений между государством и гражданским обществом в модели умеренного российского современного консерватизма будет смещен в пользу ключевых институтов, обеспечивающих политический порядок. При этом сами по себе политико-управленческие преобразования, нацеленные на повышение качества предоставления государственных услуг, должны иметь место и также подразумеваются и в российской версии *governance*. Ведущая роль государственных институтов предполагает сохранение и упрочнение институциональных возможностей для рациональной и в достаточной степени идейно мотивированной бюрократии осуществлять свою управленческую и целеполагающую функцию, однако вовсе не укорененное в социальной среде превалирование одного класса (группы) граждан над другими. Быть «заказчиком» и «проводником» социальных изменений и политических стратегий — это одно, а быть агентом политического доминирования над остальными социальными группами — это иное.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильичева Л. Е., Лапин А. В., Ильичева М. В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации. *Власть*. 2024;32(2):24–42. DOI: 10.24412/2071–5358–2024–2–24–42
2. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследования и апробации). *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):9–19. DOI: 10.12737/2587–6295–2022–6–3–9–19
3. Шичанин А. В., Гривков О. Д. Умеренный консерватизм как мировоззренческая основа современной России. *Журнал политических исследований*. 2023;7(1):115–130. DOI: 10.12737/2587–6295–2023–7–1–115–130
4. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России. *Социодинамика*. 2013;(8):72–137. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.8750
5. Бережная Н. В., Лобова Л. А., Полякова О. А. Политическое управление современной России: концепты трансформации. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021;(3):160–163. DOI: 10.22394/2079–1690–2021–1–3–160–163
6. Терещенко О. В. Политический порядок: методолого-структурный анализ понятия. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки*. 2019;(3–4):65–69.
7. Петросянц Д. В. Искусственный интеллект в «башне из слоновой кости». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):38–45. DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–6–38–45

REFERENCES

1. Ilyicheva L. E., Lapin A. V., Ilyicheva M. V. Moderate conservatism as an ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024;32(2):24–42. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071–5358–2024–2–24–42
2. Harichev A. D., Shutov A. Y., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Research*. 2022. 2022;6(3):9–19. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6295–2022–6–3–9–19
3. Shichanin A., Grivkov O. Moderate Conservatism as the ideological basis of Modern Russia. *Journal of Political Research*. 2023;7(1):115–130. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6295–2023–7–1–115–130
4. Shchuplenkov O. V., Shchuplenkov N. O. Ideas of solidarism in the concept of building a civil society in Russia. *Sociodinamika*. 2013;(8): 72–137. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.8750
5. Berezhnaya N. V., Lobova L. A., Polyakova O. A. Political management of modern Russia: Transformation concepts. *State and Municipal Management Scholar Notes*. 2021;(3):160–163. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079–1690–2021–1–3–160–163
6. Tereshchenko O. V. Political order: methodological and structural analysis of the concept. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kul'turologiya. Politicheskie nauki*. 2019;(3–4):65–69. (In Russ.).
7. Petrosyants D. V. Artificial Intelligence in “Ivory Tower”. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):38–45. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226–7867–2023–13–6–38–45

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior lecturer at the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

smitrahovich@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51
УДК 321.01(045)

Технократические элементы реформатирования идейного поля

И.С. Пятибратов

Финансовый университет, Москва, Россия;
Центр Политической Информации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается специфика технократии – как способ осуществления управления государством и идеология. С учетом актуальности темы взаимопроникновения технологических достижений и политического процесса очевидна необходимость раскрытия и анализа особенностей и перспектив технократии как политической системы, находящейся на стыке достижений научно-технического прогресса и власти. Технократия рассматривается в трех качествах: в классическом ее понимании, современном прочтении, а также как самостоятельная идеология, технократизм. Автор приходит к выводу, что коммуникативные элементы технократии отвечают интересам развития современного суверенного государства, но как концепция она отягчена большим объемом противоречий идеологического толка, что не позволяет имплементировать ее без притеснения прав и свобод населения.

Ключевые слова: технократия; технократизм; технология; олигархия; научно-технический прогресс

Для цитирования: Пятибратов И.С. Технократические элементы реформатирования идейного поля. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):46-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51

ORIGINAL PAPER

Technocratic Elements of Reformatting the Ideological Field

I.S. Pyatibratov

Financial University, Moscow, Russia;
Center for Political Information, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article explores the specifics of technocracy as a form of government and an ideology. Given the significance of the topic of the intersection between technological advancements and the political process, it is evident that it is essential to examine and analyze the characteristics and potential of technocracy as a political system that lies at the intersection of scientific and technological development and governance. Technocracy is examined from three perspectives: its classical understanding, its modern interpretation, and as an independent ideological movement known as Technocratism. The author concludes that the communicative aspects of technocracy align with the interests of a modern, sovereign state. However, at the same time, the concept of technocracy is burdened by a significant number of ideological discrepancies that prevent its implementation without infringing on the rights and liberties of the populace.

Keywords: technocracy; technocratism; technology; oligarchy; scientific and technological development

For citation: Pyatibratov I.S. Technocratic elements of reformatting the ideological field. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):46-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51

Вступив в информационную эпоху, перейдя от традиционного производства к «оцифрованному», человечество столкнулось с новыми, ранее неизвестными ему вызовами. Так, в духовной сфере возрастает роль нейросетей, в экономической возмущителем спокойствия стали криптовалюты и NFT, социальная жизнь неразрывно связана с коммуникативными сервисами, такими, как Zoom, а в политике увеличивается интерес к технократии и технократизму — особенно на фоне локдаунов в связи с пандемией COVID-19. Именно технократия и связанные с ней явления выступают объектом данного исследования.

По мнению автора, к определению понятия «технократия» существуют три основных подхода.

Первый — классический — который приписывают инженеру Уильяму Генри Смиту, рассматривает технократию как участие рабочих-профессионалов в принятии политических решений. Прообразом такого рода политической стратификации можно считать концепцию Платона о власти философов. В дальнейшем эта идея имела развитие в трудах Фрэнсиса Бэкона и Торстейна Веблена [1].

Суть данного подхода заключается в том, что политически немотивированный актор, обладающий специальными научными знаниями преимущественно технического характера, способен выносить более рациональные политические решения, в основе которых лежит стремление не к власти, а к оптимизации распределения и применения ресурсов для достижения максимальной отдачи от них в общественной жизни.

Второй подход (назовем его публицистическим) близок к меритократии, то есть к «власти достойных». Согласно данному принципу, властью должны обладать наиболее талантливые люди, безотносительно к их происхождению и социальному статусу. Данный подход к пониманию технократии более широкий, чем классический, и увеличивает пул людей, которые потенциально достойны власти, не акцентируя внимания только на кандидатах, обладающих техническим образованием.

В рамках этого подхода технократ — это не тот, кто руководствуется исключительно принципами рационального мышления, а так называемый «эффективный менеджер» или

«крепкий хозяйственник», то есть руководитель, обладающий высокоразвитыми навыками управления. А максимизации при этом подвергается не полезность принимаемых решений, как в случае с классическим подходом, а качество управления. Именно в таком смысле термин «технократия» зачастую употребляется в российских СМИ, например на фоне выдвижения на губернаторские посты молодых управленцев-«варягов», что стало трендом в последние годы.

Наконец, третий подход — идеологический. Технократию часто представляют как идеологическую платформу, которая выходит за рамки вопросов управления государством, распространяясь на все сферы жизни общества. Данную идеологическую концепцию также называют «технократизмом».

Адепты технократизма считают, что технические знания и закономерно следующие за ними научные достижения — не просто инструмент реализации эффективного управления, а основа развития цивилизации [2]. Математические модели получают онтологический статус [3]. В этом смысле технократизм противопоставляется гуманизму [4].

В мире нет государств, которые за основу своего развития брали бы концепцию технократизма в чистом виде, но его элементы наблюдаются во многих странах. Электронная демократия, сервисное государство — все это укладывается в концепцию технократизма в частности и технократии в целом, ведь так осуществляется реализация государственной власти на основании научных достижений, то есть труда людей, обладающих прикладными техническими знаниями.

В данной работе технократия рассматривается близко к классическому подходу, то есть как политический режим из спектра олигархических. Обратим внимание на то, что уже на этапе формулирования подобного определения технократии неизбежно столкновение с проблемой «демократичности» такой системы управления, ее соответствия современным тенденциям развития общества в большинстве стран мира.

Может ли технократия быть демократичной? В классическом смысле — безусловно нет. Факт присвоения власти лицом или группой лиц при довольно строгом образовательном цензе антидемократичен по определению.

Читатель возразит: народ мог бы участвовать в избрании лидера, даже если допуск для выдвижения кандидатуры на выборах ограничен подобным цензом. Но это вновь расходится с идеалами технократии, ведь не обладающая специальными знаниями публика не способна оценить степень компетентности технического специалиста.

Более того, технократ, согласно классической концепции, не должен иметь политических амбиций — он верховный регулятивный институт, осуществляющий свою деятельность на основе рационального выбора, сама власть ему должна быть не интересна. Фактически при технократическом способе управления государством ликвидируется концепция борьбы за власть, которая лежит не только в основе демократии, но и политики вообще. Ведь политика — это деятельность по захвату, удержанию и распределению власти. Общество, в котором нет элемента борьбы за власть, априори не имеет ничего общего с демократией.

Закономерно, что в технократическом государстве невозможно существование частного рынка, ведь логика его развития предсказуема только на абстрактном уровне, но фактически не позволяет технократу вести полностью прогнозируемую и эффективную экономическую политику, что логично приводит общество к плановой экономике. Гипотетическая альтернативная ситуация, когда технократическое государство сохраняет свободный рынок, ставит представителей власти в зависимость от компаний — производителей продукции, и тогда для снижения трансакционных издержек технократ будет вынужден реализовывать коррупционные схемы, и произойдет сращивание технократической и предпринимательской элит — подобное наблюдалось в нацистской Германии.

Таким образом, технократия — политический режим, при котором население не является источником власти, а сама власть не выступает объектом публичной борьбы, находясь в руках узкого и относительно закрытого круга лиц. Это типичная олигархия, какой она представляется даже в учебниках.

Насколько приемлема такая форма управления — вопрос этики, ведь де-факто нет плохих политических режимов, есть те, которые не оправдали себя. Но совершенно очевидно, что технократия, воплощенная в полном ее содержании, противоречит принятым в совре-

менном обществе ценностям личной автономии и активного участия масс в политической деятельности.

Рассмотрим подход к технократии, обозначенный нами как публицистический. Он имеет гораздо более широкое воплощение в современном мире, в том числе в РФ, когда главами регионов назначают людей, обладающих, в первую очередь, управленческими навыками и не вовлеченных в публичную политическую деятельность.

Оценка эффективности такого подхода не входит в задачи данной работы, но обратим внимание на то, что данный тип технократов не обладает верховной властью в государстве. Его представители ограничены в своих полномочиях и осуществляют задачи, которые перед ними ставят политики. Таким образом, встает вопрос: сохранит ли свою сущность технократ, не обладающий возможностью автономного целеполагания, основанного на достижении максимальной полезности своей деятельности? И способен ли он достичь реальных результатов?

Фактически в таком случае мы говорим не о технократии и даже не о технократах, а о чиновниках, которые нацелены не столько на поступательное развитие вверенной им зоны контроля, сколько на поддержание статуса-кво и укрепление позиций тех, кто обладает реальной властью. Ведь, в отличие от не вовлеченных в публичную политику технократов, их непосредственное начальство — политики, мотивированные отношениями во власти, а не полезностью. Реализация технократии в полной мере возможна только при условии смены приоритетов развития государства, чтобы освободить его от борьбы за власть. Иной способ — использование технократии для консервирования действующего режима.

Это классический пример столкновения *politics* как борьбы за власть и *policy* как управления государством. Технократическая концепция — *policy*, полностью отделенная от *politics*, что не имеет примеров в истории человечества.

В этом контексте технократия — «обертка», скрывающая реальные черты политического режима в государстве.

Означают ли указанные положения, что технократии в современном мире нет? Едва ли. Но ее реализация фрагментарна. Наиболее ярким ее проявлением является все возрастающая роль

современных коммуникативных технологий в процессе осуществления государственной власти. В особенности это касается электоральной сферы, документооборота, а также взаимодействия между представителями власти и населением.

Наиболее ярко этот тренд проявился во время пандемии COVID-19, когда с целью недопущения распространения вируса правительства многих стран прибегли к электронным средствам контроля за населением. Данный комплекс мер, являясь опрессивным, продемонстрировал свою эффективность в случае широкомасштабного применения [5].

Примечательно, что опыт применения таких методов и средств имеет свойство аккумулироваться, что ведет к постепенной трансформации государственного аппарата во все более технологичные формы. Тем не менее технократизации подвергаются лишь отдельные, чисто инструментальные элементы деятельности государства, — сущностных изменений во властных отношениях между субъектами и объектами политики не прослеживается. В связи с этим можно констатировать лишь интеграцию некоторых технократических атрибутов, но не переход современного общества к технократическому способу управления государством.

Достоинством внимания является тот факт, что даже эти ограниченные в своем применении элементы технократии воспринимаются многими как проявления «технологического фашизма», не просто ограничивающего людей в некоторых аспектах жизни, но направленное на сокращение населения земли и полное подавление воли человечества. Такие «теории заговора», когда утверждается, что пандемия COVID-19 является спланированной акцией, нацеленной на установление глобального тоталитарного контроля, возникли, например, вокруг программной работы директора ВЭФ Клауса Шваба «Великая перезагрузка» [6].

Подобный отклик на интеграцию достижений научно-технического прогресса в механизмы управления государством не является аномальным или присущим лишь узкой прослойке необразованных «заговорщиков». Идея построения общества на принципах научного детерминизма прослеживается в таких классических антиутопических произведениях, как «Мы» Евгения Замятина или «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли [7]. В данных работах ги-

пертрофированные технократические режимы противопоставляются свободолобивой человеческой природе, не терпящей жесткого регулирования частной жизни. Важно понимать, что это не технофобия, а закономерная боязнь того, что осуществление управления обществом лишь на основе принципов рационального мышления может привести к формированию тоталитарного государства. Ведь, как отмечалось выше, многие из основных идей технократии идут вразрез с демократией и леволиберальными ценностями, основанными на политическом участии и свободе личности. В связи с этим такие опасения более чем оправданы, в особенности на фоне того, как технократические элементы все отчетливее проявляются в политике таких стран, как Китай, «система социального кредита» которого не раз подвергалась критике. Хотя стоит признать, что китайский подход к оценке жителей страны по различным параметрам сущностно мало отличается от кредитного скоринга, принятого в банках по всему миру.

Из вышесказанного очевидно, что технократия — крайне противоречивая концепция. С одной стороны, она призвана рационализировать распределение ресурсов в государстве, сделав их использование максимально эффективным. С другой стороны, — это политический режим, подразумевающий не просто передачу гражданами госаппарату ряда свобод в обмен на безопасность, но практически полный отказ от автономии личности. Каждый подданный технократического государства может из человека, о котором заботится государство, трансформироваться в того, кто поддерживает его жизнедеятельность, причем только в той степени и тем образом, который ему отведен архитектором подобной государственной системы. В подобном виде технократия закономерно вызывает отторжение у многих людей на этическом уровне. Потому идеологизация технократии — опасное занятие, потенциально ведущее к зарождению тоталитарного общества.

В то же время отдельные элементы технократии уже проявляются в политической жизни многих современных государств, не ведя к деноминации прав и свобод граждан, а, напротив, повышая доступность многих государственных институтов и упорядочивая коммуникацию с ними. Технократические принципы являются своего рода аддоном, но не базой политического

режима. В этом качестве адаптация успешных технократических практик — фактор плодотворного развития управленческого аппарата.

Применение же принципов технократии при рекрутировании чиновников среднего звена видится неэффективным, ведь, по сути, технократия подменяется меритократией, а принципы технократизма становятся ширмой, за которой скрываются традиционные способы реализации государственной власти. Такие практики, даже если имеют определенную пользу, к реальной технократии имеют очень условное отношение и скорее являются продуктом новых социальных лифтов.

Итак, мы приходим к выводу о том, что наиболее адекватным воплощением принципов технократии в современных реалиях высту-

пает интегрирование продуктов научно-технического прогресса в процессы политической коммуникации. Это одновременно делает коммуникацию государственных институтов более эффективной и сокращает дистанцию между государственным аппаратом и гражданами. То есть фактически в такой конфигурации технократические практики способствуют росту прозрачности госаппарата и демократизации политической системы в целом. При этом осуществляется принцип рационализации использования ресурсов, столь важный для технократии, ведь цифровизация гораздо более экономична в отношении и временного, и природных ресурсов. В то же время подобное частичное осуществление технократии как сервиса лишено идеологически спорной нагрузки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнмоу Л. Технократия в США и Китае: теория и практика китайской экспертной политики в эпоху нанкинского правительства (1927–1949 годы). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-v-ssha-i-kitae-teoriya-i-praktika-kitayskoy-ekspertnoy-politiki-v-epohu-nankinskogo-pravitelstva-1927-1949-gody>
2. Твердынин Н. М. Технократизм и технофобия: соперничество на протяжении всей истории цивилизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratizm-i-tehnofobiya-sopernichestvo-na-protyazhenii-vsey-istorii-tsvilizatsii>
3. Миронов А. В. Технократизм — вектор развития глобализации. М.: Макс Пресс; 2009. 132 с.
4. Кулюткин Ю. Н. Технократия и гуманизм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-i-gumanizm>
5. Li. Y., Undurraga E., Zubizarreta J. Effectiveness of Localized Lockdowns in the COVID-19 Pandemic. URL: <https://doi.org/10.1093/aje/kwac008>
6. Goforth C. Trudeau speech reignites conspiracy theory fervor over “Great Reset”. URL: <https://www.dailydot.com/debug/great-reset-conspiracy-theory/>
7. Богомазова Н. Л. Мир цифры XXI века: философско-культурологический анализ романа-антиутопии Евгения Замятина «Мы». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsifry-xxi-veka-filosofsko-kulturologicheskiy-analiz-romana-antiutopii-evgeniya-zamyatina-my>

REFERENCES

1. Yongmou L. American technocracy and Chinese response: Theories and practices of Chinese expert politics in the period of the Nanjing Government (1927–1949). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-v-ssha-i-kitae-teoriya-i-praktika-kitayskoy-ekspertnoy-politiki-v-epohu-nankinskogo-pravitelstva-1927-1949-gody> (In Russ.)
2. Tverdinin N. M. Technocratism and technophobia: rivalry throughout the history of civilization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratizm-i-tehnofobiya-sopernichestvo-na-protyazhenii-vsey-istorii-tsvilizatsii> (In Russ.)
3. Mironov A. V. Technocratism — a vector of globalization development. M.: Maks Press; 2009. 132 p. (In Russ.)
4. Kulyutkin Y. N. Technocracy and humanism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-i-gumanizm> (In Russ.)
5. Li. Y., Undurraga E., Zubizarreta J. Effectiveness of Localized Lockdowns in the COVID-19 Pandemic. URL: <https://doi.org/10.1093/aje/kwac008>

6. Goforth C. Trudeau speech reignites conspiracy theory fervor over “Great Reset”. URL: <https://www.dailydot.com/debug/great-reset-conspiracy-theory/>
7. Bogomazova N. L. The Digital World of the 21st Century: Philosophical and cultural analysis of E. Zamyatin’s dystopian novel “We”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsifry-xxi-veka-filosofsko-kulturologicheskiy-analiz-romana-antiutopii-evgeniya-zamyatina-my> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Иван Сергеевич Пятибратов — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий аналитик, Центр Политической Информации, Москва, Россия

Ivan S. Pyatibratov — Cand. Sci. (Pol.), Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia; Leading Analyst, Center for Political Information, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>
ISPyatibratov@fa.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 10.03.2024; принята к публикации 30.03.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.03.2024; accepted for publication on 30.03.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-52-58
УДК 316.77(045)

Влияние цифровизации на трансформацию коммуникационных процессов

Р.К. Крайнева, А.Д. Гулаков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цифровизация затронула все процессы общественной и социальной жизни, в том числе и коммуникационные, где ключевые изменения связаны с включением в них новых субъектов. В настоящей статье произведено изучение скрытого влияния цифровизации на человека на основе анализа зарубежных и российских научных работ по рассматриваемой проблеме. Изучение мирового цифрового опыта развитых стран позволило авторам выявить ряд характерных угроз, которые российские граждане начинают ощущать в настоящее время. По результатам проведенного анализа был составлен ряд рекомендаций – как для пользователей, так и для внедрения на государственном уровне, – направленных на снижение риска угроз массовой и масштабной цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровой опыт пользователя; коммуникации в цифровом обществе; угрозы цифровизации; воздействие цифровых технологий

Для цитирования: Крайнева Р.К., Гулаков А.Д. Влияние цифровизации на трансформацию коммуникационных процессов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-52-58

ORIGINAL PAPER

The Impact of Digitalization on the Transformation of Communication Processes

R.K. Krayneva, A.D. Gulakov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Digitalization has impact on all processes of public and social life, including communication, where key changes are associated with the inclusion of new subjects. This article studies the hidden impact of digitalization on a person based on the analysis of foreign and Russian scientific works on the problem under consideration. Studying the global digital experience of more developed countries made it possible to notice a number of characteristic threats that Russian citizens are currently beginning to observe. Based on the results of the analysis, a number of recommendations were made - both for personal use and for implementation at the state level, aimed at reducing the risk of threats of mass and large-scale digitalization.

Keywords: digital transformation; digital user experience; communications in a digital society; threats of digitalization; impact of digital technologies

For citation: Krayneva R.K., Gulakov A.D. The Impact of Digitalization on the Transformation of Communication Processes. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-52-58

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня масштабная цифровая трансформация всех общественных процессов изменила характер коммуникаций внутри различных организаций, предприятий и общества в целом, что значительно повлияло на опыт современного пользователя.

Скачкообразное развитие технологических новшеств, внедрение искусственного интеллекта, автоматизация как производственных, так и управленческих, и коммуникативных процессов, — ключевые ценности современной экономики. Коммуникационная среда длительное время воспринималась как пространство для обмена информацией, требующее применения широкого спектра цифровых инструментов и технологий, с огромным количеством адресатов. Сейчас же востребованность информации опережает скорость ее воспроизводства, что можно назвать медиапотреблением.

Согласно принятому в России Указу Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, все отрасли экономики страны должны к 2030 г. получить цифровое развитие с учетом современных тенденций и мирового опыта. Принятый курс определяет важность влияния новых цифровых технологий на человека.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В ходе цифровой трансформации коммуникационного процесса возникают сложности, проблемы, риски, поэтому ее участникам следует быть готовым к новым условиям взаимодействия. Своевременный анализ опыта зарубежных стран с более развитым цифровым обществом позволил составить ряд рекомендаций по снижению риска проявления негативного эффекта цифровой трансформации.

Изменения, касающиеся современных пользователей, в первую очередь, обуславливаются преобразованием фундаментальных основ самого процесса коммуникации. Существует значительное количество научных подходов к пониманию коммуникации: анализируя научную среду, можно найти более ста различных трактовок.

Рассматривая модели коммуникации как средство репрезентации и схематического

отображения общения социальных субъектов, стоит отметить, что все они направлены на упрощение восприятия феномена коммуникации и составляются исходя из предпочтений конкретного исследователя, временного периода и актуальных для него проблем, определяющих использование тех или иных дефиниций (табл. 1).

Сегодня из-за воздействия цифровой среды и активного внедрения в нее электронных технологий наблюдаются значительные изменения в ходе передачи сообщений и, соответственно — в процессе создания новых или же адаптации классических моделей, раскрывающих сущность коммуникации в цифровой среде.

Посредством новых технологий удалось расширить пространство социальной коммуникации, в число участников которой были включены неодушевленные операторы: искусственный интеллект, умные гаджеты и пр. Так, интернет вещей позволил автономным системам и компьютерам передавать сообщения друг другу, создавая собственную аналитическую базу данных, которая может быть применена для совершенствования некоторых алгоритмов. Если раньше массовая коммуникация имела коллективный характер, то на данный момент существует масс-персональная.

Есть два основных способа передачи сообщения: иерархический и сетевой.

При первом она осуществляется сверху вниз: каждый новый получатель отправляет исходную информацию дальше по цепочке, с большой вероятностью дополняя и изменяя ее. При этом важно учитывать продолжительность процесса и фактор времени [1], который ввиду тех или иных обстоятельств может создать различные помехи, и в передаче сообщения возникает задержка.

При сетевом процессе сообщение может транслироваться одновременно всем и всеми получателями, что нивелирует временную помеху. Однако, если адресатов много, она все же остается актуальной.

Для демонстрации вышесказанного стоит вернуться к упомянутой модели коммуникации Ласуэлла, которая посредством включения некоторых новых элементов может быть трансформирована под реалии цифровой среды (табл. 2).

В настоящий момент, согласно исследованиям, самым популярным средством передачи сообще-

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

Таблица 1 / Table 1

Наиболее распространенные модели коммуникации / The most common communication models

Автор модели коммуникации	Характеристика модели
Модель линейных коммуникаций Ласуэлла	Коммуникация как взаимодействие пяти элементов: Коммуникатор, отправляющий сообщение. Сообщение, отправленное коммуникатором. Средство передачи сообщения. Адресат сообщения. Эффект от коммуникации
Линейная модель Шеннона и Уивера	Особенностью модели является шум, создающий помехи в ходе коммуникации, а задача коммуникатора – найти средство преодоления всех возможных препятствий
Модель Шрамма	Коммуникация представлена как циклический процесс, в котором роли отправителя и получателя постоянно меняются в зависимости от целей, а сам процесс бесконечен

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Трансформация модели коммуникации Ласуэлла / Transformation of Lasswell's model of communication

Структурный элемент	Характеристики в нецифровую эпоху	Характеристики в цифровую эпоху
Отправитель	Индивид или же группа лиц	Индивид или группа лиц, искусственный интеллект
Сообщение	Текстовый, аудио-, видеоформат	Цифровой формат, автоматизированный процесс передачи
Средство передачи	Различные физические средства, невербальные и вербальные каналы	Цифровые платформы, сайты, социальные сети и т.д.; цифровой след
Получатель	Индивид или группа лиц	Индивид или группа лиц, искусственный интеллект, массперсональный получатель
Эффект от процесса	Реагирует индивид или группа лиц	Реакцию демонстрирует индивид или группа лиц, искусственный интеллект

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ний выступают социальные сети, пользователями которых являются 4,17 млрд чел., что составляет около 60% от всего населения [2]².

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сетевые коммуникации имеют ряд неоспоримых преимуществ перед традиционными, однако они могут оказывать на человека и негативное воздействие. Этому посвящены работы зарубежных ученых [3–7] (табл. 3).

Также необходимо упомянуть такой источник угрозы для современного человека, как искусственный интеллект (ИИ), воздействие которого исследовано не столь обширно ввиду новизны объекта изучения.

Масштаб и скорость распространения цифровизации в России несколько отличаются от передовых стран мира — наша страна занимает 24-е место в рейтинге внедрения интернет-технологий с показателем 88,2%³.

² URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/>

³ URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>

Таблица 3 / Table 3

Обзор исследований о влиянии продуктов цифрового общества на человека / A review of research on the impact of digital society products on humans

Исследователь и проблема исследования	Методы исследования	Общие выводы
Университет Мичигана: влияние социальных сетей на благополучие субъекта	Анкетирование, шкала самооценки Розенберга, шкала социального обеспечения, проведение эксперимента	Репетативная прокрутка, уведомления и обновления социальных сетей снижают общий уровень активности и концентрации, повышают чувство отвлеченности
Университет Уилфирда Лорье: повышение риска болезни Альцгеймера	Анализ данных медицинских центров США	Снижение когнитивных способностей, вызванных чрезмерным использованием мобильных устройств, развитие деменции, уменьшение плотности серого вещества в коре мозга
Университет Чикаго: влияние смартфона на способность к запоминанию информации	Проведение эксперимента	Проблемы с запоминанием краткосрочной информации, вызванные использованием мобильных устройств, снижение уровня успеваемости
Ульмский Университет: воздействие социальных сетей на мозг человека	Структурное сканирование мозга	Чрезмерное потребление информации в социальных сетях вызывает изменения в гиппокампе, что сказывается на регуляции эмоций, дисфункция участков мозга
Гавайская исследовательская группа: влияние геймификации на современного человека	Эмпирический анализ данных, проведение опросов	Выявлено снижение когнитивных функций, отражающихся на возможности принимать решения; нарушения эмоционального состояния

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Однако стоит отметить, что в странах — лидерах списка уровень цифрового потребления ежегодно падает, тогда как в России время, проведенное пользователями в интернет-пространстве, увеличивается (рис. 1).

В ходе исследования был проведен анализ развития интернет-зависимости российских граждан⁴ — большая часть опрошенных осознают, что подвержены ей (рис. 2).

При этом наблюдается рост данного показателя при сравнении результатов исследования в промежутке 2021–2023 гг. (рис. 3).

Рассматривалось и решение данной проблемы, а именно — осознанный отказ от устройств с доступом в интернет-пространство, но более 60% опрошенных высказались отрицательно [4].

Трансформация процессов общения, рассмотренная на примере преобразования модели коммуникации Ласуэлла, состоит в том, что каждый современный человек использует в ходе коммуникации цифровые технологии, будь то личная переписка, потребление развлекательного контента или же решение производственных и деловых задач.

Изменения в способах передачи сообщения в первую очередь затрагивают главный субъект коммуникации — человека, и, как показывают исследования, значительная часть пользователей не осознают, что при этом их восприятие и организм также подвергается воздействию.

Анализ зарубежных исследований позволил выявить основные негативные проявления воздействия продуктов цифровой коммуникации на человека: снижение уровня концентрации и внимания, уменьшение скорости и количества запоминаемой информации, образование циф-

⁴ URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114184/kazhdyj-vosmoj-rossiyanin-uverenno-prichislil-sebya-k-internet-zavisimym/?ysclid=ls4jnvqtub575746604>

Рис. 1 / Fig.1. **Время, проведенное в Интернете / Time spent on the Internet**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors basing on URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=ls4henvdx8662169825>

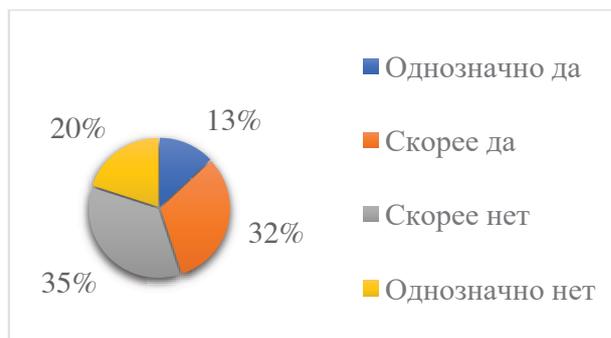

Рис. 2 / Fig. 2. **Мнения респондентов о наличии у них цифровой зависимости / Respondents' opinions on whether they have digital addiction**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors basing on URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>

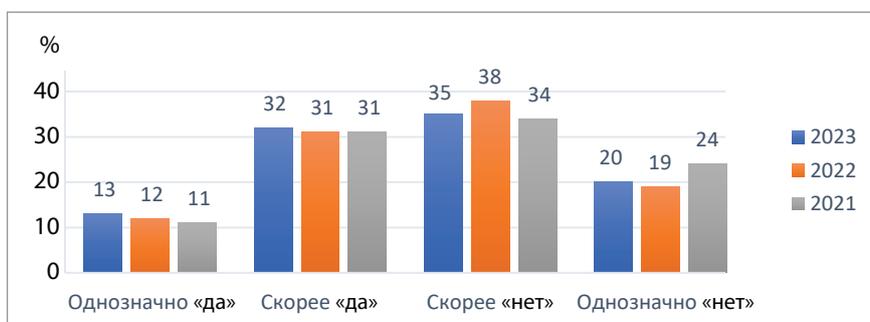

Рис. 3 / Fig. 3. **Динамика мнений респондентов касательно наличия у них цифровой зависимости, % / Dynamics of respondents' opinions on whether they have digital addiction, %**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors basing on URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>

ровых зависимостей, нарушения эмоционального восприятия действительности, падение качества обучения студентов и школьников, потеря способности критически обрабатывать информацию.

С учетом тенденции к повышению совокупного времени, проведенного российскими гражданами в интернет-пространстве, можно утверждать, что в ближайшее время указанные последствия будут проявляться чаще. На данный момент в российском исследовательском поле крайне мало работ, посвященных воздействию продуктов цифровой среды на человека, однако уже сейчас ученое сообщество называет интернет-зависимость одной из угроз.

Эти и многие другие скрытые стороны цифровизации коммуникационных процессов отражают факт несовершенства развития на современном этапе как самой цифровой коммуникации, так и человека, ее использующего. В то же время

данные о психических расстройствах говорят о неготовности российского пользователя к осознанному потреблению информации и продуктов в интернет-поле.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования авторами сформированы предложения и рекомендации, способные как на индивидуальном, так и на государственном уровне снизить риски и предотвратить угрозы заболеваний (табл. 4).

Поскольку российское общество приближается к уровню передовых стран мира, граждане должны быть заблаговременно проинформированы об опасностях, возникающих в результате гиперпотребления продукции цифровых средств массовой коммуникации, которые могут быть скрыты за всеми видимыми преимуществами новых технологических решений. Возможно-

Таблица 4 / Table 4

Рекомендации по решению возможных проблем, возникающих у человека при цифровизации коммуникационных процессов / Recommendations for addressing potential issues that may arise during the process of digitalizing communication

Средства устранения/предотвращения угроз	Эффект от применения
Приложение We Chat	Стимулирует области головного мозга, отвечающие за когнитивные функции
Использование тайм-менеджмент приложений	Предотвращает чрезмерное использование диджитал-пространства
Социальная коммуникация, физические упражнения	Повышает эффективность работы мозга, создает стимулы в реальном мире
Цифровая детоксикация	Снижает темп развития цифровой зависимости, повышает самооосознанность
ИИ Duolingo	Повышение эффективности обучения посредством использования бота в приложениях
Информационная кампания на государственном уровне	Вызывает у общественности понимание неоднозначного эффекта цифровой коммуникации, способствует повышению цифровой грамотности
Закрепление на уровне медицинских терминов понятий о различных расстройствах сетевого поведения	Повышает уровень самоконтроля граждан, дает предпосылки к появлению специальных учреждений, направленных на лечение подобных расстройств

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сти государства касательно распространения информации, а также уровень доверия граждан к официальной позиции страны позволит провести ряд информационно-образовательных кампаний по вопросам повышения цифровой грамотности, осознанного потребления цифрового контента и использования современных гаджетов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Прончев Г.Б. Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям. *Образование и право*. 2020;(3):200–208.
Pronchev G.B. On the features of virtual social environments on the Internet that contribute to social deviations. *Obrazovanie i parvo = Education and Law*. 2020;(3):200–208. (In Russ.).
2. Винник В.Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу. *Философия науки*. 2012;4(55):110–127.
Vinnik V.D. Social networks as a phenomenon of social organization: essence and approaches to use and monitoring. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*. 2012;4(55):110–127. (In Russ.).
3. Kross E. Facebook use predicts declines in subjective well-being in young adults. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0069841>
4. Laurie A. Manwell Digital dementia in the internet generation. 2021. <https://www.imrpress.com/journal/JIN/21/1/10.31083/j.jin2101028/htm>
5. Ward A. Brain Drain. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/691462>
6. Montag C. Facebook usage on smartphones and gray matter volume of the nucleus accumbens. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166432817305090?via%3Dihub>
7. Hamari J. Does gamification work? URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/6758978>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Раиса Канафиевна Крайнева — кандидат экономических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Raisa K. Krajneva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4540-2033>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
RKKrajneva@fa.ru

Александр Дмитриевич Гулаков — студент 4-го курса кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandr D. Gulakov — 4th year student of the Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0001-0817-3278>

gulakov.aleks@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.02.2024; принята к публикации 15.03.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.02.2024; accepted for publication on 15.03.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-59-64
УДК 930.2:299.5:811.16(045)

Древнеславянское язычество: проблемы систематизации источников

С.В. Алексеев

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия;
Историко-просветительское общество «Радетель»,
Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается состояние источников о язычестве раннесредневековых славян и перспективы его реконструкции. Выявляются культурные и социальные причины скептического отношения в научной среде к подобным реконструкциям. Отмечаются и слабые места самих реконструкций, в первую очередь проблематичность самого восприятия «древнеславянского язычества» как целостной системы, распространенной во всем славянском мире. Указывается на необходимость систематизации имеющегося источникового материала, прежде всего в виде создания научного комментированного корпуса всех доступных средневековых источников. В качестве примера рассматривается последний опыт подобного издания, предпринятый испанскими специалистами, и указывается на его недочеты. Подчеркивается необходимость работы над подобными изданиями в самих славянских странах. Фрагментарность данных источников о славянской дохристианской религии иллюстрируется подробным обзором источниковых данных V–VIII вв., единственного периода, когда можно говорить об «общеславянской» культуре. Источники данного периода создают представление о достаточно сложной системе религиозных представлений, которая, однако, обречена оставаться большей частью неизвестной для науки.

Ключевые слова: источниковедение; язычество; историография; древние славяне; Средневековье; славистика

Для цитирования: Алексеев С.В. Древнеславянское язычество: проблемы систематизации источников. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):59-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-59-64

ORIGINAL PAPER

Old Slavic Pagan Religion: Problems of Systematization of the Primary Sources

S.V. Alekseev

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia;
Historical and Educational Society "Guardian", Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the state of primary sources on the early medieval Slavic paganism and the prospects for its reconstruction. The cultural and social reasons for the skeptical attitude in the research community towards such reconstructions are identified. The weaknesses of the reconstructions themselves are also noted, primarily the problematic nature of the very perception of "Old Slavic paganism" as an integral system widespread throughout the Slavic world. It's pointed out that there is need to systematize the available primary source material, primarily in the form of creating a scientific annotated corpus of all available medieval sources. As an example, the latest experience of a such publication undertaken by Spanish researchers is considered and its shortcomings are pointed out. It's emphasized that there is the need to work on similar publications in the Slavic countries themselves. The fragmentation of primary sources about the Slavic pre-Christian religion is illustrated by a detailed review of source data from the 5th-8th centuries, the only period when we can talk about a "common Slavic" culture. The sources of this period create an idea of a rather complex system of religious ideas, which, however, is doomed to remain mostly unknown to science.

Keywords: source studies; pagan religion; historiography; Old Slavs; Middle Ages; Slavic studies

For citation: Alekseev S.V. Old Slavic pagan religion: Problems of systematization of the primary sources. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):59-64. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-59-64

ВВЕДЕНИЕ

Воссоздание реального облика дохристианских верований и мифологии славян — одна из самых сложных проблем в изучении догосударственного и раннегосударственного этапов их истории. В немалой степени это связано с общим состоянием источников. Появление письменности вместе с христианством нашло следствие и продолжение в культуре образованного слоя средневековых славянских государств в виде принципиального отказа от религиозно-мифологического наследия языческого прошлого. Попадание сведений о языческом пантеоне в письменные памятники связано в основном с антиязыческой полемикой, а данные о мифологии носят совершенно случайный характер. В итоге имеющиеся в нашем распоряжении сведения синхронных источников крайне фрагментарны и, если говорить об источниках славянских, в основном относятся ко времени «двоеверия», деградации прежних верований, отступления язычества или его остатков перед наступающим христианством. Иностранцы же источники Средневековья не в состоянии представить целостной картины славянской религии, даже если их авторы сознательно ставили цель очертить ее основы.

Это побуждает специалистов шире привлекать для реконструкций лингвистический и археологический материал, а также фольклорно-этнографические данные Нового времени. Последние, действительно, доносят до нас некоторые элементы народных верований, восходящие к Средневековью и далее. Но их вычленение возможно только в сопоставлении со средневековыми источниками, — а применительно к фольклору также и в уверенности, что последние, в свою очередь, некогда не повлияли на устную традицию. Феномен «книжных легенд», проникающих в фольклор, достаточно хорошо известен. Что же касается археологического материала (заметим, не очень богатого и вовсе не однозначного) и данных языкознания, то отправной точкой для любых изысканий в этом направлении могут служить лишь те же письменные известия.

Свобода и вариативность интерпретаций, заметим, в этих случаях оказывается гораздо сильнее, чем в случае источников вербальных. Даже такие, казалось бы, давно решенные вопросы, как лингвистическая интерпретация славянского божества Перуна, оказываются открыты для весьма радикального пересмотра [1; 2, с. 310–315]. Насколько вещественные и лексические источ-

ники при отрывочности синхронных письменных оказываются действенными историческими источниками, а насколько источниками для спекуляций, — вопрос, на который трудно ответить однозначно.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФАНТАЗИЯ И ПОДЛОГИ

Лакуны, оставляемые неполнотой письменных данных, вкупе с более чем вариативной природой построенной современной наукой на эту тему, конечно, оставляют место для свободы воображения. Появление богатого фонда «славянской фэнтези» в эпоху массовой культуры — неизбежность, и среди массы тривиальных жанровых поделок встречаются весьма интересные произведения. Однако литературной фантазией, опять же закономерно для массового общества, дело не ограничивается. Обретают популярность разнообразные подлоги, вроде пресловутой «Влес-книги» (какая, симптоматично, даже была переименована в псевдонаучном бытовании в «Велесову»). Такие тексты, которые претендуют на отражение национальной мифологии «не хуже», чем античная или скандинавская, оказываются востребованы. Естественно, появляются новые религиозные движения «языческого» толка, питаемые эскапистскими настроениями. И, что драматичнее всего, тема обретает социально-политическую актуальность. В современном обществе неоязычество, противопоставляющее себя и секуляризму, и христианству, становится мировоззренческой базой для маргинальных и даже экстремистских политических течений, обычно националистического толка. Эта тревожная тенденция весьма очевидно и трагично проявилась в событиях последних десятилетий на Украине.

Все эти обстоятельства, о которых уже приходилось писать [3], кажется, делают тему «токсичной» для многих исследователей. Во всяком случае, попыток деконструкции не только общих «больших» схем славянского язычества, но и самих источников, соотношения их сведений и традиционного толкования, предпринималось с конца XX в. характерно много. Отчасти это связано с постмодернистскими и последующими критическими трендами в гуманитарном знании. Но иногда очевидна и политическая составляющая, в чем бы она ни заключалась. Обычным выводом является либо отрицание самой возможности воссоздать облик дохристианских верований, либо их максимальное упрощение, практически до «анимистического» уровня, — реально не

зафиксированного ни в одном предгосударственном обществе.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

Впрочем, если увлечение деконструкцией является препятствием на пути исследования славянского язычества, то склонность к глобальным реконструкциям древней религиозной системы — не меньшая проблема. Как уже отмечалось, ни одна из предлагавшихся реконструкций (только наиболее известные отечественные примеры: [1; 4; 5; 6; 7]) не является вполне обоснованной и сколько-то «общепринятой». Проблема не только в качестве привлекаемого источникового материала, но и в самом стремлении воссоздать «язычество древних славян» как целое. Для столь широко расселенной и пока еще догосударственной этнической общности уже в эпоху первых упоминаний о славянах единое «язычество» представить на самом деле затруднительно. Опыт изучения реальных догосударственных этносов Нового времени, в том числе индоевропейских [8], показывает, что даже у близкородственных и соседних этнических групп могли заметно или резко отличаться и пантеоны, и мифы, и обрядовые традиции. Может быть, это единственный вполне обоснованный повод к «деконструкциям реконструкций» — или к тому, чтобы просто не уклоняться в крайности.

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Все указанные причины с очевидностью приводят к выводу, что первоначальное условие для каких-либо реальных построений — систематизация всех имеющихся источников. Именно их разнородность и фрагментарность, вкупе с разноразличностью, делают эту задачу и особенно важной, и особенно трудной. Попытки такого рода, естественно, предпринимались. При этом нельзя не отметить любопытное обстоятельство — наиболее основательные примеры кодификации источников по славянскому язычеству связаны с наукой неславянских стран [9; 10]. Авторы из славянских государств (в последние десятилетия прежде всего русские и польские) более склонны перечислять, описывать и интерпретировать источники, чем представить их в качестве комментированного корпуса. Это тем более парадоксально, что опыт сводных академических изданий источников по истории древних славян в целом и отдельных средневековых государств

в науке славянских стран есть. Есть и опыт сводного издания отдельных групп источников по язычеству (в частности, не потерявший значения до сих пор свод древнерусских антиязыческих поучений Н. М. Гальковского [11]).

Между тем итоговым на сегодняшний день, вероятно, следует считать свод, подготовленный коллективом испанских авторов под руководством Х. А. Альвареса-Педрасы и изданный на английском языке авторитетным издательством Brill [10]. Нельзя не отметить основательность подхода составителей-переводчиков. Они действительно постарались включить и откомментировать все известные им источники, включая даже некоторые не публиковавшиеся по использованному в сборнике рукописям ранее. Однако даже с точки зрения комплектования к изданному корпусу можно предъявить лежащие на поверхности претензии. Южнославянские по происхождению (что и авторы признают) тексты оказываются в «восточнославянском» разделе только потому, что использованы русские их списки. Упомянутое только в комментарии известие неназванного сербского источника XIII в. («Законоправила» св. Саввы) о вере в «волкодлаков» в самом корпусе почему-то отсутствует. С другой стороны, в «византийский» раздел включено (и это специально подчеркнуто как новация) послание патриарха Николая Мистика о клятвенных обычаях печенегов, и нигде не объясняется, какое отношение это имеет к славянам. Еще одна отмеченная самими авторами как важная деталь — включение русских памятников XVI в., в том числе Стоглава как свидетельства «архаизма» русских народных традиций. Но не меньший архаизм западнославянских обычаев демонстрируют сведения польского хрониста XVI в. М. Меховского или некоторые чешские источники, а они в корпус не включены, и принципиальность хронологической границы по эпохе Ренессанса специально оговаривается.

Эти замечания, конечно, не претендуют на подробную рецензию, тем более что таковая, с весьма позитивной оценкой и глубокими размышлениями на тему книги, в отечественной науке уже есть [12]. Единственное, что хотелось бы продемонстрировать, — что задача кодификации пока не решена и остается на повестке дня. Решить же ее, как представляется, могут только специалисты из славянских стран, заведомо лучше владеющие материалом. Российская наука с ее опытом как масштабных реконструкций

славянского язычества, так и их критики здесь определенно не должна быть последней.

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНСКОЙ РЕЛИГИИ

Как ограниченность наших знаний, так и полезность систематизации имеющегося материала для сопоставления хорошо демонстрируется древнейшими известиями о славянской религии. Они как раз давно собраны и периодически воспроизводятся в корпусах иностранных источников по истории славян до начала IX в., из которых самым лучшим остается отечественный «Свод древнейших письменных известий о славянах» [13: 14]. Всего таких источников набирается менее десятка, хотя некоторые относительно подробно освещают отдельные аспекты темы. Единичность и отрывочность известий за тот единственный период, когда, с оговорками, еще можно говорить об общеславянском язычестве, ясно указывают на сложности, с которыми встречается любая реконструкция.

ИСТОЧНИКИ О СЛАВЯНСКИХ ВЕРОВАНИЯХ

Мифология славян, прямые сведения об их пантеоне представлены за этот период только в двух источниках. Один из них — знаменитый этнографический экскурс Прокопия Кесарийского (середина VI в.) о славянах и славяноязычных антах. Отсюда мы узнаем о наличии у славян главного бога «создателя молний» в качестве «верховного владыки всего», а также о почитании «рек, нимф и некоторых других демонов» [13, с. 182–185]. Другой, менее известный источник — «Житие св. Панкратия» (VII–VIII вв.), где проникшие в Средиземноморье во время аварского нашествия славяне выступают, как нередко в памятниках этого времени, под именем авар. Здесь говорится о почитании «всех видов четвероногих, огня, воды», а также о поклонении мечу наравне с идолами божеств [14, с. 333].

Несколько богаче сведения о языческом культе и гадательных обрядах. Тот же Прокопий описывает обычай избавления от злой судьбы через жертву божеству, упоминает жертвы низшим духам и связанные с этим гадания. И Прокопий [13, с. 192–195], и его современник Псевдо-Кесарий [13, с. 254] говорят о ритуальных расправах во время набегов на Византию, в которых вероятнее всего видеть жертвоприношение-«посвящение» пленников языческим богам. Псевдо-Кесарий сообщает также ряд дета-

лей, которые позволяют говорить о существовании у славян воинских союзов, связанных с верой в оборотничество и имевших широкое влияние, вплоть до убийства сочных негодными вождей «за совместной трапезой». В «Чудесах св. Димитрия Солунского» (VII в.) ярко описан непонятный его автору воинский ритуал — окружение осажденного города кольцом огня под «единодушный крик» [14, с. 112–113]. Там же вновь говорится о гадании как распространенной у славян практике [14, с. 132–133]. Об упоминаниях культа идолов (которых выносили из «храма», чтобы поставить перед собой в бою) и меча в «Житии св. Панкратия» было сказано выше. Наконец, в «Анналах королевства франков» под 789 г. впервые и без конкретики упомянуты клятвенные обряды славян, скрепляющие договор [14, с. 466–467].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Несколько известий, включая самое раннее, восходящее к «Истории» Приска (середина V в.) [13, с. 161], касаются погребальных обрядов. Приск, знавший славяноязычных подданных Аттилы, приводит славянское название надгробного пиршества над гуннским вождем — «страва». О погребальном пире у славян, сопровождавшемся обильными возлияниями, мимоходом говорит и византийский историк Феофилакт Симокатта, описывая события конца VI в. [14, с. 24–25]. Известный у разных народов древности и позднее на языческой Руси обычай самоубийства жены над умершим мужем впервые упоминает Маврикий Стратег во второй половине VI в. [13, с. 368–369], а позднее, в VIII в., «апостол Германии» Бонифаций в одном из посланий [14, с. 416–417]. Оба, правда, отмечают, что обычай скорее желателен, чем обязателен. Бонифаций в этой же связи первым четко сообщает о сожжении умерших у славян, что, впрочем, как раз бесспорно удостоверено данными археологии.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ИСТОЧНИКОВ

Этим сведения о языческих верованиях славян в источниках V–VIII вв. исчерпываются. Насколько убедительно можно на их основе реконструировать «общеславянскую религию» как систему — вопрос спорный. Рациональнее, возможно, было бы отказаться в этом вопросе от смелых ретроспекций из позднейших периодов и удовлетвориться общим очерком, который может быть расширен за счет осторожного и корректного использования данных археологии и лингвистики.

ВЫВОДЫ

Очевидно, что речь идет о довольно сложных и развитых политеистических верованиях и сложившихся традициях культа, однако наши сведения детальнее именно об их позднейших формах,

что следует спокойно принять. При этом именно систематический обзор всего имеющегося материала позволяет осознать эту реальность, отличающуюся и от «деконструкторского», и от «реконструкторского» подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М.: Наука; 1965. 245 с.
2. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 42. Варбот Ж.Ж., ред. М.: Наука; 2021. 343 с.
3. Алексеев С.В. Откуда мы знаем о язычестве древних славян? Реальность и фантазии писателей. *Проблемы национальной стратегии*. 2015;(4):201–214.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука; 1974. 342 с.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука; 1981. 607 с.
6. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука; 1987. 782 с.
7. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия; 2004. 480 с.
8. Jettmar K. Die Religionen des Hindukush. Stuttgart: W. Kohlhammer; 1975. 525 p.
9. Meyer K.H. Fontes Historiae Religionis Slavicae. Berlin: De Gruyter; 1931. 112 p.
10. Sources of Slavic Pre-Christian Religion. Alvarez-Pedrosa J.A., ed. Leiden; Boston: Brill; 2021. 548 p.
11. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М.: Печатня А.И. Снегиревой; 1913. 308 с.
12. Петрухин В.Я., ред. Sources of Slavic Pre-Christian Religion. Alvarez-Pedrosa J.A., ed. Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p. ISBN 978–90–04–44061–6. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022;17(1–2):213–230.
13. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. I–VI вв. Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Наука; 1991. 472 с.
14. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. VII–IX вв. Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М.: Восточная литература; 1995. 590 с.

REFERENCES

1. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavic language modeling semiotic systems. Ancient period. Moscow: Nauka; 1965. 245 p. (In Russ.).
2. Etymological dictionary of Slavic languages. Vol. 42. Warbot J.J., ed. Moscow: Nauka; 2021. 343 p. (In Russ.).
3. Alekseev S.V. How do we know about the paganism of the ancient Slavs? Reality and fantasies of writers. *Problemy nacional'noj strategii = Problems of national strategy*. 2015;(4):201–214. (In Russ.).
4. Ivanov V.V., Toporov V.N. Research in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological issues of text reconstruction; 1974. 342 p. (In Russ.).
5. Rybakov B.A. Paganism of the ancient Slavs. Moscow: Nauka; 1981. 607 p. (In Russ.).
6. Rybakov B.A. Paganism of Ancient Rus'. Moscow: Nauka; 1987. 782 p. (In Russ.).
7. Klein L.S. Resurrection of Perun. Toward the reconstruction of East Slavic paganism. St. Petersburg: Eurasia; 2004. 480 p. (In Russ.).
8. Jettmar K. Die Religionen des Hindukush. Stuttgart: W. Kohlhammer; 1975. 525 p.
9. Meyer K.H. Fontes historiae religionis Slavicae. Berlin: De Gruyter; 1931. 112 p.
10. Sources of Slavic Pre-Christian religion. Alvarez-Pedrosa J.A., ed. Leiden; Boston: Brill; 2021. 548 p.
11. Galkovsky N.M. The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Rus'. Т. 2. Old Russian speeches and teachings directed against the remnants of paganism among the people. Moscow: Pechatnya A.I. Snegireva; 1913. 308 p. (In Russ.).
12. Petrukhin V. Ya., rew. Sources of Slavic Pre-Christian religion. Alvarez-Pedrosa J.A., ed. Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p. ISBN 978–90–04–44061–6. Slavic world in the third millennium. 2022;17(1–2):213–230. (In Russ.).

13. Corpus of the most ancient written testimonies about the Slavs. Vol. 1. I–VI centuries. Comp. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin. Moscow: Nauka; 1991. 472 p. (In Russ.).
14. Corpus of the most ancient written testimonies about the Slavs. Vol. 2. VII–IX centuries. Comp. S.A. Ivanov, G.G. Litavrin, V.K. Ronin. Moscow: Vostochnaya literatura; 1995. 590 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

Sergey V. Alekseev — Dr. Sci. (History), Prof., Prof. of the Department of History, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-65-73

УДК 172:330.8(540)(045)

Философия хозяйства Древней Индии

А.В. Малов^{a,b}, Д.Н. Попов^{a,c}^aФинансовый университет, Москва, Россия;^bНИЦ «Строительство», Москва, Россия;^cМаяпурский институт Бхактиведанты, Маяпур, Индия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается философия хозяйства древней Индии, представляющая собой уникальную систему мышления, делающую акцент на важности соблюдения нравственных принципов в бизнесе и обществе в целом. Данное положение сегодня особенно актуально, так как, с позиции практики, оно может стать основой для построения более устойчивых и справедливых экономических систем. Философия хозяйства древней Индии выделяется своим стратификационным подходом, включающим учет различных социальных классов и их взаимодействия в экономике, а также самобытным пониманием учения кармы, дхармы и гармонии в сфере хозяйства. Уникальные аспекты индийской философии хозяйства имеют глубокие корни в древних текстах, таких как Веды, Упанишады и Сутры. Они продолжают влиять на современное экономическое мышление, проявляя высокую степень универсальности, внося ценный вклад в современную экономическую мысль и обогащая ее этическими и духовными аспектами.

Ключевые слова: философия хозяйства; Древняя Индия; Законы Ману; варна; кшатрии; шудры; брахманы; вайшья; карма; дхарма; мокша; арtha

Для цитирования: Малов А.В., Попов Д.Н. Философия хозяйства Древней Индии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):65-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-65-73

ORIGINAL ARTICLE

Economic Philosophy of an Ancient India

A.V. Malov^{a,b}, D.N. Popov^{a,c}

Financial University, Moscow, Russia;

^bResearch Center of Construction, Moscow, Russia;^cMayapur Bhaktivedanta Institute, Mayapur, India

ABSTRACT

The article examines the philosophy of the economy of ancient India, a unique system of thinking that emphasizes the importance of observing moral principles in business and society as a whole. These ideas are especially relevant today, since, from the point of view of practice, can become the basis for building more stable and equitable economic systems. The philosophy of the economy of ancient India stands out for its stratification approach, which includes consideration of various social classes and their interaction in the economy, as well as an original understanding of the teachings of karma, dharma and harmony in the field of economy. The unique aspects of Indian economic philosophy have deep roots in ancient texts such as the Vedas, Upanishads and Sutras. They continue to influence modern economic thinking, showing a high degree of universality, making a valuable contribution to modern economic thought and enriching it with ethical and spiritual aspects.

Keywords: economic philosophy; Ancient India; Laws of Manu; varna; kshatriyas; shudras; brahmanas; vaishya; karma; dharma; moksha; artha

For citation: Malov A.V., Popov D.N. Economic philosophy of an Ancient India. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):65-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-65-73

ВВЕДЕНИЕ

Философское миропонимание, традиционное для Древней Индии, имеет ряд особенностей, переосмысление которых может послужить важным импульсом для развития современной философии. Как отмечает известный исследователь индийской философии В. К. Шохин, индийская философия еще за тысячу лет до европейской начала использовать сложные, недвучные формы логики [1]. Индийская культура характеризуется многополярностью и разнообразием, что проявляется в наличии различных философских и религиозных традиций, а также в развитой культуре общения.

В отличие от европейской культуры, которая во многом была замкнутой и иерархической, индийская культура более открыта и многогранна. Данное положение проявляется и в сфере философских исследований, в частности, в существенном контрасте с современной аналитической традицией философии [2]. Например, очевидно отличие индийской модели от двучной модели отношения к реальности, истинности (особенно в отрицании статуса существования ментальных объектов и объективности истины) и т. д.

В. К. Шохин обозначает специфику индийского подхода как «стратификацию реальности», утверждая, что индийская философия рассматривает реальность как сложную структуру, состоящую из различных уровней или слоев. Например, в ведийскую эпоху загадки на состязаниях были направлены на то, чтобы раскрыть эту многомерность реальности. Аналогичная идея многослойности реальности присутствует в Упанишадах и в применении логики тетралеммы. Джайны утверждали, что каждая традиция содержит частичную истину, используя аналогию с известной притчей о слепых мудрецах, которые ощупывают слона с разных сторон, чтобы понять его. Наконец, систематизация философских систем, особенно популярная в веданте, также отражает идею стратификации реальности.

Данная специфика индийской философии нашла свое безусловное отражение в философии хозяйства древней Индии. Сведения о ней мы можем почерпнуть в «Артхашастре» Каутильи (Чанаки) [3], а также в «Дхармашастре» Ману и каноне Пуран, которые служили вариантом европейских энциклопедий и вбирали в себя помимо поучительных историй информационные разделы о различных протонаучных и философских отраслях знаний. Как отмечает С. В. Пахомов:

«При составлении Д. («Дхармашастры») их творцы брали материал не только из дхармасутр, но и из эпоса, пуран, специальных трактатов» [4].

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ

В узком смысле Каутилья рассматривает учение о хозяйстве как часть «Артхашастры», или учения об управлении государством: «Учение о земледелии, о животноводстве, о торговле составляет учение о хозяйстве. Оно приносит пользу доставлением зерна, скота, золота, лесных товаров (*купра*¹) и обязательного труда. При помощи его царь подчиняет себе сторонников и врагов через казну и войско» [3, с. 19]. К данным формам хозяйства также относятся ростовщичество под проценты и коммерция. Государство должно поощрять их посредством своей экономической политики.

Главной концептуальной основой для всей социально-философской проблематики индийской философии являются три концепции (четырёхуровневые стратификации): пурушартха (*puruṣārtha* — жизненные цели), ашрам (*āśrama* — образ жизни), варна (*varṇa* — сословие).

Индийский исследователь Сатиш Деодхар выделяет это обстоятельство следующим образом: «Каутилья подчеркивал, что приобретение материального богатства является главной целью, он ожидал, что правитель обеспечит защиту четырехчастной классификации жизненных стадий, жизненных целей и жизненных занятий людей, а именно ашрама, пурушартхи и варны соответственно» [5, р. 46].

КОНЦЕПЦИЯ ПУРУШАРТХИ

В индийской философии четыре пурушартхи представляют четыре основные цели жизни:

1. Дхарма (*dharma*) — правильное, моральное поведение и исполнение своих обязанностей в соответствии с духовными и моральными принципами.

2. Артха (*artha*) — материальное процветание, достаток, достижение благополучия и материальных целей.

3. Кама (*kāma*) — удовлетворение чувственных и эмоциональных желаний, наслаждение и чувственное удовлетворение.

4. Мокша (*mokṣa*) — освобождение от цикла

¹ Здесь и далее автор приводит оригинальный вариант написания слов на санскрите. *Прим. ред.*

рождения и смерти (сансары), достижение духовного положения и высшей цели человеческой жизни.

В артхашастрах представляется только тричный вариант целей жизни: «пусть в равной мере отдается трем целям, части которых связаны друг с другом. Ибо одно из трех — закона [дхарма], пользы [артха] и любви [кама] — примерно чтимое, вредит себе и двум другим» [3, с.22]. В «Дхармашастре Ману» также говорится о трех целях, причем, с позиции В.К. Шохина, дхарма считается наивысшей: «но правильно, что благо [дхарму] составляют все три» [6]. Однако, в «Артхашастре» Каутилья делает вывод о превосходстве цели артхи: «Каутилья считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе» [3, с. 22]. В другом разделе «Артхашастра» рассматривает артху как «успех» в жизни в целом, как в понятии «пурушартха», которым объединяется успех в дхарме, артхе и каме: «Польза, закон и желание — вот тройная комбинация выгоды [артха]» [3, с. 410].

Сфера хозяйства (*артха*), будучи учением о достижении материального благополучия и процветания, играла важную роль в обеспечении реализации человеческих целей. Она предполагала сбалансированный выбор между различными сферами жизни, включая принятие решений о карьере, финансовых целях и общественной деятельности. Возможность достижения каждой из четырех целей жизни поощрялась, но особо отмечалась необходимость соблюдения баланса между ними для сохранения гармонии и обеспечения благополучия не только для себя, но и для общества в целом.

Цель дхармы, или морального и религиозного долга, в индийской философии рассматривается как исполнение своих обязанностей в соответствии с предписаниями и моральными стандартами, принятыми для каждого сословия (*варна*) и стадии жизни (*ашрама*) в данной локальной культуре. В Индии существует порядка двадцати дхарма-шастр, каждая из которых распространена в своем регионе и отражает местные стандарты, традиции и обычаи.

Понятие дхармы охватывает и другие этические категории, такие как правда (*satya*), «заслуга» (*puṇya*), «благо» (*kuśala*), добродетель» (*guṇa*). Реализация цели дхармы включает не только «групповой» статус индивида, не только следование своим индивидуальным обязанностям (*svadharma*), но и соблюдение общих норм и правил,

которые применимы ко всем (*sādharaṇa-dharma*). Согласно «Артхашастре»: «Закон для всех — отсутствие насилия, правдивость, чистота, неэгоистичность, незлобивость, прощение и терпение. Соблюдение (каждым) своего закона ведет на небо и к вечности» [3, с. 18].

Результатом реализации сферы дхармы является появление плодов артхи, или плодов процветания и развития. Таким образом, моральные основания являются основой для функционирования хозяйственной сферы, поскольку они способствуют справедливому распределению ресурсов, устойчивому развитию и общему благополучию.

Артха подразумевает процветание или богатство в широком смысле традиционной культуры. В понятие «процветание» включается и развитие профессиональных навыков, и расширение родственных отношений и общей влияния, славы (*яша*), а также знаний, материальных богатств, красоты окружения и здоровья. «Артхашастра» Каутилья в этом смысле служит руководством в реализации артхи для царя.

Результатом реализации первых двух целей, дхармы и артхи, является *кама*, или наслаждение. «Кама-сутра» Ватсьяны, известный трактат, посвященный любви, служит руководством для достижения этой цели. В индийской философии *кама* рассматривается как естественное стремление человека, как важная часть его жизни. Однако следует отметить, что *кама* должна быть сбалансирована с дхармой и артхой, чтобы достичь гармонии и благополучия.

В главе «О мире и труде» Каутилья отмечает: «Мир и труд являются основами благополучия. Трудом мы называем напряжение сил для доведения до конца предпринятого дела. Наслаждение благополучием, заключающимся в использовании плодов работы, мы называем миром (или мирным благосостоянием)» [3, с. 287]. В этом ключе наслаждение — это использование плодов труда, сфера личной хозяйственной деятельности.

Наслаждение, или *кама*, должно в результате приводить к удовлетворенности и подготовке к выходу из общества, окончательному спасению, мокше. Концепция мокши рассматривается и в других текстах индийской философии, связанных с Упанишадами. Отдельное выделение среди целей жизни четвертой цели, мокши, позволяет провести переоценку системы в целом и придает ей более глубокий смысл. В индийской культуре обнаруживается парадигма стратификации

уровней реальности: «3 + 1» [7], которая включает четыре уровня: физический, астральный, причинный и недвойственный. Четвертый уровень, недвойственный, «отрицает» три предшествующих, тем самым он превосходит и включает в себя все остальные уровни. Недвойственность означает, что все уровни реальности взаимосвязаны и взаимозависимы, и что они не могут быть полностью поняты или объяснены отдельно друг от друга.

Спасение, как цель, внесоциально, индивидуально и потому, казалось бы, отрицает ценности хозяйственной деятельности. Например, высказывание «Бхагавата-пураны»: «Основой материального существования является взаимное влечение мужского и женского начала. Это иллюзорное влечение тугим узлом связывает вместе сердца мужчины и женщины и порождает привязанность к своему телу, дому, имуществу, детям, родственникам и деньгам. Так человек оказывается во власти иллюзорных понятий “я” и “мое”» [8]. Этим подчеркивается важность понимания и преодоления привязанности к материальному миру, иллюзорным понятиям для духовного освобождения и гармонии. С другой стороны, декларируемый рост привязанности к дому, имуществу и деньгам не может быть реализован без приложения усилий хотя бы к сохранению имеющегося.

Однако индийской философии также удавалось совместить процессы освобождения с хозяйственной деятельностью через практики осознанной деятельности, карма-йоги (*karma-yoga*). Данная практика описана в Бхагавадгите и включала в себя совершение мирских обязанностей с сохранением духа внутреннего отречения и равнодушия к результату действия при сосредоточении на выполнении социального долга как жертвоприношения. Причем считалось, что такой настрой способствовал не только освобождению от страданий (*мокша*), но и материальному процветанию (*артха*) и нравственному совершенствованию (*дхарма*)².

КОНЦЕПЦИЯ АШРАМА

Ашрам представляет систему, которая определяет экономическое участие различных возрастных и статусных групп населения в индийском об-

ществе [9]. Она включает в себя четыре уклада (этапа) жизни: брахмачарья, грихастха, ванапрастха и саньяса.

Брахмачарья (*brahmacārin*) — это первый этап, который представляет собой период ученичества и подготовки к хозяйственной деятельности. Его необходимость и продолжительность зависит от сословия: от нескольких лет до сорока.

Грихастха (*gr̥hastha*) — второй этап, который включает в себя профессиональную деятельность и семейную жизнь. Это единственный экономически активный и доступный для всех уклад жизни. «Ученик (*brahmacārin*), домохозяин (*gr̥hastha*), отшельник (*vānaprastha*) и аскет (*yati*) — эти четыре отдельные ашрамы имеют своим исходным пунктом ашраму домохозяина... Из всех них согласно правилам Веды и священного предания домохозяин считается наилучшим, ибо он эти три содержит» [10, с. 125].

Ванапрастха (*vānaprastha*) — третий уклад — отход от дел (букв. *уход в лес*), поселение супругов в святых местах, лесных центрах отшельников для совершения религиозных практик индуизма.

Саньяса (*sannyāsa*) — заключительный, четвертый уклад, подразумевал радикальный уход из общества, ведение образа жизни нищенствующих монахов, что по большей части было доступно только высшему сословию брахманов.

КОНЦЕПЦИЯ ВАРН

Понятие варна происходит от слова «варна» («цвет») и представляет собой классификацию людей по сословной принадлежности. В истоках его семантики глагольный корень “*vṛt*”, что означает «вертеться» или «поддерживать». Тем самым обнаруживается функциональный смысл варны, одновременно означающей способ поддержания жизни, а также отношение к определенной сфере профессиональной деятельности.

Важно отметить, что, в отличие от практик колониальной Индии, философы Упанишад и Пуран не рассматривали варны как касты, определяемые рождением. Хотя приобретаемый от рождения статус был значимым фактором, большее значение мыслители придавали индивидуальным способностям человека и его духовному развитию.

Как отмечает Сатиш Деодхар: «Система варн, рассматриваемая как разделение труда, основанное на гуна-карме (способности и деятельности), была совершенно уникальной протоэкономической идеей, развившейся в ведические времена. Профессиональная мобильность была возможна

² Корытцев М.А., Ипатова А.В., Ширяев И.М., Васькина М.Г. История экономических учений (ранний этап). Учебник. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета; 2022. 625 с.

в системе варн благодаря акценту на способности и деятельность (гуна-карму)» [5, р.123]. Таким образом, в систему варн включено не только сословное деление, но и профессиональное разделение труда на основе этики добродетели. Сословное деление хорошо показывает разные функции хозяйственного устройства [11]. Его чаще всего представляли с помощью органо-проекции на человеческое тело, отражающей единство макро- и микрокосмоса, например, в «Бхагавата-пуране»: «В Трета-югу из гигантской вселенской формы Личности Бога появились четыре сословия общества. Из лица Господа возникли брахманы, из рук Господа — кшатрии, из Его бедер — вайшьи, а из ног — шудры. Сословия можно отличить друг от друга по характерным для них обязанностям и поведению (*ачара*) их представителей» [12].

Деятельность сословия брахманов (*brāhmaṇa* — жрец, учитель и советник) протекала в рамках религиозно-культурной сферы. Будучи жрецами, гарантами благочестия и процветания, а также мыслителями, они поддерживали общество, его ценности и структуру на основе священных законов (*śāstra*). Несмотря на то, что брахманам предписывались многочисленные ограничения в сфере хозяйственной деятельности, у них была своя важная экономическая функция. Они распределяли материальные блага через прием пожертвований и благотворительность [10, с. 221].

Основная ответственность за эффективное функционирование экономической сферы возлагалась на сословие правителей, кшатриев (*ksatriya*), которые олицетворяли руки в теле общества. Каутилья отводит им наибольшую роль в формировании хозяйственной сферы, подобно тому, как политическим институтам отдают ведущую роль относительно экономических в институциональной теории. Фактически кшатрии, помимо внешнеполитических задач, обязаны были создавать условия для формирования хозяйственных отношений и поддерживать их. Целью такого устройства хозяйства в плане его эффективности является концепция «Сварадж», концепция независимого правления [13]. «Дхармашастра» Ману предписывает: «Надо тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой воли, но, что зависит от своей воли, надо исполнять ревностно. Все, зависящее от чужой воли, — зло, зависящее от своей воли — благо; необходимо знать это краткое определение блага и зла» [10, с. 92]. Редактор и переводчик отечественного

издания «Законы Ману» Г.Ф. Ильин отмечает, что в данном случае речь идет о сохранении именно экономической независимости, а не религиозной или политической [Там же].

Одной из важных функций кшатрия, царя было наказание за нарушение моральных и этических норм. Законами Ману кшатриям предписывается контролировать и наказывать за различные виды мошенничества, включая мошеннические действия с весами, мерами и фальшивыми монетами. К ним можно также отнести борьбу с казнокрадством. Каутилья перечисляет сорок способов хищения казны: «Можно узнать путь летящих в небе птиц, но не путь действующих чиновников, имеющих скрытые намерения» [3, с. 75]. Кроме того, государственный аппарат должен следить за курсом денег и ценами: «Если осматривающий монеты объявляет неправильным или меняет курс денег (или существующие цены на товары), если таковые являются нормальными, или же, наоборот, не меняет курса, если таковой неправилен и подлежит изменению, то с него следует штраф» [3, с. 222]. К способам хищения казны также относятся ставки на совершение коммерческой деятельности. Сатиш Деодхар отмечает: «Каутилья предложил различные процентные ставки по займам для различных видов коммерческой деятельности. Вариативность ставки зависела от степени риска предприятия» [5, р. 122]. Кшатрии играли важную роль в сборе налогов и формировании казны. Согласно Ганапати Шастри «курс должен быть установлен после того, как отчисляется 5%, следуемых государю» [3, с. 653].

Налогообложение в древней Индии, во-первых, было гибким и зависело от различных факторов, таких как социальный статус, богатство и деятельность человека. Для развития хозяйства, преодоления трудностей возможно было даже освобождение от налогов: «И он должен давать им помощь и освобождение от налогов (только в том случае, если это) будет способствовать росту казны... должен давать освобождение от налогов либо одновременно с заселением (области), либо сообразно с приходом» [3, с. 53]. Размер налога зависел также от площади и плодородности земли: «С сельской местности большой или малой площади, с обильными осадками и изобилующей хлебом, следует взимать 3-ю или 4-ю часть зерна. С местности среднего или более низкого свойства (в смысле урожайности) он должен взимать в соответствии с богатствами данной местности» [3, с. 266].

Во-вторых, налоговое обложение рассматривалось как разновидность жертвоприношения, поскольку люди отдавали часть своего богатства и ресурсов на благо общества и государства. Такое понимание налогового обложения было связано с идеей кармы как единства действия и его последствия. Отдавая часть доходов в виде налогов, люди верили, что создают положительную карму и улучшают свою участь в следующей жизни.

Кшатрии также были обязаны пополнять казну за счет распоряжения природными ресурсами подвластных им земель: «Он должен устроить рудники, промыслы, рощи ценных деревьев и рощи для слонов, пастбища, торговые подворья, водные и сухопутные пути сообщения и торговые города» [3, с. 53]. Причем рудники считались главным источником казны: «Рудники суть опора казны, благодаря казне снаряжается войско, благодаря казне и войску добывается земля, украшением которой является казна» [Там же]. Государство обязывало кшатриев следить за соблюдением добродетели бережливости и экономической эффективности: «Отобрав (поля) у лиц, не занимающихся запашкой, он должен отдать (их) другим... Они должны объявить, что то, что будет потеряно по небрежности, должно быть возмещено в двойном размере, и во время посева произвести опись того, что посеяно» [3, с. 266].

В целом, для индийской мысли довольно характерно подчинение экономического уклада политическому. Экономическая деятельность и развитие общества были тесно связаны с политической властью и управлением. Кшатрии, цари выполняли не только военные и политические функции, но и экономические. Они контролировали сбор налогов и формирование казны, что было важным аспектом экономической деятельности. Кшатрии играли значимую роль в поддержании торговли и коммерции, обеспечивая безопасность и справедливость в экономических отношениях.

Вайшья (*vaiśya*), сословие производителей и торговцев, рассматривается как бедра, самые большие и массивные части тела общества. В «Дхармашастре» Ману больше всего текстов уделено именно обязанностям вайшьи. Это сословие рассматривается как исключительно хозяйственное: «Вайшья, получившему посвящение, вступившему в брак, надо всегда быть занятым хозяйственной деятельностью и особенно разведением скота» [10, с. 213]. Важно, что хозяйствование сословия вайшьев над скотом рассматривается как аналогия с хозяйствованием аристократии (кшатриев и брахманов) над

людьми: «Ведь Праджapati, создав скот, вручил [его] вайшья; брахману и царю он вручил всех людей» [10, с. 214]. Большой список необходимых знаний и умений завершается этическими предписаниями: «Вайшья обязан честными способами увеличивать свое богатство и имущество, и также в его обязанности входит раздавать пищу всем живым существам» [Там же]. Более того, для вайшьи хозяйственная деятельность является формой религиозной практики, аскетизмом: «аскетизм для вайшья— хозяйственная деятельность (*vārttā*)» [10, с. 249]. То, насколько производство товаров происходило в соответствии с вышеуказанными принципами, настолько продукция рассматривалась ритуально «чистой» [10, с. 113].

Предполагалось, что хозяйственная деятельность соответствует склонностям и качествам вайшьев. В «Бхагавата-пуране» перечисляются следующие присущие им добродетели: «Приверженность ведической культуре, склонность к благотворительности [*dāna*], свобода от лицемерия, служение брахманам и неотступное желание [и умение] накапливать больше денег — таковы природные качества вайшьев» [12]. Это накладывало ограничение на занятие хозяйственной деятельностью для других сословий, что и было закреплено в «Дхармашастре» Ману: «У вайшья никогда не должно быть [такого] желания: «Я не хочу пасти», — а раз вайшья желает, разведение скота ни в коем случае не должно производиться другими» [10, с. 214].

В период Маратхи-Пешвы, примерно в XVIII веке, до начала британского колониального господства, в Индии существовали определенные правила и нормы, которые регулировали отношения между армией и вайшьями-земледельцами. Если передвижение войска или разбивка лагеря приводили к уничтожению урожая, земледельцы имели право на государственную компенсацию.

Вайшьи были единственным сословием, обладающим полноценной частной собственностью, в отличие от кшатриев, которые, по описанию Каутильи, получали доход от земель, принадлежавших государству или правителю. Так, царь Нриги, согласно Бхагавата Пуране, для проведения жертвоприношения использовал только доходы, поступающие с государственных земель. Еще одним подтверждением данного тезиса может послужить деятельность императора Гаутамипутра Саткарни (I в.н.э.), который для того, чтобы пожертвовать землю на благое дело, вынужден был выкупить ее у частного лица.

Шудры (*śūdra*), сословие наемных рабочих, в аналогии с вселенским телом являются стопами, исполнительской сферой хозяйственной деятельности. Достаточно много места в «Артхашастре» уделяется организации их труда, например, раздел «Права и обязанности работников и совместные предприятия», в котором, в частности, изложено следующее требование: «Члены объединения или занимающиеся совместным трудом должны делить заработок по уговору или поровну. Работники-земледельцы или продавцы (получающие заработок зерном или товарами) должны отдать члену объединения, который сделается нетрудоспособным до времени урожая или сбыта товаров, причитающуюся ему долю, сообразно с исполненной им работой» [3, с. 202].

Рабочие союзы, или гильдии, играли важную роль в экономической и социальной жизни древней Индии. Они были организациями, объединяющими людей, занимающихся определенной профессией или ремеслом. К их основным функциям относились защита интересов членов союза, установление стандартов качества и цен на товары и услуги, а также организация обучения, передачи знаний и навыков. Упоминания о хорошо функционирующих рабочих союзах можно найти в различных источниках, включая Брихаспати Смути, Амаракошу и тексты Каутильи. В этих трудах подробно говорится о правах рабочих, производителей и гильдий.

Сатиш Деодхар проводит параллели между этими рабочими союзами, профсоюзами и понятием «джати», обозначающим систему каст, имеющих собственные правила и нормы, которые регулируют поведение и деятельность ее членов. Он пишет: «На самом деле, перечисление всех возможных видов профессий произошло около 1000 года до нашей эры в санскритском тексте Ваджасанейи Самхите. Конечно, нельзя сравнивать функционирование современных профсоюзов с теми, которые упоминались в древности, но точно так же верно и то, что экономическая идея организованного труда существовала в Древней Индии» [5, р.124].

В.Л. Макаров, российский экономист и социолог, приходит к аналогичному заключению. Он утверждает, что общество джати-дхарм брахманизма-индуизма, деление варн которого составляет около 3000 подразделений (*джати*), является профессиональным делением со своими иерархическими внутренними структурами. Ученый проводит параллели между джати в Индии и залами славы в США, местами, где отмечаются заслуги

людей в разных областях, таких как спорт, наука, искусство и т.д. В.Л. Макаров делает вывод о том, что джати в Индии, как и залы славы в США, обладают едиными принципами построения структурной иерархии. Они отмечают заслуги людей в определенной сфере, регулируя тем самым их поведение и деятельность [14, с. 123].

ВЫВОДЫ

Философия хозяйства Древней Индии характеризуется как особая система мышления, которая отличается от западной экономической мысли, но при этом предлагает ценные уроки, которые могут быть актуальными и сегодня.

Во-первых, она предлагает универсальные категории для анализа и интерпретации экономической и хозяйственной деятельности.

Во-вторых, демонстрирует стратификационный подход, который позволяет выделить многоуровневую структуру в хозяйственной сфере, включающую в себя варны (социальные классы), ашрамы (этапы жизни) и пурушартхи (цели жизни).

В-третьих, философия хозяйства Древней Индии подчеркивает важность открытости системы и выхода ее ценностей за пределы общественной сферы. Это отражается в особой роли жреческого сословия (брахманов), отреченного уклада (*саньясы*) и цели освобождения (*мокши*).

В-четвертых, она подчеркивает важность уравновешенного подхода к жизни, включая как материальные, так и духовные аспекты. Это напоминает о значении гармонии, которая является важным аспектом устойчивого развития.

Обращая особое внимание на значение кармы и дхармы в хозяйственной сфере, философия хозяйства Древней Индии подчеркивает важность этических и моральных принципов в экономике, бизнесе и обществе в целом.

Таким образом, философия хозяйства Древней Индии предлагает ценные уроки и идеи, которые в части теории могут быть полезными для современных исследователей в области экономики, бизнеса и общественных наук, а с позиции практики стать основой для построения более устойчивых и справедливых экономических систем.

Категории, предлагаемые философией хозяйства Древней Индии, могут быть использованы для развития кластерного подхода в организации общества, предложенного В.Л. Макаровым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шохин В. К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М.; 2004:8–9.
2. Шохин В. К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути. *Философский журнал*. 2015;8(2):16–27.
3. Каутилья. Артхашастра или Наука политики. Пер. с санскрита. Издание подготовил В. И. Кальянов. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1959. 793 с.
4. Пахомов С. В. Дхармашастры. В кн.: *Индийская философия: Энциклопедия*. М. Т. Степанянц, ред.; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит.; Академический Проект; Гаудеамус; 2009:383–384.
5. Deodhar S. Y. *Economic Sutra: Ancient Indian antecedents to economic thought*. IIMA: Penguin Portfolio; 2019. 232 p.
6. Шохин В. К. Дхарма. В кн.: *Индийская философия: Энциклопедия*. М. Т. Степанянц, ред.; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит.; Академический Проект; Гаудеамус; 2009. С. 374.
7. Danielu A. *Virtue, Success, Pleasure, Liberation. The Four Aims of Life in the tradition of Ancient India*. Rochester, Vermont; 1993. 192 p.
8. Шримад Бхагаватам. Песнь 5. Глава 8. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/sb/5/5/8/> (дата обращения: 19.12.23).
9. Olivelle Patrick. *The Ashrama System: The history and hermeneutics of a religious institution*. Oxford University Press; 1993. 274 p.
10. Законы Ману. Пер. С. Д. Эльмановича. М.: Издательство восточной литературы; 1960. 359 с.
11. Пахомов С. В. Варна-ашрама. В кн.: *Индийская философия: Энциклопедия*. М. Т. Степанянц, ред.; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит.; Академический Проект; Гаудеамус, 2009. С. 226–227.
12. Шримад Бхагаватам. Песнь 11. Глава 17. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/sb/11/17/advanced-view/#bb80676> (дата обращения: 19.12.23).
13. Brown C. Mackenzie. Svaraj, the Indian ideal of freedom: A political or religious concept? *Religious Studies*. 1984;20(3):429–441. DOI: https://doi.org/10.1017/S_0034412500016292
14. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас; 2010. 272 с.

REFERENCES

1. Shokhin V.K. Stratification of reality in the ontology of Advaita Vedanta. M.; 2004:8–9. (In Russ.).
2. Shokhin V.K. Analytical philosophy: some unbeaten paths. *Philosophical Journal*. 2015;8(2):16–27. (In Russ.).
3. Kautilya. Arthashastra or Science of Politics. Transl. from Sanskrit. Edition prepared by V. I. Kalyanov. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1959. 793 p. (In Russ.).
4. Pakhomov S. V. Dharmashastra. Indian philosophy: Encyclopedia. M. T. Stepanyants, ed.; Institute of Philosophy RAS. Moscow.: Vost. lit.; Academic Project; Gaudeamus; 2009:383–384. (In Russ.).
5. Deodhar S. Y. *Economic Sutra: Ancient Indian antecedents to economic thought*. IIMA: Penguin Portfolio; 2019. 232 p.
6. Shokhin V.K. Dharma. Indian philosophy: Encyclopedia. M.T. Stepanyants, ed.; Institute of Philosophy RAS. M.: Vost. lit.; Academic Project; Gaudeamus; 2009. p. 374. (In Russ.).
7. Danielu A. *Virtue, Success, Pleasure, Liberation. The Four Aims of Life in the tradition of Ancient India*. Rochester, Vermont; 1993. 192 p.
8. Srimad Bhagavatam. Canto 5. Chapter 8. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/sb/5/5/8/> (In Russ.).
9. Olivelle, Patrick. *The Ashrama System: The history and hermeneutics of a religious institution*. Oxford University Press; 1993. 274 p.
10. Laws of Manu. Transl. by S. D. Elmanovich. Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1960. 359 p. (In Russ.).
11. Pakhomov S. V. Varna Ashram. Indian philosophy: Encyclopedia. M. T. Stepanyants, ed.; Institute of Philosophy RAS. M.: Vost. lit.; Academic Project; Gaudeamus; 2009:226–227. (In Russ.).
12. Srimad Bhagavatam. Canto 11. Chapter 17. Bhaktivedanta Vedabase. URL: <https://vedabase.io/ru/library/sb/11/17/advanced-view/#bb80676> (accessed on 12.19.23). (In Russ.).

13. Brown C. Mackenzie. Svaraj, the Indian ideal of freedom: a political or religious concept? *Religious Studies*. 1984;20(3):429–441. DOI: https://doi.org/10.1017/S_0034412500016292
14. Makarov V.L. Social clusterism. Russian challenge. Moscow: Business Atlas; 2010. 272 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Викторович Малов — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор, НИЦ «Строительство», Москва, Россия

Alexey V. Malov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia; Professor, Research Center of Construction, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7271-0333>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

alexmatd@mail.ru

Дмитрий Николаевич Попов — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Маяпурский институт Бхактиведанты, Маяпур, Индия

Dmitry N. Popov — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia; Research Associate, Mayapur Bhaktivedanta Institute, Mayapur, India

<https://orcid.org/0000-0003-1452-8909>

dnikpopov@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.02.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.02.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82
УДК 32.342.1; 32.342.2(045)

Автономизация и национальный вопрос в Российской империи

Е.Е. Кочетков

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сложная динамика автономизационных движений и национального вопроса в Российской империи. Исследуется отношение разных национальностей, находившихся под протекторатом России, к ее имперской политике с позиций их стремления к культурной, языковой и политической автономии. На конкретных примерах показана эволюция процесса автономизации национальных российских окраин. В работе используются исторический анализ и сравнительные исследования для понимания взаимосвязи между имперской политикой и национальными устремлениями. Данная работа вносит вклад в более широкую дискуссию о национализме и государственности в многонациональных империях, затрагивая проблемы управления многочисленными народностями с их национальной спецификой. Результаты исследования важны не только для понимания исторической роли автономизации в России, но могут быть полезны современным государствам, решающим аналогичные проблемы национальной идентичности и прав меньшинств в наши дни.

Ключевые слова: Российская империя; движение за автономизацию; национальный вопрос; национализм; культурная автономия; политическая автономия; исторический анализ

Для цитирования: Кочетков Е.Е. Автономизация и национальный вопрос в Российской империи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):74-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82

ORIGINAL PAPER

Autonomization and the National Question in the Russian Empire

E.E. Kochetkov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

ABSTRACT

This article explores the complex dynamics of autonomy movements and the national issue in the Russian Empire. It examines the attitudes of various national groups under Russian protectorate towards its imperial policies from the perspective of their desire for cultural, linguistic, and political autonomy. Specific examples illustrate the evolution of the autonomy process in Russian national peripheries. The study employs historical analysis and comparative research to understand the interaction between imperial policies and national aspirations. This research contributes to a broader debate on nationalism and statehood in multi-ethnic empires, addressing the challenges of managing diverse national groups with their distinct identities. The findings of this study are significant not only for comprehending the historical significance of autonomy in Russia but also for contemporary states grappling with similar issues of national identity and minority rights.

Keywords: Russian Empire; movement for autonomization; national question; nationalism; cultural autonomy; political autonomy; historical analysis

For citation: Kochetkov E.E. Autonomization and the national question in the Russian Empire. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):74-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82

ВВЕДЕНИЕ

Огромная территория Российской империи, занимавшая значительную часть Евразии, представляла собой «плавильный котел» разнообразных культур, языков и народов. Это разнообразие, хотя и обогащало государство, но в то же время создавало определенные проблемы в плане достижения сплоченности нации и стабильности империи, осознания страной своей национальной идентичности при наличии разнородных автономных областей. Концепция автономизации, отражающая тенденции к отмежеванию ряда национальностей от имперской общности, стала одним из важнейших вопросов политического дискурса Российской империи.

Литература, посвященная национальному вопросу в Российской империи, обширна и многогранна. Можно выделить три основных направления исследований: исторический контекст Российской империи и ее национальная политика; научные изыскания предыдущих десятилетий, посвященные автономизационным движениям; теоретические положения, связанные с анализом национальной идентичности и автономии.

Процесс становления империи подробно описывают Д.А. Аманжолова и С.В. Кулешов [1], Л.М. Дамешек [2], А.В. Пыжиков [3] и др., выделяя политику в отношении национальных меньшинств как особую статью государственного регулирования и подчеркивая продуманность стратегии царского правительства по управлению многонациональным составом империи — от русификации до ограниченной автономии. А. Каппелер [4] предлагает сравнительный анализ этих движений, исследуя их причины, развитие и результаты и определяя различную степень успеха и неудачи процессов автономизации, а также их долгосрочные последствия для стабильности империи. Работа М. Хроха [5], посвященная теории национализма, — попытка изучения российского опыта в более широком контексте нациестроительства и государственности. А.И. Миллер [6] предлагает методологию исследования национального разнообразия Российской империи на протяжении ее истории. В свою очередь, причины ее распада, в том числе, из-за нерешенных национальных противоречий, проанализированы в работах Е.П. Бариновой, П.С. Кабытова [7], А.Ю. Бахтуриной [8], С.В. Дрожжиной [9], А.А. Иванова, А.Э. Котова [10], Е.Л. Назаровой [11], А.В. Сосновских [12], Д.И. Стогова [13], А.В. Шубина [14] и др.

Вместе с тем существующая литература не дает достаточно объемного представления об отношении к национальному вопросу в Российской империи с точки зрения процессов автономизации, оставляя в ней пробелы в части сравнительного анализа различных автономизационных движений и их влияния на политику империи в отношении национальностей. Данное исследование призвано более глубоко осветить национальный вопрос в контексте полиэтнических империй.

МЕТОДОЛОГИЯ

Интерес к данной теме вызван не только ее исторической значимостью для России, но и актуальностью для современных дискуссий о национализме и сути государствоцентричности. При рассмотрении исторических сюжетов автономизационных движений конкретной страны и их влияния на национальный вопрос затрагиваются проблемы национальной идентичности и автономий в любых полиэтнических империях. В этой связи методология данного исследования ориентирована на обеспечение комплексного понимания глубинных причин автономизационных движений и активизации национального вопроса в Российской империи. Поэтому в статье используется смешанный подход, сочетающий качественные методы исследования в отношении как исторических фактов, так и теоретических представлений современников о путях развития национальных автономий.

Ввиду того, что исследование носит преимущественно историко-сравнительный характер, в статье, помимо анализа материалов из сборников архивных документов [6] и литературных источников XIX–XX вв., рассматриваются конкретные примеры различных автономизационных движений в Российской империи, что позволяет выявить закономерности и различия в их динамике. Если первичные данные включают документы, монографии и газетные статьи периода Российской империи, то вторичные источники позволяют провести всесторонний анализ существующей литературы, содержащей научно-историческую оценку рассматриваемого периода [15].

Тематический анализ проблем, связанных с национальными автономиями, которые на протяжении последних двух столетий поднимались в первичных и вторичных источниках, дает представление о всей сложности решения

национального вопроса в Российской империи с момента ее возникновения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российская империя всегда отличалась этническим разнообразием и огромными территориями, которые постоянно расширялись, включая в свой состав новые регионы и народности. Как правило, эти этносы без труда ассимилировались в русскую культурную общность. Однако такая ассимиляция не была обязательной, — скорее, различным этносам предоставлялись возможности для культурного сближения, которые не всегда использовались, поэтому в жизни коренного населения мало что менялось. Более того, чтобы проводить реформы, новая власть часто стремилась сохранить традиционные обычаи и правовые системы периферийных территорий.

Империя не создавала этнократических государств в рамках своей административной структуры. Поддержка со стороны верховных органов власти позволяла представителям коренных народов продвигаться по служебной лестнице или получать образование, но при соблюдении определенных условий. Кроме того, коренные жители обычно сохраняли приверженность своему образу жизни, который слабо поддавался внешним влияниям, и на их землях устоявшийся уклад по-прежнему оставался нормой. Эта традиционная структура общества способствовала сохранению национальной идентичности Российской империи, что находило отражение в ее законодательстве, хотя и в форме официально унифицированной государственности¹.

Исключением из общего правила стали два так называемых квазигосударства — Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Эти государственные образования уже имели статус, развитую политическую структуру и элиты, которые могли самостоятельно управлять своими территориями еще до того, как они стали частью Российской империи. После вхождения регионов в состав империи их правящие круги стали подчиняться властям, назначенным из Санкт-Петербурга, причем часто — не из числа местных административных кадров [16].

В XIX столетии, при расширении коммуникационных каналов, увеличении мобильности населения, повышении уровня образования, по-

явлении европейских веяний и общей демократизации общественной жизни, в разных частях России стали возникать движения по автономизации национальных окраин, что вызывало ответную реакцию властей. Так, начиная с 1860-х гг. стали происходить значительные сдвиги в сторону административной структуризации и унификации разнородного государственного устройства. В ответ на возрастающие национальные стремления применялась частичная культурная русификация [17]. Однако попытки национальной гомогенизации большей страны вызвали сопротивление националистически настроенных элит, по-прежнему стремящихся сохранить сословно-династические принципы объединения империи. Все чаще звучали голоса с призывами к федерализации страны с делением на автономии.

Вопрос об административно-правовой базе, регулирующей национальные отношения в империи, затрагивали многие авторы, в том числе Г. Новоторжский, который в начале XX в. писал, что федерация рассматривается как логическое продолжение автономии и представляет собой союз независимых государств или автономных территорий, основанный на договорных началах [18]. Обществоведы утверждают, что федерализация является оптимальным способом сохранения этнических групп в России — она нужна и для разграничения, и для установления союзнических отношений между ними.

Предполагалось, что введение конституционной системы позволит не только отдельным народам, но и отдаленным территориям стремиться к полной или частичной автономии, и число сторонников такой децентрализации будет значительным [19].

Однако было признано, что применение одинаковых законодательных норм во всем государстве невозможно, учитывая его территориальное и демографическое разнообразие. Следовательно, степень автономии каждого региона будет меняться в зависимости от специфических местных условий.

В то же время численное доминирование русских в стране делало неприменимым введение федеративного устройства в том виде, как это существует в Швейцарии (где каждый штат или кантон обладает суверенитетом) или США. Едва ли можно было предположить, что в обозримом будущем отдельные коренные регионы России станут стремиться к полному суверенитету во внутренних делах, учитывая, что веками они

¹ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Изд-во книжного товарищества «Деятель»; 1912. 208 с.

представляли собой неделимое целое без особых отличий в области государственного управления.

Однако дискуссия о том, какие конкретно территории Российской империи должны получить полную автономию, а не просто культурную и экономическую самостоятельность, всегда оставалась открытой. Это было связано с разного рода трудностями, прежде всего, по причине численного преобладания русского населения во многих областях империи.

Предполагалось, что некоторые полномочия земств должны быть расширены в культурно-хозяйственных сферах; кроме того, они обязаны иметь собственную администрацию, способную взять на себя значительную часть полномочий местных государственных органов. Политическая автономия могла быть предоставлена только тем русским территориям, которые находились на значительном удалении от столицы, таким как Ташкент, Восточная и Западная Сибирь, Забайкальский, Закаспийский и Уссурийский края и др.

Автономное управление было абсолютно необходимо для бурят, якутов, тунгусов и других народов. В этом контексте требовалось законодательно закрепить местное обычное право, совместимое с общим уголовным кодексом. Вопросы деятельности этих народов в отношении общегосударственной жизни разделили общественное мнение: считалось, что некоторые из них не достигли достаточного уровня культурного развития для участия в законодательных органах, в то время как другие, обладая необходимым культурным уровнем, могли принимать участие в выборах и иметь представителей в обеих палатах парламента.

По мнению отечественных правоведов, территориальной автономией должны были пользоваться части Российской империи, население которых образует самостоятельное культурное целое: Царство Польское, этнографическая Литва, Малороссия, Белоруссия, Латышский край, Эстонский край и Грузия.

Не все этнические сообщества демонстрировали одинаковую культурно-политическую уникальность. Некоторые из них почти не выделялись, в то время как другие отличались в малой степени, что придавало их автономизации весьма своеобразный характер. Так, территориальная автономия не могла быть применена к армянам, которые не заселяли какую-либо территорию, а были рассеяны главным образом по Кавказу и берегу Черного моря.

Что касается Финляндии, то, вследствие традиции, она всегда сохраняла особый статус [20].

Царство Польское, за исключением нескольких уездов Сувалкской, а отчасти Люблинской и Седлецкой губернии, было населено поляками и евреями, ввиду чего, в интересах справедливого урегулирования автономных отношений, высказывались мнения о необходимости голосования среди населения — к какой территории оно хотело бы присоединиться. Преобразованное таким образом Царство Польское должно было получить полную автономию.

За такую же автономию выступала Литва, которую составляли Виленская, Гродненская, Витебская, Минская, Могилевская, Ковенская губернии и часть Сувалкской. Однако из-за того, что в пределах этнографической Литвы проживало значительное количество поляков, введение литовского языка в учреждениях и всех учебных заведениях было бы затруднительно, а значит — существовала реальная проблема отправления государственных функций.

Говоря о выделении этнографической Литвы, следует иметь в виду, что город Вильно, вероятнее всего, не вошел бы в ее состав — он должен был принадлежать Белоруссии, где не было ни чувства национальной обособленности, ни ярко выраженной специфики языка и культуры. Белорусы не обладают чувством национальной исключительности и, несомненно, имеют больше кровного родства с русскими, чем с поляками, поэтому усилия по их «ополячиванию» бессмысленны.

В целом решение вопроса о том, должен ли Прибалтийский край составлять одну или две автономные территории, предоставлялось непосредственно заинтересованным гражданам, то есть латышам и эстонцам. Предполагалось, что автономия данных провинций будет достаточно обширной по нескольким причинам: во-первых, население этих регионов обладало значительным культурным потенциалом и было подготовлено к самостоятельному управлению; во-вторых, оно явно осознавало свою национальную идентичность; в-третьих, в отличие от русских, имело уникальные языковые, религиозные и культурные черты; и, наконец, русское население составляло там лишь небольшую часть (преимущественно это были чиновники). Соответственно, степень автономии этих провинций должна быть такой же высокой, как и в Царстве Польском.

Что касается Кавказа, то там жили разные нации и племена, стоящие на различных ступенях

развития. Эти группы в большинстве случаев были враждебно настроены друг к другу, что неоднократно использовалось русской бюрократией. Поэтому рассматривать Кавказ периода XIX–XX вв. как однородное политическое тело нельзя [21].

Для Российской империи с ее разнообразным национально-этническим составом было бы целесообразно провести классификацию территорий по трем категориям. Первая включала бы регионы с нецивилизованным или получивилизованным населением, которое не участвовало в государственных представительствах, но имело внутреннюю автономию под надзором государственных органов. Вторая охватывала бы территории с культурно развитым населением с различной степенью национальной автономии. Третья включала бы области, где культурно развитое население отличалось от русских настолько ярко выраженной исторической уникальностью, что им требовалась полная политическая автономия. Однако вопросы, касающиеся военных, таможенных, иностранных и прочих дел, оставались в ведении центрального правительства. При этом данные регионы имели представительство в центральном парламенте.

Понятия автономии и федерации в общественном дискурсе часто были взаимозаменяемыми, однако между ними существовала значительная разница, прежде всего, касательно законодательства². Федерация представляет собой такое образование, где несколько самостоятельных и независимых друг от друга областей объединились в одно государство и создали единую правительственную власть, уступив ей часть своих верховных прав. Такая возможность — ключевой критерий, по которому автономные территории отличаются от тех, что обладают лишь самоуправлением. В некоторых случаях национальный вопрос, обостряющий территориальные проблемы, способна разрешить областная автономия, но, независимо от этого, ее требование обуславливается местными интересами, которые часто не уместятся в рамках самоуправления.

Безусловно, любая сепарация опасна для равновесия частей государства, однако недовольство населения грозит тотальным отделением. Поэтому в ответ на стремления к сепаратизму центральная власть может предоставить региону

частичную или полную автономию, либо прибегнуть к усилению контроля и репрессий. Однако пределы самоуправления при автономности, равно как и при федеративных отношениях, не могут быть везде одинаковыми, а должны определяться для каждого случая.

В общественно-политическом дискурсе России рубежа XIX–XX вв. постоянно шел поиск оптимальной формы государственного устройства с анализом опыта других стран, имеющих в своем составе автономии, отличающиеся от понятия составного государства в рамках федерации. Примером служили кантоны в Швейцарии, штаты в США, а также Бавария или Саксония в составе Германской империи. Эти темы подробно исследованы в монографии М.Б. Горенберга «Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии» (1891 г.), где подчеркивается, что, в отличие от автономных провинций, эти государства обладали собственными правами.

У автономных провинций имеются лишь те полномочия, которые им оставило центральное правительство, не видя необходимости их забирать. Если бы какая-либо часть государства обладала неприкосновенными для центральной власти правами, она бы не считалась автономной провинцией, а приобрела статус отдельного государства. Все полномочия автономной провинции зависят от решений центральной власти, и их применение находится под ее надзором в рамках, которые она считает приемлемыми [22].

Также обсуждалось, что каждое государство, даже не являясь суверенным, имеет определенные права, которые не переданы ему кем-то, а существуют по умолчанию, и функционируют без внешнего контроля. Автономная область же получает свои полномочия непосредственно от центральной власти; их объем может измениться, и они могут быть отозваны в одностороннем порядке. Кроме того, действия автономной области находятся под постоянным надзором центрального правительства.

Еще одна ключевая идея заключалась в том, что народы с богатым политическим прошлым и устоявшимися традициями неизменно будут стремиться к самостоятельности. Поэтому любое управление, полностью подчиненное центральной власти, они будут воспринимать как чуждое и угнетающее их национальное самосознание. Таким образом, опасность в плане размежевания представляет не автономия как таковая, а именно отказ в ней.

² Автономия и федерация. Харьков: Тип. Сергеева; 1917. 32 с.

Следует учитывать и изменение социальных условий. Если раньше носителями местного патриотизма были немецкие остзейские бароны, польские помещики западного края, шведское дворянство Финляндии, то в XIX–XX вв., в силу неизбежной демократизации общества, на первый план вышли народные массы, что многократно увеличило силу сопротивления любому правительственному влиянию.

Очевидно также, что руководство всей необъятной Россией по определению не могло осуществляться централизованно, требовалось более широкое применение самоуправления, чем это практиковалось в других странах. Существование местного законодательства в автономных провинциях-областях имело особую значимость еще и потому, что общегосударственное народное представительство было перегружено работой, поэтому возникала необходимость принятия местных законов.

Как представлялось многим мыслителям на рубеже веков, только свободная федерация общин и их союзов способна разрешить национальный вопрос в виде объединения различных национальностей, каждая из которых может получить возможность свободно развивать свой язык, литературу и искусство. Эти настроения в начале XX столетия отразил известный социолог Питирим Сорокин: «государство, состоящее из союза многих народностей, гораздо сильнее, чем каждая национальность, порознь взятая, и потому более способно дать отпор всяким посягательствам на свободу и независимость народов, входящих в его состав» [12].

Среди русских общественных деятелей было немало групп и лиц, придававших огромное значение федеративному переустройству России с предоставлением национальностям, включенным в нее, права на полное отделение. Первыми, кто выступил в пользу национальной автономии и федерации, были М.А. Бакунин и А.И. Герцен, позже — П.А. Кропоткин, Ю.О. Мартов, В.И. Ленин и др. Многие революционные деятели поддерживали идею политической и экономической децентрализации как фундамента будущей государственной структуры.

Территориально-национальная автономия предлагалась в качестве ключевого элемента нового устройства государственного управления. Поэтому требовалось принятие соответствующих законодательных норм, исходящих

из единого высшего критерия³. В основание «нового государственного строя» необходимо положить принцип территориально-национальной автономии, а «один из первых основных законов нового порядка должен установить как общую норму самоуправления национальных территорий», «с возможным ограждением прав меньшинства» [22].

Это мнение становилось господствующим в тех сферах, которые были наиболее заинтересованы в разрешении национальной проблемы: «Территориальная автономия, как ответ на национальный вопрос, до сих пор служит лозунгом более популярным, чем национальная автономия. Ложные традиции территориализма, ошибочно переносимого в область национального вопроса, служат причиной этого представления. От этих традиций нужно отказаться... Та коллективная единица, в которой мы видим залог мирного разрешения вопроса, должна быть не территориальной, не областной, а национальной» [23]. Все попытки искусственного строительства, излишнего перекраивания географических и этнографических границ были бы обречены на провал.

В начале XX в. вопрос об автономии различных провинций и национальностей стал особенно актуальным. Так, в 1906 г. в Петербурге прошел съезд представителей разных национальностей Российской империи, за исключением великороссов, и в Государственной Думе сформировался «союз автономистов», главным вопросом участников которого стало обсуждение проблемы автономизации России. Впоследствии автономизация стала программной для большинства политических партий, чему способствовали настроения в национальных областях империи. Очевидной была неудовлетворительность губернских касательно идеи областной или территориальной автономии как исключительного способа разрешения национального вопроса в России.

К автономизации от «москалей» активно стремилась Малороссия. В Грузии, с ее феодальной государственностью на рубеже XX столетия и невозможностью защитить внешние границы от турок, персов и горцев, не раз прибегавшей к помощи русских, также были сильны сепаратистские настроения. И даже Армения, за свою многовековую историю не раз буквально стираемая с лица земли азиатскими полчищами и стоя-

³ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Изд-во книжного товарищества «Деятель»; 1912. 208 с.

щая за спиной русской армии, стремилась к собственной автономии. Таким образом, русское владычество далеко не всегда обуславливалось завоевательными стремлениями, но неизменно сталкивалось с сопротивлением, тайным или явным, со стороны малых народов.

В этой связи общий принцип, закрепившийся в общественном дискурсе в XIX–XX вв., сводился к тому, что при разделении России на автономно-территориальные единицы следует руководствоваться территориальными границами населяющих их национальных групп.

С учетом национального преобладания великороссов, территорию, по представлению властей, следовало поделить на отдельные автономные области по границам культурно-экономических различий, языковых ареалов и социально-политических приоритетов. Если у какого-то народа существуют уникальные традиции и культурные нормы, несовместимые с общегосударственными законами, то правительство могло дать заселенным ими территориям расширенные права, включая законодательные полномочия. Такое устройство отдельных народов и областей в имперской России условно называлось автономией. Автономная область получала свои права от государства, и они становились законом, который не вправе нарушать ни одна из сторон.

Иными словами, политическая модель предусматривала централизацию, которая не влечет за собой полную русификацию, и децентрализацию, не предполагающую полноценную автономию. Задача государственности в Российской империи состояла вовсе не в том, чтобы задушить тот или иной язык, а в том, чтобы высоко поднять знамя своей культуры и гражданственности, и тогда язык — их выразитель —

и общечеловеческие ценности станут для всех необходимыми.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ фактологии и идей относительно процесса автономизации национальных окраин России выявил общеполитические закономерности и специфику решения национального вопроса в Российской империи, которые можно свести к нескольким тезисам:

1. Концепция национальной российской идентичности, с учетом специфики исторически сложившихся территорий проживания, создавала препятствия для возникновения этноцентризма.

2. Защита культуры, традиционного образа жизни и, в некоторых случаях, местной правовой системы малых народов Российской империи не предполагала предоставления им полномочий суверенитета над определенными территориями в виде независимых государств.

3. Включение представителей национальной элиты в российскую было возможно только при условии их полной ассимиляции.

4. Эксклюзивная модель социального устройства, характерная для Российской империи, формировалась на основе моноэтнического самосознания большинства русского населения, при наличии частичной автономизации и проблемы национального вопроса, впрочем, не слишком острого на протяжении всей истории развития государства.

5. Проблемы национальной интеграции (как и многие другие социальные вопросы) часто воспринимались не как результат целенаправленной национальной политики власти, а, скорее, как естественное состояние вещей. Такое восприятие было одновременно и силой, и слабостью этой политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулешов С.В., Аманжолова Д.А., Волобуев О.В. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: Информационно-издательское агентство «Рус. Мир»; 1997. 679 с.
2. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск: Издательство Иркутского университета; 1986. 168 с.
3. Пыжиков А.В., ред. Административно-территориальное устройство России: история и современность. М.: Олма-пресс; 2003. 318 с.
4. Каппелер А. Россия как многонациональная империя Пер с нем. М.: Прогресс-Традиция; 2000.
5. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/hroх/Хрох_Мирослав._От_национальных_движений_к_полностью_сформировавшейся_нации.html
6. Миллер А.И. Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. Методологические проблемы. В книге: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. М.: Квадрига; 2021.

7. Баринаева Е.П., Кабытов П.С. Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2022;1(41):70–85.
8. Бахтурина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной-летом 1917 г. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2017; 4–2(10):177–185.
9. Дрожжина С.В. Роль национальных взглядов П.А. Столыпина в формировании территории Российской империи («финский вопрос»). *Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции*. М.: Русайнс; 2021.
10. Иванов А.А., Котов А.Э. Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях Российской империи. URL: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S 207987840008267-2
11. Назарова Е.Л. Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917. URL: <https://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=1121>
12. Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской Империи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-i-ee-vliyanie-na-razvitie-krizisnoy-situatsii-v-rossiyskoy-imperii>
13. Стогов Д.И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-monarhisty-nachala-xx-v-o-polozhenii-pravoslavnogo-naseleniya-zapadnogo-kraya>
14. Шубин А.В. Национальный фактор в революции (1917 год). *Acta historica Klaipedensis*. 2015;(31):120–132.
15. Грушевский М. Национальный вопрос и автономия. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза»:1907. 15 с.
16. Новоторжский Г. Национальный вопрос, автономия и федерация. М.: Новое т-во; 1906. 32 с.
17. Ратнер М.Б. О национальной и территориальной автономии. Киев–Петербург: Книгоиздательство «СЕРП»; 1906. 29 с.
18. Рагимова П.Ф. Особенности национальной политики Российской Империи в конце XIX — начале XX века. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014;5(35):134–141.
19. Кульчицкий К. (Мазовецкий). Автономия и федерация в современных конституционных государствах. Пер. с польск. М.: Изд. Петровской б-ки в Москве; 1907. 214 с.
20. Мессарош П.И. Финляндия — государство или русская окраина?: Значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. 2-е изд. М.: Ленанад; 2016. 336 с.
21. Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России. М.: Московский общественный научный фонд; 1997.
22. Лазаревский Н.И. Автономия. СПб.: Скл. изд. при Юрид. кн. скл. «Право»; 1906. 32 с.
23. Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. СПб.: Трибуна; 1906.

REFERENCES

1. Kuleshov S.V., Amanzholova D.A., Volobuev O.V. et al. National policy of Russia: History and modernity. Moscow: Information and Publishing Agency “Rus. Mir”; 1997. 679 p. (In Russ.).
2. Dameshek L.M. The domestic policy of tsarism and the peoples of Siberia (XIX — beginning of the XX century). Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutckogo universiteta; 1986. 168 p. (In Russ.).
3. Pyzhikov A.B, ed. Administrative-territorial structure of Russia: History and modernity. Moscow: Olma Press; 2003. 318 p. (In Russ.).
4. Kappeler A. Russia as a multinational empire of the first with him. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. (In Russ.).
5. Hroh M. From national movements to a fully formed nation: the process of building nations in Europe. URL: https://pawet.net/libaray/history/bel_history/_articles/hro/khroh_Miroslav_ot_native_khoi_k_fold_noma_nation_nation.html (In Russ.).
6. Miller A.I. The national question in the Romanov empire after 1905 is methodological problems. In the book: *The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916*. Moscow: Kvadriga; 2021. (In Russ.).
7. Barinova E.P., Kabytov P.S. The national question is in the discourse of the United Nobility. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*. 2022;1(41):70–85. (In Russ.).

8. Bakhturina A. Yu. Changing the administrative borders of the Baltic provinces in the spring and summer of 1917. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie = Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Politicalology. Story. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies.* 2017; 4–2 (10): 177–185. (In Russ.).
9. Drozhzhina S.V. The role of the national views of P.A. Stolypin in the formation of the territory of the Russian Empire (“Finnish question”). Russian Civilization Mission: On the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire. Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Rusains; 2021. (In Russ.).
10. Ivanov A.A., Kotov A.E. Socio-economic aspects of the introduction of zemstvo in the Western provinces of the Russian Empire: URL: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S 207987840008267-2. (In Russ.).
11. Nazarova E.L. The national question as a collapse factor in the Russian Empire. Latvia and Estonia on the way to independence. 1914–1917. URL: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1121> (In Russ.).
12. Sosnovsky A.V. National policy by the beginning of the 20th century and its influence on the development of a crisis in the Russian Empire. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-ee-vliyanie-na-razvitie-krizisnoy-situatsi-v-Rossiyskoy-imiperii> (In Russ.).
13. Stogov D.I. Russian monarchists at the beginning of the XX century. On the position of the Orthodox population of the West Territory. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-monarhisty-nachala-xx-v-polozhenii-pravoslavnogo-naseleniya-zapadnogo-kрая> (In Russ.).
14. Shubin A.V. National factor in the revolution (1917). *Acta Historica Klaipedensis.* 2015; (31):120–132. (In Russ.).
15. Grushevsky M. National question and autonomy. St. Petersburg: tip. t-va “Obshchestv. Pol’za”: 1907. 15 p. (In Russ.).
16. Novotorzhsky G. National question, autonomy and federation. Moscow: Novoe t-vo; 1906. 32 p. (In Russ.).
17. Ratner M.B. On national and territorial autonomy. Kyiv–Petersburg: Knigoizdatel’stvo “SERP”; 1906. 29 p. (In Russ.).
18. Ragimova P.F. Features of the national policy of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = The Central Russian Bulletin of Social Sciences.* 2014;5 (35):134–141. (In Russ.).
19. Kulchitsky K. (Mazovetsky). Autonomy and the Federation in modern constitutional states. Transl. from Polish. Moscow: Izd. Petrovskoj b-ki v Moskve; 1907. 214 p. (In Russ.).
20. Messarosh P.I. Finland — a state or the Russian outskirts?: The meaning of special institutions of the Finnish outskirts of the Russian Empire. 2nd ed. Moscow: Lenada; 2016. 336 p. (In Russ.).
21. Novikova I.N. The Grand Duchy of Finland in the imperial policy of Russia. Moscow: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond; 1997. (In Russ.).
22. Lazarevsky N.I. Autonomy. St. Petersburg: Skl. izd. pri YUrid. kn. skl. “Pravo”; 1906. 32 p. (In Russ.).
23. Medem V. Social Democracy and the national question. St. Petersburg: Tribuna; 1906. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>

kochetkov.work@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2024; принята к публикации 25.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2024; accepted for publication on 25.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-83-88

УДК 316.776+316.355(045)

Трансформация этики коммуникаций в условиях тотальной цифровизации

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам, связанным с трансформацией этики коммуникаций в эпоху тотальной цифровизации. Ее актуальность заключается в том, что в условиях современных информационных войн необходимо поддерживать базовые этические нормы, которые служат основой для единства общества. Анализ источников позволил выделить характерные черты так называемого «цифрового» поколения: изменение привычного способа мышления и снижение интеллектуальных способностей, отказ от книжной культуры, неспособность воспринимать традиционные тексты, несформированность понятийного мышления. Автор отмечает, что цифровая среда упрощает мышление, формирует клиповое сознание и не способствует развитию критического мышления. Это создает благоприятные условия для распространения так называемых «ментальных вирусов». Кроме того, социальные платформы усиливают сегментацию общества, создавая новые формы доверия. Цифровое пространство становится агрессивным социальным полем и идеальным инструментом для манипуляций сознанием. Анализ цифровой среды позволил выявить ряд ее особенностей: вирусный потенциал онлайн-коммуникаций, активное участие комментаторов, а также широкие возможности мультимедийного потенциала интернет-ресурсов, которые делают их привлекательными (графика, видео, анимация, упрощенная подача информации). Трансформация коммуникаций в контексте информационных войн создает угрозу для полной «перепрошивки» сознания, что может привести к разрушению социетальной безопасности страны. Автор предлагает следующие меры противодействия данной угрозе: разработка полноценной государственной политики по сохранению базовых этических норм, объединяющей усилия всех участников социального взаимодействия; государственная цензура; всесторонний контроль со стороны государства за деятельностью цифровых гигантов; создание специальных цифровых этических программ. Статья предназначена для специалистов в области образования, исследователей и всех заинтересованных лиц.

Ключевые слова: этика коммуникаций; трансформация этики; цифровая среда; ментальные вирусы; когнитивные войны

Для цитирования: Замараева Е.И. Трансформация этики коммуникаций в условиях тотальной цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):83-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-83-88

ORIGINAL PAPER

Transformation of Communication Ethics in the Context of Total Digitalization

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to issues related to the transformation of communication ethics in the era of total digitalization. Its relevance is due to the fact that in the conditions of modern information wars it is necessary to maintain basic ethical norms that serve as the basis for the unity of society. The analysis of the sources made it possible to identify the characteristic features of the so-called “digital” generation: a change in the usual way of thinking and a decrease in intellectual abilities, rejection of book culture, inability to perceive traditional texts, lack of conceptual thinking. The author notes that the digital environment simplifies thinking, forms clip consciousness and does not contribute to the development of critical thinking. This creates favorable conditions for the spread of so-called “mental viruses”. In addition, social platforms enhance the segmentation of society by creating new forms of trust. The digital space is becoming an aggressive social field and an ideal tool for manipulating consciousness. The analysis of the digital environment has revealed a number of its features: the viral potential of online communications, the active participation of commentators, as well as the extensive multimedia potential of Internet resources that make them attractive (graphics, video, animation,

simplified presentation of information). The transformation of communications in the context of information wars poses a threat to a complete “rewiring” of consciousness, which can lead to the destruction of the country’s social security. The author suggests the following measures to counter this threat: the development of a full-fledged state policy to preserve basic ethical standards, uniting the efforts of all participants in social interaction; state censorship; comprehensive state control over the activities of digital giants; the creation of special digital ethical programs. The article is intended for educational professionals, researchers and all interested parties.

Keywords: communication ethics; ethics transformation; digital environment; mental viruses; cognitive wars

For citation: Zamaraeva E.I. Transformation of communication ethics in the context of total digitalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):83-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-83-88

ВВЕДЕНИЕ

Современное постиндустриальное общество, о котором мы так много читали и главной особенностью которого являются информация и знание, стремительно становится обществом цифровым. Развитие цифровой среды влияет на формат коммуникаций, которые сейчас определяются интернетом, социальными сетями, мобильными приложениями. Одновременно происходит трансформация аксиологических установок, трансформация традиционных моральных ценностей, остро встают проблемы истинности информации и знания.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ КОММУНИКАЦИЙ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Цифровое пространство стремительно меняется, что побуждает искать некие универсальные, базовые подходы к вопросам и этике коммуникаций. Основными характеристиками виртуального пространства можно считать открытость, глобальность, анонимность, скорость, доступность, что является, безусловно, триггером для появления множества проблем морального и нравственного порядка. Проанализировав исследования по цифровой этике, представленные на международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2019» в Санкт-Петербургском государственном университете, Ю. В. Назарова и О. С. Анищенко выделяют следующие проблемы этики коммуникаций в цифровом мире:

- неоднородность моральных ценностей;
- проблемы информационных войн и кибератак;
- проблемы достоверности информации;
- проблемы приватности;
- проблемы первичности источника информации;
- проблемы цифрового образования и многие другие [1].

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Перечисленные выше проблемы порождает не только цифровое пространство, но и «цифровые поколения» или «цифровые аборигены», которые им сформированы. У «цифровых аборигенов» есть особые когнитивные характеристики, присущие только им.

Во-первых, книга как основной источник информации и знаний для этих поколений практически полностью перестает существовать. Углубленное чтение становится непосильным интеллектуальным трудом для большинства цифровых поколений, оно становится прерогативой узкого круга интеллектуальной элиты [2]. «Цифровые аборигены» вырастают не только необразованной частью общества, так как именно чтение формирует память, являющуюся основой культуры и цивилизации, но и той частью общества, которая не в состоянии критически мыслить, которой легко манипулировать, которая пластична и внушаема, т.е. легко управляема.

Во-вторых, виртуальная реальность для представителей этих поколений ближе и понятней, чем реальная действительность. Цифровое пространство сегментировано, разбито на отдельные информационные пузыри, «семантические капсулы», в которых пользователи не имеют общей картины мира, у каждого эта картина своя [3]. А это значит, что язык как средство коммуникации перестает выполнять свою функцию, исчезает как язык согласия, так и язык несогласия, «цифровые аборигены» не умеют вести цивилизованную дискуссию: могут только проявлять агрессию, троллить, банить. Диалог между подписчиками разных платформ невозможно представить. Коммуникация как процесс взаимного общения попросту исчезает. Такая сегрегация очень удобна для ментального манипулирования в виртуальном пространстве, так как в подобной «семантической капсуле» нет реального видения действительности, нет целост-

ной картины мира, человек живет в собственном придуманном мире, даже не представляя, что существует другой взгляд на действительность, другая точка зрения, иная картина мира.

В-третьих, у «цифровых аборигенов» практически не работают механизмы памяти, наступает «цифровое слабоумие», ведь поисковые системы выполняют за них всю интеллектуальную работу. Когнитивные способности трансформируются, уходит критическое и логическое мышление. Как известно, память — основа культуры, основа этики, основа коммуникации. Ослабляя память, эти поколения теряют соответственно и культуру, и этику, и основы цивилизации.

В-четвертых, в пространстве сети формируется так называемое клиповое сознание и клиповое мышление: отрывочность, беспорядочность знаний, неумение выстраивать причинно-следственные связи [4]. Цифровой продукт легок, не утомителен, комфортен для потребления, не нужно напрягать мозги для того, чтобы понять трудные и скучные тексты учебников и монографий. И в итоге происходит «перепрошивка» мозгов, создается клиповое мышление, которым так удобно манипулировать.

ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА

Интернет-пространство в корне меняет традиционные способы общения и порождает новые виды отношений. Пользователи воспринимают сеть как личное и анонимное пространство, больше доверяя «друзьям» в интернете, чем официальным источникам информации. Кроме того, контент часто преподносится как «личный опыт», «критический анализ» или «мнение эксперта», что дополнительно стимулирует доверие к его источнику. Информация, которую предоставляют официальные источники, ученые, специалисты в области, профессиональные эксперты, не заслуживает внимания цифровых поколений [3].

Сама цифровая среда также имеет ряд особенностей, которые определяют трансформацию этики коммуникаций в современном мире.

Прежде всего, это вирусное распространение любой искаженной информации в цифровом пространстве, обеспечивающееся огромным множеством участников коммуникации, что, в свою очередь, создает дополнительные сложности для противодействия ему.

В ходе обсуждения активно используются специальные комментарии, которые создаются

так называемыми «ботами». Эти комментарии могут быть очень агрессивными и не допускать других точек зрения. Это позволяет направить обсуждение в нужное русло и придать определенный смысл обсуждаемому факту [3].

Кроме того, мультимедийные функции интернет-ресурсов многократно усиливают их воздействие. В доступной и легкоусвояемой форме в пластичное сознание цифровых поколений внедряется искажающий реальность, сознательно отредактированный контент в виде анимации, графики, музыкального сопровождения, компьютерных игр.

При этом в силу уже указанных ментальных особенностей цифровых поколений красивые броские картинки и примитивные слоганы легко принимаются на веру, не подвергаясь критическому осмыслению, без собственного анализа и собственной позиции. Причем чем проще и примитивнее модель или схема, тем легче ее внедрить в ментальное пространство, не отягощенное системным мышлением и логическим анализом [5].

МЕНТАЛЬНЫЕ ВИРУСЫ КАК ОРУЖИЕ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН

Изменение способов и средств коммуникаций в современном сетевом пространстве неизбежно влечет за собой и трансформацию этики коммуникаций, особенно отчетливо эта тенденция проявляется в информационных войнах, которые в последнее время перешли в формат когнитивных войн, активной и агрессивной «перепрошивки» мозгов.

Основная цель таких действий — смещение ценностей и самой реальности в голове пользователя, полная ликвидация логического и критического мышления в сознании «цифровых аборигенов» и выстраивание собственной, фрагментированной картины мира, фейковой реальности, не имеющей ничего общего с реальностью действительной. Мы входим в эпоху тотальных фейков и постправды.

Почему же фейки так быстро распространяются и так легко приживаются? Потому что они соответствуют ожиданиям людей, обыденным привычным архетипам: «народ живет все хуже», «чиновники воруют», «депутаты принимают нелепые законы», «власть бездействует». Люди добровольно становятся «вирусными агентами», распространителями «правды». Мир недавно пережил эпидемию коронавируса, однако «мен-

тальные вирусы» не менее страшны и имеют те же механизмы распространения. «Ментальные вирусы» — это внедряемая в умы самостоятельная сущность искусственного происхождения. Это биологическое оружие, созданное профессионалами, и оно работает безупречно.

Кроме того, широко используются отработанные уже методы сетевой манипуляции: дрессировка на бессмысленные массовые движения, постоянные флэшмобы, массовые тесты, квесты, политические и общественные задания. Однако с помощью подобных механизмов формируется отработка мгновенных и не анализируемых сознанием участников механизмов включения в операции по манипуляции массовыми движениями [3]. Эти механизмы отрабатывались в так называемых твиттерных революциях в 2009 г. в Молдове и во время Арабской весны 2010–2011 гг. Сначала как бы «игровой» протест, затем внушение нужной шкалы ценностей через семантическую капсулу и вывод на улицу массы людей в протестных движениях.

Мы понимаем, что человек живет в нескольких информационных средах: семья, работа, традиционные СМИ и нетрадиционные СМИ. В каждой среде у человека есть свои предпочтения, свои источники информации, которым он доверяет и не считает нужным проверять. И если информация повторяется сразу в нескольких источниках, в нескольких средах, человек начинает ей доверять. На этом и основаны когнитивные войны.

В качестве примера можно привести когнитивные удары, которым подвергалось население нашей страны начиная с февраля 2022 г. Эти данные приводит кризисный психолог Маргарита Соколова в своем докладе «Когнитивные войны отечественных блогеров по обществу в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г.» [6]. Она выявляет десять когнитивных ударов, которые имеют разную целевую аудиторию, разные послы и разные формулировки, но все вместе они создают ужасающую картину современной российской действительности, сеют панику, формируют депрессивные и агрессивные настроения, создают глубоко отрицательный эмоциональный фон, с которым далеко не все могут справиться, срываясь в невротические пропасти и настоящие психозы. Как выглядят эти когнитивные удары? Какой идеологический и эмоциональный заряд они несут?

Первый когнитивный удар формулируется примерно так: СВО — это агрессивная акция,

у которой нет причин, значит, Россия — это фашистская страна, страна-агрессор. Дискредитируется все руководство страны, прежде всего сам президент Путин, формируется образ агрессора, тирана.

Из этого выводится второй когнитивный удар: все россияне должны испытывать чувство стыда и чувство вины, следовательно, нельзя молча принимать происходящее, нужно активно протестовать, ведь только сами россияне могут остановить войну. Третий когнитивный удар формулируется примерно так: российская экономика рухнет, жить будет плохо, бедность и нищета коснутся всех, в России жить опасно, нужно уезжать и увозить детей и мужчин, которых может коснуться мобилизация. Отдельным образом формулировался другой когнитивный удар, направленный на определенную целевую аудиторию: весь мир объединился в поддержку Украины. Россия — в изоляции, опускается «железный занавес», а значит, Россия ведет себя неправильно, раз против нее выступает весь цивилизованный мир.

Еще один когнитивный удар звучит так: Россия терпит поражение на поле боя, она слаба и материально, и идеологически, ни за что гибнут молодые ребята, у которых остаются семьи и дети. Из этого посыла логично вытекает следующий: Вооруженные Силы РФ — это сборище негодяев, мародеров, насильников, т.е. происходит максимальная дискредитация и расчеловечивание российской армии. Вывод из этих когнитивных ударов вполне очевидный: поражение России в СВО — это победа России и личное поражение Путина, нужно приложить к этому максимум усилий.

Как видим, воздействие идет на разные аудитории, для каждой свой «месседж», свои болевые точки, свои формулировки. Но представим человека, который все это переживает: страх, боль, отчаяние, депрессия, тревога, неуверенность в завтрашнем дне. Мир рухнул, надежды нет, все пропало, из России нужно бежать. Человек с таким сознанием легко управляем, внушаем, его мышление можно направить в любую сторону, это идеальный «ментальный пластилин».

Таким образом, можно сделать вывод, что когнитивные удары — «ментальные вирусы», это мощное оружие, которое используется в условиях информационных войн, в условиях кардинальной трансформации традиционной этики коммуникаций цифрового мира.

ВЫВОДЫ

Следовательно, чтобы предотвратить или хотя бы минимизировать последствия когнитивных ударов как оружия информационных войн, необходимо не только понимать всю остроту ситуации сегодняшнего дня, но и действовать на предупреждение. Этика не ставит перед собой задачу наказывать, но предупреждать и предотвращать [7]. Необходимо объединять усилия всех заинтересованных сторон, всех здравомыслящих людей и профессионалов для минимизации негативного воздействия современных информационно-коммуникативных технологий на этику коммуникаций, нужно не только широкое использование экономических и финансовых рычагов давления на работу цифровых гигантов в нашей стране, но и необходима разработка

и скорейшее внедрение цифровых этических программ, которые смогли бы автоматически блокировать контент и работу отдельных платформ, необходимо создавать альтернативные ресурсы и вести идеологическую разъяснительную работу, направленную прежде всего на подрастающее поколение.

Таким образом, формирование этики коммуникаций в глобальном цифровом пространстве ставит перед собой задачу не наказывать (этим занимаются правоохранительные органы), а предупредить и предотвратить проблемы, порождаемые цифровизацией, создать цифровые этические программы, которые смогут дать оценку и контроль, что станет надежным средством этического регулирования коммуникационных процессов в цифровом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назарова Ю.В., Анищенко О.С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. 2019;1(4):23–31. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-4-23-31
2. Курпатов А.В. Всегда важно держать фокус решения задачи. *Университетская книга*. 2020;(7):8–13.
3. Ашманов И.С., Касперская Н.И. Цифровая гигиена. СПб.: Издательство «Питер»; 2022. 931 с.
4. Ясюкова Л.А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб: ИМАТОН; 2005.
5. Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;1(11):43–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
6. Соколова М.Е. Когнитивные войны отечественных блогеров по обществу в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/KGW.pdf>
7. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10

REFERENCES

1. Nazarova Yu.V., Anishchenko O.S. New digital ethics in the virtual space: Dilemmas of control and ethical expertise. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2019;1(4):23–31. (In Russ.). DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-4-23-31
2. Kurpatov A.V. It is always important to keep the focus of solving the problem. *Universitetskaya kniga*. 2020;(7):8–13. (In Russ.).
3. Ashmanov I.S., Kasperskaya N.I. Digital hygiene. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Piter"; 2022. 931 p.
4. Yasyukova L.A. Patterns of development of conceptual thinking and its role in learning. Saint Petersburg: IMATON; 2005. (In Russ.).
5. Zamaraeva E.I. Socio-cultural transformations in the era of digitalisation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):43–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
6. Sokolova M.E. Cognitive wars of Russian bloggers on society in the period from February 24 to August 24, 2022. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/PostUkraine/KGW.pdf>
7. Tyurikov A.G., Bolshunov A.V. Information technology as a social challenge of the XXI century. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

zamaraeva_e@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.12.2023; принята к публикации 15.07.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.12.2023; accepted for publication on 15.07.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-89-100
УДК 165.12(045)

Модели объяснения сознания в контексте проблемы определения сильной формы ИИ

В.Н. Белов, С.А. Малофейкин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка дополнить современную проблематику выделения критериев сильного ИИ посредством дискуссий в области философии сознания. Получившие популярность представления Д. Деннета («многократных набросков»), Дж. Сёрля (каузально-эмерджентное описание) и Д. Чалмерса (синтетический подход к пониманию сознания) сопоставляются с историей формирования проблемы ИИ. Несмотря на широкое обсуждение проблематики сознания и искусственных форм интеллекта (сильного и слабого), остаются актуальными теории и рассуждения философов о психофизиологической проблеме. Предполагается, что понимание механизмов аналитической работы сознания, раскрытие творческого потенциала личности, а также способность воспринимать множество явлений в их категориальных формах и формировать аксиоматические и синтетические суждения расширят инструментарий машинного обучения. Для дополнения имеющихся представлений о сознании в условиях распространенности информационного подхода (Д.И. Дубровский) и аналитической традиции (В.В. Васильев) приводятся ключевые положения психофизиологической проблемы, обозначенные в истории немецкой и русской философии. Учитывая сложность и многогранность обозначенных проблем (определение сознания, психофизиологическая проблема, определение ИИ, демаркация слабых и сильных форм ИИ, значение языка для выстраивания структур мышления, аналоговое мышление и его возможности), содержание статьи ограничивается анализом наметившихся тенденций в философии и обозначением перспектив для дальнейшего углубления в проблематику.

Ключевые слова: философия сознания; психофизиологическая проблема; искусственный интеллект; аналитическая философия; информационный подход

Для цитирования: Белов В.Н., Малофейкин С.А. Модели объяснения сознания в контексте проблемы определения сильной формы ИИ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):89-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-89-100

ORIGINAL PAPER

Models for Explaining Consciousness in the Context of the Problem of Determining the Strong Form of AI

V.N. Belov, S.A. Malofeikin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article attempts to complement the modern problems of highlighting the criteria of strong AI through discussions in the field of philosophy of consciousness. The popular ideas of D. Dennett ("multiple sketches"), J. Searle (causal emergent description) and D. Chalmers (synthetic approach to understanding consciousness) are compared with the history of the formation of the AI problem. Despite the wide discussion of the problems of consciousness and artificial forms of intelligence (strong and weak), the theories and arguments of philosophers about the psychophysiological problem remain relevant. It is assumed that clarifying the mechanism of analytical work of consciousness, the creative potential of the individual, the ability to cover a variety of phenomena in categorical forms, building axiomatic and synthetic judgments will expand the tools of machine learning. To complement the existing ideas about consciousness in the context of the prevalence of information approaches (D.I. Dubrovsky) and the analytical tradition (V.V. Vasiliev), the key provisions of the psychophysiological problem identified in the history of German and Russian philosophy are given. Given the complexity and versatility of the identified problems (definition of consciousness, psychophysiological problem, definition of AI, demarcation of weak and strong forms of AI, the importance of language for building structures of thinking, analog thinking and its capabilities), the content of the article is limited to analyzing emerging trends in philosophy and identifying prospects for further deepening into the problem.

Keywords: philosophy of consciousness; psychophysiological problem; artificial intelligence; analytical philosophy; information approach

For citation: Belov V.N., Malofeikin S.A. Models for explaining consciousness in the context of the problem of determining the strong form of AI. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):89-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-89-100

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В настоящее время происходит повсеместное внедрение новейших технологий анализа и обработки данных в социальную и даже научную практику. Значение информации и процесса цифровизации становится предметом широких дискуссий, среди которых отметим обсуждение идей Н. Винера, А. Тьюринга, Дж. фон Неймана, М. Гарднера и А. Чёрча. Перспектива искусственных форм анализа массивов данных, близких к возможностям человека, и оптимизация машинного обучения обозначились еще во второй половине XX века. Однако для первооткрывателей технологий машинного обучения и ИИ имплицитным остался вопрос о необходимости воспроизведения инструментария человеческого мышления, специфических особенностей сознания, умения творческого восприятия и охвата многообразия явлений в категориальных формах. В первую очередь рассматривались проблемы воспроизводимости аналитических возможностей человека, а понятия сознания, мозг и интеллект остались без должной апробации. В 1948 г. Н. Винер, один из основателей кибернетики, публикует известный труд «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине», в котором обозначилась проблематика сведения искусственных форм обработки и передачи информации к возможностям человеческого разума систематизировать окружающую действительность. Примечательно, что ученый использует уже накопленный опыт не только в рамках математики, но и в областях психологии и логического позитивизма, упоминая парадоксы математической логики Б. Рассела и практические результаты И. П. Павлова [1, р. 127]. Ссылаясь на достижения фундаментальной науки и философии, в том числе на идеи Л. Больцмана, американский математик имплицитно обозначает несводимость аналитических возможностей искусственной обработки информации к потенциалу человека формировать обобщающие системы знания, функционирующие в науке, даже при неполноте представлений о конкретных физических явлениях [1, р. 37]. Иначе говоря, вычислительным машинам не хватает абстраги-

рования от конкретности действительности и от предметности чисел. Во многом ученый оказался прав, и на сегодняшний день есть как минимум две проблемы, с которыми не справляются слабые формы ИИ и нейронные сети — проблема остановки и проблема переобучения. Способность к обучению, но не к качественному изменению стратегии проработки решения, отражает современные пределы интеллектуальных систем в постановке собственных целей при достижении поставленных задач. В свою очередь «проблема остановки», восходящая еще к интерпретации Д. Гилбертом универсальности принципов А. Тьюринга в определении подмены человека машиной и к теории неполноты математики К. Гёделя, остается актуальной в XXI в. В наиболее общем виде суть проблемы выражается в невозможности машиной, что справедливо и для современных форм ИИ, использовать математические подходы обобщения и переноса данных.

О потенциале и ограничениях вычислительных машин Дж. фон Нейман упоминает в своем труде «Вычислительная машина и мозг» (написан в 1956 г. и опубликован после смерти автора в 1958 г.). Обозначив различие между аналоговым, цифровым и химическим способом обработки информации, математик указал на ограничения для использования исключительно одной из них. Но при внедрении принципа «взаимозаменяемости» способов вычисления или «чередования аналоговых и цифровых процессов» повышается общая результативность [2, с. 137]. Особенность и преимущество человеческого мозга перед аналоговыми средствами выражается во взаимозаменяемости цифрового и химического анализа информации, а также в повышении скорости обработки из-за иных конфигураций строения отделов памяти человека при молекулярно-атомарных размерностях в противоположность технологическим возможностям хранения информации. Человеческий мозг, уступая в скорости и точности процессов вычисления, способен охватить «логическую глубину» процессов в параллельной, а не в последовательно-аналитической форме [2, с. 151]. Уступая вычислительной машине в точности и скорости исчисления, человек способен

обобщить более объемные данные, обнаружив связь там, где она не предполагается аналитическим способом. Оставляя вне контекста вопросы о сознании и личности, математик обозначает приоритет развития вычислительных технологий по пути объединения аналоговых и цифровых механизмов обработки данных, а дальше к объединению химических структур нейронных связей человека с цифровыми технологиями.

Рассуждения Н. Винера и Дж. фон Неймана показательны для понимания сути проблемы несводимости сознания к вычислительной машине, т.е. сознание обладает своими преимуществами, а машины воспроизводят и улучшают только отдельные функции мозга, превосходя аналитический потенциал естественного носителя сознания. Подчеркнем, что именно принципы кибернетики и параллелизма процессов вычисления легли в основу создания нейронных сетей, т.е. аналоговых форм воспроизведения вычислительных функций мозга, но не сознания.

После Дартмутского семинара 1956 г. термин ИИ стал набирать популярность и одновременно с этим приобретать размытые очертания, вбирая в объем понятия значительно различающиеся процессы и явления. Очевидно, что, когда Дж. Маккарти на Дартмутском семинаре обозначил термин ИИ («artificial intelligence» или AI) и его наиболее широкую формулировку, когнитивные науки и в целом проблематика сознания не были оформлены. Под определение лауреата премии Тьюринга подходит все многообразие вычислительных машин и программного обеспечения, поэтому дальнейшая история проблемы связывается не только с развитием информационных технологий и функционального программирования, в том числе машинного обучения, но и с методологией науки и философией. Хотя Н. Винер, Дж. фон Нейман, а также А. Тьюринг и А. Чёрч вполне отчетливо в своих докладах и публикациях обозначили различие между воспроизведением структур мозга и мышления с искусственной формой сознания, только к концу XX в. появились авторитетные заявления по данному вопросу.

Под влиянием нарастающего количества неточностей в определениях и используемой терминологической базы, провоцирующих методологические и проектные упущения, ученые и специалисты в областях математики, информатики и машинного обучения, в частности, обращаются к накопленному потенциалу философии.

В том числе оформляется проблема этического применения интеллектуальных систем, которая становится актуальной [3, р. 937]. Именно в философии обозначаются наиболее неудобные вопросы, а очевидные представления и общеизвестные мнения ставятся под сомнение и последовательно реконструируются, уточняя основы объективного мировоззрения и корректируя границы здравого смысла.

История философии показывает фундаментальность вопроса об истоках мышления, сознательной жизни и когнитивных процессов в целом. Несмотря на то, что когнитивные науки после 1960-х гг. (в особенности благодаря «теории Сантьяго» и распространению междисциплинарного подхода в науке и философии) базируются на естествознании, но в процессе концептуализации достигнутых результатов неизменно отсылают к философии, к проблематике эпохи Нового времени, философии немецкого классического идеализма и к аналитической традиции. Особую популярность в среде философов, занимающихся проблематикой сознания, соотношения сознания и мозга, и в частности «теорией тождества», приобретает именно аналитическая традиция. Несомненно, что Г. Фреге и Р. Карнап, Дж. Мур и Б. Рассел, а также Л. Витгенштейн обозначили ряд важнейших идей для развития современных представлений о функциях и потенциале когнитивных способностей. Однако исследователи новейшего времени отсылают в своих трудах и публичных выступлениях не только к аналитической традиции, но и к классическим вопросам XVII–XVIII вв. (дуализму Р. Декарта, ментальной географии Д. Юма, трансцендентальному субъекту И. Канта) и системным формам философии XX в. (например, теории коммуникации Ю. Хабермаса [4, 5]). Данное обстоятельство подчеркивает потенциал философии в освоении сложнейших вопросов современности.

ПРИРОДА СОЗНАНИЯ И ИНТЕЛЛЕКТ: ПОСЛЕ 1994 ГОДА

Конференция «На пути к науке о сознании» в городе Туссан (штат Аризона) 1994 г. стала отправной точкой для изменения ракурса рассмотрения проблемы сознания в преломлении к вопросу о возможности создания искусственного интеллекта. Наиболее широко обсуждаемым стал доклад Д. Чалмерса о сложных и легких проблемах сознания. Воспроизведение отдельно взятых механизмов обработки и передачи информа-

ции не являются сложной проблемой сознания и в полной мере могут быть решены в рамках эмпирических исследований. Трудная проблема выражается в поиске ответа на природу и отличительную сущностную характеристику сознания, отличающую его от любых аналитических способов работы с информацией. Напомним, что уже Дж. фон Нейман указал на параллелизм обработки информации как на принципиально отличную характеристику человеческого мозга. Аналитический подход, использующий строгий детерминизм и равномерное линейное распределение потоков информации, не может объяснить высокий функционал мозга при очевидной более низкой производительности вычислений. Теперь стало очевидным, что ранее предложенное определение ИИ Дж. Маккарти не удовлетворяет исследователей в областях когнитивных наук. Дж. Сёрль усиливает зарождающиеся тенденции и проводит демаркацию между слабой и сильной формой ИИ, а для ученых становится актуальной проблематика создания не искусственного интеллекта, а моделирования именно сознания, когнитивной целостности механизмов человеческого разума. В свою очередь в практико-прикладных исследованиях все чаще начинают отказываться от термина ИИ в интерпретации 1956 г., обозначая новые технологические решения как интеллектуальные системы или методы искусственного интеллекта, подчеркивая несводимость вопроса о методах обработки информации к проблеме моделирования когнитивной целостности сознания. Как итог, философия заняла господствующую позицию в комплексном объяснении природы сознания, объединяя исследования когнитивных процессов, проблематику создания сильного ИИ, область информационных и цифровых процессов, структур мышления (в том числе логика и языкознание) сквозь призму соотношения «сознание — личность», «сознание — мозг» и «мозг — тело».

Одну из наиболее оригинальных позиций, объясняющих сущность сознания, предложил Д. Деннет. В противоположность подходу Дж. Сёрля и его «китайской комнаты», рождается «бостонский зомби» и «картезианский театр» [6, с. 202]. Основываясь на функционализме и исходя из достижений естествознания, американский философ объясняет сознание как производный механизм от физиологического устройства человека, но подчеркивает наличие особых форм организации психики. Во-первых, функционализм Д. Деннета выстраивается на компромиссной

позиции между классическим эволюционизмом и детерминированным монизмом. Человеческое сознание обусловлено особенностью устройства мозга, который является продуктом эволюции и культурного развития. Язык и формы логического мышления, формируемые в опыте истории и постоянно совершенствующиеся благодаря научному прогрессу, влияют на усложнение сознания и когнитивных практик. Во-вторых, сознание не исходит из какой-либо заданной точки или области в строении мозга, а является результатом целостности функционирования человека как биологического существа. Процессы в мозге осуществляются не по принципам прямолинейной аналитики и строгой детерминации, что характерно для искусственных аналитических систем. Человек обладает сознанием, так как все когнитивные процессы, которые могут быть описаны как информационные, в том числе взаимодействие «сознание — тело» и «мозг — тело» распределены параллельно, перекрещиваясь и многослойно. Здесь обнаруживается отсылка к исследованиям Дж. фон Неймана и, в свою очередь, критика А. Тьюринга и Н. Винера в понимании устройства мозговой активности. В 1990-х гг. ученый вводит понятие «интенциональных установок», объясняющих мотивацию к принятию и исполнению решений. Уровень развития языковых средств, используемых человеком, играет первостепенную роль в процессе образования сознания, формируя нарративы и первичность «интенциональных установок». Добавим, что «интенциональность» Д. Деннета отличается по содержанию и качеству от идей Э. Гуссерля и его трансцендентальной феноменологии. Интенциональность (intentionality) определяет мотивацию к действию, а общей моделью (программой) становится интенциональная установка, присущая всем живым объектам: «по определению, интенциональными системами являются все те и только те объекты, поведение которых предсказуемо или объяснимо из интенциональной установки. Самореплицирующие макромолекулы, термостаты, амёбы, растения, крысы, летучие мыши, люди и компьютеры, играющие в шахматы, все это интенциональные системы, одни более интересные, другие менее» [7, с. 41]. Человек является объектом, обладающим «более интересной системой» установок «намеренностей» что-либо сделать, т.е. активность и сложность человеческого поведения обусловлена исключительно физиологическими установками организации мозга.

В рассуждениях Д. Деннета можно обнаружить аналогию с французским материализмом эпохи Просвещения. Однако философ дополняет свои представления на природу сознания «моделью многократных набросков» (Multiple Drafts Model) и информационным подходом. Данная модель не только оригинально описывает происхождение когнитивных актов, но и отражает современные тенденции в проектировании наиболее результативных методов искусственного интеллекта. Весь полученный опыт, в том числе и в процессе коммуникации преобразуется в информацию. Данное положение можно раскрыть через теорию коммуникации Ю. Хабермаса и его представления о различных уровнях передачи информации. Далее в рассуждениях Д. Деннета сознание не фокусируется на точности и детализации воспроизведения полученных данных, а стремится многократно предложить решение или мотивацию к действиям на основе той информации, которая поступила, но еще не обработана. При этом новый опыт постоянно добавляется к уже обрабатываемым процессам, постоянно расширяя область предлагаемых решений. Проблема в том, как и каким способом происходит выбор. В попытке преодолеть затруднение Д. Деннет активно использует объяснения мотивации поведения биологических видов из общей теории эволюции и научно-популярные сведения из биологии, генетики, нейронаук. В итоге теория американского философа была дополнена критическим обзором дарвинизма в труде «Опасная идея Дарвина: Эволюция и смысл жизни» (Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life, 1995).

Отличительной особенностью и, одновременно, противоречием является отрицание каких-либо форм интуиции, интроспекции и апелляции к внутреннему содержанию опыта человека. При отрицании подобного уровня восприятия или взаимодействия с окружающей средой бессмысленным становится введение «интенциональной установки», обуславливающей интенциональность. С другой стороны, американский ученый предлагает схематическое представление сознательных процессов и открывает возможность для улучшения антропоморфности интеллектуальных систем, придавая им внешние человеческие проявления, в том числе в осуществлении коммуникации. Безусловно, исследования Д. Деннета имеют значение для оптимизации интеллектуализированных систем и для развития методов искусственного интеллекта. Важно отметить, что

для интеллектуальных систем в целом придание им человеческих черт не является главным. Более важным является расширение функционала для решения конкретных задач.

Модель сознания Дж. Сёрля построена на разделении синтаксических и семантических структур. Наиболее ярко данное разделение выражено в схеме «китайской комнаты», где отчетливо показана демаркация простых операций алгебраической последовательности и сложных семантических структур. С его позиции сознание определяется тремя аспектами, составляющими единство: качественность, субъективность и единство [8, с. 301]. Рациональность поступка зависит от согласованности трех проявлений сознания. В свою очередь личность «не то же самое, что поле сознания, но ее деятельность, поскольку в силу оснований она принимает решения и приводит их в исполнение, нуждается в едином поле сознания, содержащем такие познавательные элементы, как ощущения и воспоминания, и, кроме того, такие волевые элементы, как размышления и действия» [8, с. 303]. Критикуя различные формы физикализма и картезианские формы дуализма, Дж Сёрль формирует модель сознания как каузально-эмерджентного объекта, который может быть субъективным в онтологическом понимании.

Особая заслуга философа состоит в разделении интеллектуальных систем на две формы — сильный и слабый ИИ. Возможность создания искусственного сознания Дж. Сёрль отрицает, так как никакая форма интеллекта, построенная на синтаксически ограниченном поле, не способна к безграничности формирования семантических систем. Иначе говоря, для ИИ всегда потребуется что-то зависящее от внешнего оператора, в том числе контекст решения проблемы, массив данных, поставленная цель или даже простая загрузка программного обеспечения. Отличительным признаком сильной формы ИИ в контексте исследований Дж. Сёрля будет являться способность к самостоятельной организации деятельности и выстраивания семантических структур. Но даже в данном случае форма ИИ не будет приближена к обладателю естественного сознания, так как необходимо удвоение системы посредством обратного взаимодействия между психической и непосредственно сознательной активностью человека. Первая во многом обусловлена физиологическими процессами, а психическое может быть субъективным явле-

нием, но у носителя естественного сознания они представлены неразрывно. Если воспроизвести только часть когнитивной активности человека, то целостность не будет достигнута. Подобная позиция очень близка холизму, когда целое превосходит совокупность частей.

В качестве третьей модели выделим подход Д. Чалмерса, который критически описывает существующие теории сознания, в том числе физикализм в различных формах и модели феноменализма. Функциональный анализ оказывается близок общим представлениям философа, но в то же время подвергается особой критике, поскольку с его позиции редуцирует сложность сознания к простым актам «стимул — реакция». Человеческое сознание явно более сложная модель, чем упрощенная система рефлекторного проявления на внешние раздражители.

Основой для описания идей Д. Чалмерса можно обозначить раннюю работу «Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории». В ней позиция австралийско-американского ученого определяется как натуралистический дуализм, но в дальнейшем изменяется на плюрализм в контексте одновременности признания объективности существования сознания как независимого феномена и утверждения, что мозг влияет на когнитивные процессы. Однако вне зависимости от принадлежности к установившейся традиции в философии сознания Д. Чалмерс обозначил эпистемологически значимую демаркацию. Комплекс вопросов о сознании человека и сознании в целом могут быть разделены на две группы: трудную и легкую проблему. К «легким проблемам» относятся исследования механизма и функционирования когнитивных процессов. Легкую часть вопроса о сознании составляют «обучение и память — функциональные свойства, характеризующиеся каузальными ролями, и поэтому вопрос «как физическая система могла бы обладать психологическим свойством P?» тождествен вопросу «как некое состояние физической системы могло бы играть такую-то каузальную роль?». Это вопрос для наук о физических системах» [9, с. 44]. Подчеркнем, что подобные исследования становятся основой для разработки и моделирования интеллектуальных систем, методов искусственного интеллекта и т.д.

Сложная или трудная проблема лежит за пределами усложненных форм механизма, детерминизма физических явлений и бихевиоризма, т.е. «совершенно иначе обстоит дело с феноме-

нальными аспектами ментального. Здесь проблема соотношения ментального и телесного столь же тяжела, как и раньше. Впечатляющий прогресс физических и когнитивных наук не пролил большого света на вопрос о том, как и почему когнитивные функциональные процессы сопровождаются сознательным опытом. Прогресс в понимании ментального сводился почти исключительно к объяснению поведения. Он не коснулся вопроса о сознательном опыте» [9, с. 45]. Поскольку Д. Чалмерс приобрел значительную популярность, его идеи воспроизводятся в различных контекстах и в отношении к взаимоисключающим концепциям. Однако очевидно, что обозначение несогласованности апостериорного и субъективного опыта с целостностью сознания как личности сквозь призму волновой функции Луи де Бройля (в преломлении к теории «множественных миров» Х. Эверрета) и квантовую теорию реальности, значительно более сложная попытка описать сознание, чем простой натуралистический дуализм (Глава 10–11. «Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории»). В Главе 10 Д. Чалмерс указывает, что позиция Х. Эверетта хотя и не ясна эпистемологически, но имеет общее основание с его гипотезой о сознании, которую «точнее назвать интерпретацией одного большого мира. Есть только один мир, но он больше, чем мы могли бы подумать» [9, с. 430].

Если упрощенно изложить позицию Дэвида Чалмерса, можно выделить одно важное следствие, касающееся проблемы определения критериев сильного искусственного интеллекта. Использование моделей аналитической последовательности и изначальная предопределенность процессов обработки данных не позволят достичь функций, аналогичных сознанию. Сильная форма ИИ может быть неотличима от подавляющего большинства проявлений когнитивной активности человека, но достичь «взаимозаменяемости» возможно только при устранении индивидуальных различий. Однако в подобном случае устранялось бы и различие между личностями как носителями индивидуальности, т.е. сознаниями, обогащенными уникальным опытом. Если отбросить представления об уникальности каждого носителя сознания, согласившись с общими положениями информационного подхода, то возникает трудность крайней формы эпифеноменализма.

Хотя исследования Д. Чалмерса учитывают достижения квантовой физики и естествозна-

ния, стоит отдельно указать на понимание проблемы ИИ выдающегося английского ученого Р. Пенроуза, специалиста в различных областях математики, общей теории относительности и квантовой теории. Обобщая работы Дж. Сёрля и Д. Деннета с уже установившимися фактами науки, английский ученый в своей известной работе «Новый ум короля» пишет: «я считаю, что проблема понимания свойств сознания гораздо более многогранна, чем можно извлечь из экспериментов с ИИ. Тем не менее, я уверен в необходимости признания этой области исследований и уважительно отношусь к ней» [10, с. 57]. Далее обозначается ряд критических замечаний о возможности моделирования процессов, которые не ясны и не имеют однозначных исходных точек анализа, кроме субъективных и логических предпосылок. Если будет доказана алгоритмическая основа работы мозга и операциональная природа сознания, то результатом станет достижение только «эквивалентной машины Тьюринга» [10, с. 68]. Р. Пенроуз очень точен в своих формулировках, подчеркивая, что Тест Тьюринга обозначает «эквивалентность» когнитивных функций в алгоритмической форме, близкой к естественному сознанию, но им не тождественные. После дополнений А. Чёрча, в рамках Теста А. Тьюринга появляются усложняющие обстоятельства, но при этом упрощается специфика определения особых семантических форм человека — эмоций, чувств, симпатии и антипатии, иррациональности мотивации и наличия изменяемых состояний сознания. В дальнейшем из-за чрезмерного редукционизма понятие ИИ с момента его обозначения в 1956 г. в областях математики, кибернетики и информатики вытесняется термином «интеллектуальные системы», что прослеживается вплоть до конца XX в.

Критерием сильной формы ИИ с данной позиции становится возможность преодоления вычислительных ограничений, обусловленных непрерывностью и бесконечностью некоторых физических и математических явлений. В 1994 г. Дж. Сёрль, проведя различие между сильными и слабыми формами искусственного интеллекта, сформулировал для философов понятие «общего положения вещей» в сфере инженерных и естественных наук. В результате дискуссии о создании искусственного сознания окончательно вышли за рамки математических обсуждений и перешли в сферу философии.

ОПЫТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В контексте истории российской философии представлены интересные и во многом оригинальные решения отдельных вопросов сознания. Преимущественно внимание философов и ученых было направлено на рассмотрение значения разума, высших познавательных способностей, связи ментальных и физических процессов. Одной из наиболее ярких дискуссий в конце XIX — начале XX в. стало обсуждение психофизиологической проблемы в контексте развития трансцендентального идеализма и распространения идей позитивистской философии [11]. Другим значимым событием, продолжившим наметившиеся тенденции, становится оформление основ общей теории психологии С.Л. Рубинштейном, где обозначились контролируемые и воспроизводимые свойства сознания. Русский психолог и философ, раскрывая соотношение между онтологическими свойствами реальности и гносеологическими способностями ее восприятия, представил позицию близкую к конструктивизму, но отличающуюся умеренностью и согласованностью с базовыми принципами естествознания. Активность сознания и его качества проявляются в осознаваемой деятельности посредством структур мозга и нервной системы, где исключительно рефлекторная теория не способна объяснить внутренние психические явления [12, с. 173]. Но сознание становится активным субъектом, только если осуществляется возможность рефлексии собственной деятельности (в терминологии С.Л. Рубинштейна «осознавание»). Позиция ученого включает сложную структуру описания осознаваемых и исключительно деятельностных актов человека, позволяя разграничить осознанные поступки от дееспособного поведения и состояний «измененного сознания». Во многом благодаря влиянию более ранних представлений в русской философии и немецкой традиции «новокантианства» [13] С.Л. Рубинштейн смог выделить структуру познавательного процесса в категориях, поддающихся моделированию и, что наиболее значимо, — оцениванию со стороны внешнего наблюдателя. Таким образом, его системное описание сознания во взаимосвязи с объективной реальностью стало основой и отправной точкой для развития общей теории психологии, объединяющей не только теоретические, но и практико-прикладные подходы в исследовании сознания.

Развитие общей теории психологии и раскрытие особенностей психофизиологической

проблемы позволили смоделировать основные механизмы принятия решения. Схематизм когнитивных способностей человека в контексте прикладных достижений психологии и общетеоретических описаний системы «мозг — тело» стали макетом для создания первых алгоритмов обработки информации. Не случайно в трудах Н. Винера и первых теоретиков машинного обучения присутствуют отсылки к исследованиям в областях психологии и философии. В частности, Н. Винер использует результаты И. П. Павлова, а Дж. фон Нейман ссылается на исследования нейронов и строения мозга человека в терминологии логического позитивизма (в частности, на Б. Рассела).

В современной традиции российской философии можно выделить как минимум два различающихся, но аргументированных взгляда на природу и системную организацию сознания, структур мышления, соотношения «мозг — сознание»: информационный подход к психофизиологической проблеме и натуралистическая версия интеракционизма. Если учитывать хронологическую последовательность, то стоит выделить Д. И. Дубровского и его информационный подход в первую очередь. Уже в конце 1960-х гг. им была оформлена оригинальная теория соотношения феномена сознания и физиологической организации когнитивных процессов. Учитывая тенденции в нейронауках, в кибернетике и появление теории самоорганизующихся систем, советско-российским ученым было предложено разрешение психофизиологической проблемы посредством объяснения психической активности как информационных потоков. Примечательно, что если Н. Винер и Дж. фон Нейман избрали отправной точкой для проектирования вычислительной техники и схематизации информационных потоков естественное строение мозга и механизмы восприятия человека, то Д. И. Дубровский идет в обратном порядке.

На основании устройства информационных потоков, т.е. приема-передачи сигнала, поступления и обработки информации, процесса вычисления ученым объясняется функционирование сознания как обработки кода. В свою очередь мозг выступает как носитель и источник для обработки предзаданного кода, который разворачивается в информационные потоки. Источником для наполнения кода информацией выступает система рефлексов и результаты восприятия органов чувств, что в полной мере согласовано с общей

теорией психологии. Однако теория рефлексов и внешних раздражителей не описывает обратный процесс, т.е. влияние сознательных усилий на формирование устойчивых моделей реакции на окружающие факторы. Более того, И. П. Павлов справедливо оставлял данные вопросы вне контекста своих практических исследований. Тем не менее информационный подход позволяет расширить моделирование естественных психических процессов для целей машинного обучения и смежных дисциплин.

В труде «Проблема идеального. Субъективная реальность» Д. И. Дубровского представлены основные положения информационного подхода: 1) информация есть результат отражения; 2) информация не существует вне материального носителя; 3) информация не существует вне кодовой формы; 4) информация обладает совокупностью синтаксических, семантических и прагматических (информация всегда подразумевает целеполагание) характеристик; 5) информация может служить фактором управления [14, с. 137]. Далее утверждается, что «всякое явление сознания (как явления субъективной реальности) есть определенная информация, присущая определенному социальному индивиду» [14, с. 139]. Как видим, сознание фундируется на основании информационных потоков, представленных как форма кода и обусловленных особенностями организации мозга человека. В более поздних работах развивается представление о возможности человека оперировать информацией «по своей воле», что и составляет основу субъективной реальности [15, с. 94]. При этом Д. И. Дубровский справедливо замечает, что «надо четко различать классическую психофизическую проблему — философскую по своей сути — и современную психофизиологическую проблему, сердцевина которой состоит в вопросе об отношении качества субъективной реальности к мозговым процессам», так как «последняя является научной проблемой» [15, с. 96]. Обратная сторона данной цитаты выражается в несводимости целостности личности к исключительно нейрофизиологическим объяснениям функционирования мозга и нервной системы. Добавим, что человек как личность буквально остается «вещью в себе» в кантовском смысле слова, но процессы когнитивной активности могут быть моделированы в искусственных формах.

В контексте развития представлений об информации как особом феномене, организующем не только «социального индивида», но и соци-

альные группы, раскрывается проблематика виртуализации реальности. Здесь стоит выделить работы Д.В. Иванова, который обосновал установление новых социальных норм и трансформацию восприятия под влиянием тесной интеграции информационных и интеллектуальных технологий в повседневную практику. В труде «Виртуализация общества. Версия 2.0» (2002) описывается, как искусственные формы моделирования, и в том числе информационные технологии, постепенно вытесняют естественное сознание в областях науки, искусства и института семьи. Как итог информационный продукт не отличается от естественных форм, например, в области искусства. Так как все процессы сводятся к закономерностям функционирования смоделированных систем, т.е. к синтетическим структурам, не предполагающим появление и активность творческого индивидуального объекта, то информационный продукт по внешним признакам обладает качествами результата деятельности человека. Таким образом, информация становится отправной точкой для выявления критериев объективности, но сама по себе она является лишь искусственным технологическим потоком данных [16, с. 200]. Таким образом, человеческая субъективность оценивается с позиции информационного обезличенного потока данных.

Экстраполировав подобные суждения на историю объяснения сознания, можно выделить следующую последовательность: первоначально алгоритмы и схематизм вычислительных машин формируются по аналогии со строением мозга и упрощенного представления о когнитивных процессах, далее развивается моделирование ключевых функций сознания (память; анализ, обобщение и концептуализация информации). Теперь с помощью моделей обмена потоков информации и механизмов анализа больших массивов данных объясняется строение мозга и функционирование когнитивных процессов человека. Позиция Д.В. Иванова позволяет эксплицитно обнаружить оформившийся герменевтический круг в процессе описания строения и функционирования мозга.

На методологической базе английской аналитической традиции сквозь призму накопленного в истории философии опыта оригинальное описание проблемы «сознания» предлагает В.В. Васильев. Его модель натуралистической версии интеракционизма в большей степени задает вопросы, чем предлагает ответы. Труд «Сознание

и вещи. Очерк феноменалистической онтологии» наиболее ярко отражает позицию российского философа. Синтезируя представления о фундаментальных основаниях когнитивной деятельности человека, в том числе критически анализируя идеи Д. Деннета, Дж. Сёрля, Д. Чалмерса и других не менее известных ученых, В.В. Васильев обозначает ключевой критерий в описании дуализма «сознание — тело», — согласованность со «здравым смыслом». Не углубляясь в особенности терминологического разграничения интеракционизма и позиции локальной супервентности сознания, укажем цитату философа, отражающую его позицию: модель локального интеракционизма «отмежевывается от либертарианства. Показывая же необходимость ментальных состояний для реализации физической причинности, она позволяет говорить о реальной действительности подобных состояний. Согласно этой концепции, мои намерения оказываются необходимым условием моих поведенческих реакций и поэтому не замещаются и не могут замещаться физическими причинами. Эти причины не являются тем, что автоматически порождает мои действия. Они могут формировать «сознание — тело» лишь при участии субъекта, который, таким образом, может рассматриваться как их подлинный соавтор, несущий ответственность за то, что он совершает (в данном случае можно говорить не только о Я, но и о субъекте в целом)» [17, с. 197]. Психическая активность побуждает к действию, в свою очередь состояния сознания обуславливаются физиологической активностью (не действиями, а именно происходящими явлениями в физиологической активности человека). В наиболее общем виде «локальный интеракционизм» означает «модель ментальной каузальности, обосновывающая каузальную действительность сознания на уровне локальных событий на основе положений феноменалистической онтологии и опровержения тезиса локальной супервентности сознания» [18, с. 148]. Иначе говоря, физическая организация тела человека оказывает влияние на то, как сознание комплексно оценивает ситуацию своего существования. Сознание, формируя приоритеты, цели и задачи, воплощает их посредством физиологической активности, которая уже в свою очередь оказывает влияние на окружающую действительность. При значительном упрощении рассуждений В.В. Васильева и А.В. Кузнецова, эксплицитно прослеживается позиция менталь-

ной географии Д. Юма, дополненная физикализмом начала XX в.

Отметим, что модель локального интеракционизма лишь косвенно относится к проблематике выявления критериев сильных форм ИИ, так как преимущественно находится в плоскости онтологии, не предоставляя материалов для схематизации когнитивных процессов. Однако здесь отчетливо прослеживается невозможность сведения сильной формы ИИ к искусственному сознанию из-за специфики процесса восприятия собственного «Я». Для того, чтобы сильная форма ИИ могла считаться сознанием, потребуется формирование у интеллектуальной системы представления о собственном отличии от человека. Далее под влиянием данного отличительного показателя должно формироваться или изменяться представление о собственном «Я». В качестве «Другого» может выступать и иная сильная форма ИИ, но тогда потребуется создание как минимум двух и более различных по функционированию искусственных форм сознания.

ВЫВОДЫ

В настоящее время стали очевидны проблемы, связанные с интеграцией интеллектуальных систем в повседневную практику, структуры высшего образования и в научно-исследовательскую деятельность. Кроме того, обнаружилось затруднение в воспроизведении когнитивных возможностей человека в более узкоспециализированных практиках, в частности обобщение многообразия полученного опыта и поиск решений вне заданного контекста поставленных задач со стороны оператора.

В то же время человек способен находить неожиданные решения, привлекая первоначально несвязанные контексты и семантические системы. Учитывая доступные формы интеллектуальных систем, нет оснований утверждать о создании сильной формы ИИ, способной к воспроизведению потенциала человеческого мышления. С другой стороны, интеллектуальные системы как комплекс различных инструментов, в том числе искусственных нейронных сетей, значительно более эффективно справляются с анализом больших данных, обработкой информации и поиском решений, но только при синтаксически правильно поставленном запросе от человека или социальной группы. Машинное обучение на сегодняшний день способно оптимизировать интеллектуальные системы под конкретные отра-

слевые или узкоспециализированные задачи, но последующее развитие методов искусственного интеллекта требует новых концептуальных моделей устройства когнитивных процессов. Таким образом, дальнейшее обсуждение вопросов развития машинного обучения и совершенствования интеллектуальных систем в целом становится тесно сопряжено с философией, в особенности с проблематикой выявления и описания отличительных особенностей сознания и структуры мышления.

После 1994 г. Дж. Сёрлем критически оценивалось понимание ИИ как некоторой формы когнитивной активности, что справедливо с позиции специалистов по методам искусственного интеллекта. Еще ранее Дж. фон Нейман вполне отчетливо указал на причину непродуктивности воспроизведения всей целостности человеческого мышления в искусственной форме. До конференции в городе Туссане термин ИИ со времен его определения Дж. Маккарти приобретает некорректность использования, что спровоцировало появление терминов «интеллектуальные системы», «методы искусственного интеллекта», «методы обработки больших массивов данных» и т.д. [19]. Несмотря на требующуюся конкретизацию того, что именно называть искусственным интеллектом и сознанием, вопрос о развитии интеллектуальных систем остается открытым. Если обобщить позиции «многократных набросков», каузально-эмерджентного описания и умеренного физикализма с достижениями общей психологии в рамках психофизиологической проблемы, то в контексте философии сознания и смежных направлений можно выделить критерии сильной формы ИИ. Во-первых, сильный ИИ или его формы не являются искусственным сознанием и не эквивалентны личности в собственном смысле слова. Во-вторых, сильная форма ИИ способна к самостоятельной постановке цели без прямого или косвенного участия оператора, задающего массив данных и область самообучения. В-третьих, должно быть преодолено ограничение современных нейронных сетей, в частности проблематика решения задач, требующих «глубинной логики» (в терминах Дж. фон Неймана), математического обобщения и переноса. В заключение отметим наиболее значимый, с нашей позиции, критерий сильной формы ИИ, близкой к искусственному сознанию — самостоятельный поиск массивов данных и адаптация в процессе принятия решения посредством параллельно-

го, а не последовательного достижения цели. Данные критерии могут стать целеполагающим основанием для специалистов машинного обучения, работающих с общими интеллектуальными системами и с наиболее перспективными интеллектуализированными системами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wiener N. Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine. NY: M.I.T. Press; 1985. 212 p.
2. Нейман Дж. фон. Вычислительная машина и мозг. М.: АСТ; 2023. 192 с.
3. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Pavlova T.P. The problematic area of philosophical discourses on the application of artificial intelligence systems in society. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;4(27):928–939. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-928-939
4. Тетюев Л.И. Философия языка Юргена Хабермаса: рациональная теория универсальной прагматики. *Известия Саратовского ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2019;2(19):171–175. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175
5. Чекушкина Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества. *Теория и практика общественного развития*. 2014;1:25–27.
6. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: ЛЕНАНД; 2019. 320 с.
7. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс; 2004. 184 с.
8. Сёрль Дж. Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция; 2004. 336 с.
9. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; 2013. 512 с.
10. Пенроуз Р. Новый ум: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: УРСС; 2022. 416 с.
11. Владимиров П.А. Значение критики «Нового психофизиологического закона» А.И. Введенского в русской философии. *Кантовский сборник*. 2017;1(36):52–65. DOI: 10.5922/0207-6918-2017-1-5
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер; 2012. 288 с.
13. Белов В.Н. Философские теории В.Э. Сеземана и С.Л. Рубинштейна. *Личность. Культура. Общество*. 2023;1-2(25):61–75. DOI: 10.30936/1606_951X_2023_25_1_2_61_75
14. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+; 2002. 368 с.
15. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: информационный подход. *Знание. Понимание. Умение*. 2013;4:92–98.
16. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; 2002. 224 с.
17. Васильев В.В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2014. 240 с.
18. Кузнецов А.В. Локальный интеракционизм. Новые решения проблемы ментальной каузальности. *Вопросы философии*. 2016;1:148–161.
19. Albus J., Meystel A. Behavior generation in intelligent systems. Gaithersburg (USA); 1997. 219 p.

REFERENCES

1. Wiener N. Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine. NY: M.I.T. Press; 1985. 212 p.
2. Neiman J. von. Computer and brain. Moscow: AST; 2023. 192 p. (In Russ.).
3. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Pavlova T.P. The problematic area of philosophical discourses on the application of artificial intelligence systems in society. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;4(27):928–939. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-928-939
4. Tetyuyev L.I. Jurgen Habermas's philosophy of language: A rational theory of universal pragmatics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology*. 2019;2(19):171–175. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-171-175
5. Chekushkina E.N. The communicative theory of Yu. Habermas and the culture of the Information Society. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2014;1:25–27. (In Russ.).
6. Volkov D.B. The Boston zombie: D. Dennett and his theory of consciousness. M.: LENAND; 2019. 320 p. (In Russ.).
7. Dennett D. Types of the psyche: On the way to understanding consciousness. M.: Idea Press; 2004. 184 p. (In Russ.).

8. Serle J. Rationality in action. M.: Progress-Tradition; 2004. 336 p. (In Russ.).
9. Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory. Moscow: URSS; 2013. 512 p. (In Russ.).
10. Penrose R. The new mind: About computers, thinking and the laws of physics. M.: URSS; 2022. 416 p. (In Russ.).
11. Vladimirov P. A. The significance of criticism of the “New psychophysiological law” by A. I. Vvedensky in Russian philosophy. *Kantovskij sbornik = The Kantian collection*. 2017;1(36):52–65. (In Russ.). DOI: 10.5922/0207-6918-2017-1-5
12. Rubinstein S. L. Being and consciousness. St. Petersburg: Peter; 2012. 288 p. (In Russ.).
13. Belov V. N. Philosophical theories of V. E. Seseman and S. L. Rubinstein. *Lichnost` . Kul`tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*. 2023;1-2(25):61–75. (In Russ.). DOI: 10.30936/1606_951X_2023_25_1_2_61_75
14. Dubrovsky D. I. The problem of the ideal. Subjective reality. M.: Canon+; 2002. 368 p. (In Russ.).
15. Dubrovsky D. I. The problem of “consciousness and the brain”: An information approach. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2013;4:92–98. (In Russ.).
16. Ivanov D. V. Virtualization of society. Version 2.0. St. Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedenie”; 2002. 224 p. (In Russ.).
17. Vasiliev V. V. Consciousness and things. An essay on phenomenistic ontology. Moscow: Knizny Dom “LIBROCOM”; 2014. 240 p. (In Russ.).
18. Kuznetsov A. V. Local interactionism. New solutions to the problem of mental causality. *Voprosy` filosofii = Questions of philosophy*. 2016;1:148–161. (In Russ.).
19. Albus J., Meystel A. Behavior Generation in intelligent systems. Gaithersburg (USA); 1997. 219 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Николаевич Белов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Vladimir N. Belov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Ontology and Theory of Cognition, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7741-4653>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
belov_vn@pfur.ru

Сергей Александрович Малофейкин — аспирант кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Sergey A. Malofeikin — Postgraduate Student at the Department of Ontology and Theory of Cognition, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia
pfur_aspirant_mca@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 11.09.2024; accepted for publication on 11.10.2024.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-101-107

УДК: 314.74:325.1(481+482+483+484)(045)

Внутренняя миграционная мобильность в Европейском союзе: «скандинавский транзит»

Т.Г. Чачуа^а, И. Василик^б

^а ИМЭМО РАН, Москва, Россия;

^б Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье авторы анализируют миграцию из стран ЕС в страны Северной Европы, а именно: Данию, Швецию, Норвегию и Исландию. Иммиграция в страны Скандинавии приобрела массовый характер в последние десятилетия. По оценкам, до трети жителей Швеции и Норвегии являются иммигрантами. Однако уникальность опыта данных государств состоит в том, что они имеют большие общины выходцев из других стран Европы. Для того, чтобы лучше понять феномен миграции из Европейского союза в страны Скандинавии, мы рассмотрим как иммиграцию в Швецию и Данию, так и иммиграцию в Норвегию и Исландию, учитывая наличие или отсутствие у данных стран членства в Европейском союзе. **Ключевые слова:** иммиграция; миграционная политика; Европейский союз; Скандинавия; беженцы; мигранты

Для цитирования: Чачуа Т.Г., Василик И. Внутренняя миграционная мобильность в ЕС: «скандинавский транзит». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):101-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-101-107

ORIGINAL PAPER

Internal Migration Mobility in the EU: “Scandinavian Transit”

T.G. Chachua^а, I. Vasilik^б

^а IMEMO, Moscow, Russia;

^б Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the article the authors analyse migration from the EU countries to the Nordic countries, namely: Denmark, Sweden, Norway and Iceland. Immigration to Scandinavian countries has become massive in recent decades. It is estimated that up to a third of the residents of Sweden and Norway are immigrants. However, what makes the experience of these states unique is that they have large communities of people from other European countries. In order to better understand the phenomenon of migration from the European Union to the Scandinavian countries, we will consider both immigration to Sweden and Denmark, as well as immigration to Norway and Iceland, taking into account whether these countries members of the European Union or not.

Keywords: immigration; migration policy; EU; Scandinavia; refugees; migrants

For citation: Chachua T.G., Vasilik I. Internal migration mobility in the EU: “Scandinavian transit”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):101-107. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-101-107

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на географическое положение и северный климат, Скандинавия и по сей день остается очень популярным местом для переезда. Это продиктовано несколькими экономическими и социальными факторами:

1. Привлечение иностранной рабочей силы является прямым продолжением политического курса, избранного скандинавскими странами после Второй мировой войны. Данный курс можно охарактеризовать как скандинавскую модель социал-демократии, которая заключается не только в построении государства всеобщего благосостояния, но и в продвижении идей мультикультурализма [1].

2. У многих политических партий в скандинавских странах, в первую очередь социал-демократической и социалистической направленности, привлечение дополнительных мигрантов и помощь беженцам являются одним из пунктов предвыборных партийных программ¹.

3. Именно в странах Скандинавии в двадцатом столетии стала крайне популярна идея государства всеобщего благосостояния, которое основывается на солидарности и взаимопомощи внутри общества. Главными проводниками этой идеи стали правящие социал-демократические партии. В первые десятилетия XXI в., несмотря на определенное падение популярности, социал-демократические партии все равно являются ведущими политическими силами в странах Скандинавии.

В привлекательности иммиграции в Швецию, Норвегию, Исландию и Данию одну из главных ролей играет высокий уровень жизни. Согласно исследованию, проведенному в 2020 г., в рейтинге стран по уровню жизни Дания занимала второе место, Норвегия десятое. Другое исследование, которое проводится экспертами из Программы развития ООН и составляется в виде ежегодного рейтинга стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП)², практически за все время наблюдения фиксирует, что Швеция, Норвегия и Дания, Исландия стабильно входят в десятку стран с самым высоким уровнем развития человеческого потенциала. Более того, Норвегия несколько лет занимала лидирующие позиции в данном рейтинге.

¹ URL: <https://topwar.ru/89728-migranty-edut-na-sever-spezifika-migracionnoy-situacii-v-skandinavii.html>

² URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf>

ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ В ШВЕЦИЮ И ДАНИЮ КАК ЧЛЕНОВ ЕС

Существует феномен транзитной миграции через страны Европейского союза (далее — ЕС) в Скандинавию. Особенно сильный миграционный приток пришелся на 2014–2015 гг. Он был связан сразу с несколькими факторами [3]:

1. Гражданские войны в Сирии и Ираке, появление ИГИЛ³ в качестве крупной силы на Ближнем Востоке, которая спровоцировала массовый отток населения из этого региона, миллионы беженцев устремились в Европу.

2. Гражданская война в Ливии, из-за которой фактически отсутствовала граница между Ливией и странами Африки.

3. Либеральная миграционная политика стран Европейского союза, фиксирующая фактическое отсутствие реальных границ.

В 2015 г. из более чем одного миллиона прошений о получении статуса беженца во всем Европейском союзе 12% пришлось на Швецию. К этому числу нужно добавить еще нелегальных мигрантов, численность которых шведское правительство оценивает примерно в 100 000 человек. Несмотря на попытки бороться с данным явлением путем ужесточения мер контроля на границе, число нелегальных мигрантов с каждым годом только увеличивается [2]. Различается и «лицо иммигранта» в зависимости от страны. Из стран Западной и Центральной Европы в Швецию едут, как правило, мигранты с хорошим образованием, которых приглашают на работу как специалистов в своем деле. Меньшая часть — это граждане не стран ЕС, которые едут, поскольку не смогли реализовать свой потенциал в своих странах.

Совершенно другая ситуация наблюдается в странах Восточной Европы. Основной поток мигрантов из этих государств (Польша, Румыния, Литва) составляют люди, которые не смогли найти какую-либо работу в своих странах или же работали за низкие доходы⁴. Большая часть такого рода мигрантов прибыла в Швецию после вступления данных стран в Европейский союз, особенно большая волна миграции началась во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., из-за которого произошел большой рост безработицы во всем Европейском союзе и особенно в странах Восточной Европы.

³ Запрещенная в России террористическая организация.

⁴ URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/vostochnaya-evropa-migracionnye-processy-posle-rasshireniya-es>

Таблица 1 / Table 1

**Ежегодный приток мигрантов из стран-членов ЕС в Швецию в 2016–2022 г., чел. /
The annual influx of migrants from EU to Sweden in 2016–2022, pers.**

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Польша	5,078	4,405	3,817	3,177	2,530	3,181	4,677
Германия	2,666	2,637	2,547	2,614	2,393	3,501	4,533
Финляндия	2,969	2,816	2,499	2,100	1,708	1,635	1,747
Румыния	2,278	2,162	2,200	1,903	1,274	1,562	2,281
Дания	1,863	1,721	1,706	1,660	1,679	1,563	1,563
Греция	1,398	1,454	1,220	1,103	752	708	1,143
Литва	1,345	1,647	1,533	1,182	828	921	1,210

Источник / Source: URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se>

Говоря об иммиграции в Швецию из государств, являющихся членами Европейского союза, в первую очередь следует упомянуть страны Восточной и Северной Европы. Из табл. 1 можно увидеть, из каких стран-членов ЕС был наибольший приток мигрантов за период с 2016 по 2022 г.

Доступность языковых курсов по изучению шведского языка в таких странах, как Германия и Польша, привлекает мигрантов в скандинавские страны. Это позволяет жителям стран-членов ЕС, которые хотят переехать в Швецию на постоянное место жительства или же которых пригласили на работу, лучше владеть шведским языком. С точки зрения языковых курсов проще всего гражданам Финляндии. Если человек, являясь гражданином Финляндии, постоянно проживает в этой стране, но работает в Швеции и при этом не владеет базовым шведским языком, то он имеет право на обучение шведскому языку в муниципалитете, в котором он работает. Шведский язык в Финляндии является вторым государственным языком, что также облегчает его изучение и упрощает миграцию в Швецию⁵.

В Швеции наблюдается существенное неравенство между мигрантами из Центральной и Западной Европы и мигрантами из стран Южной и Восточной Европы. Данное неравенство основывается на разнице в уровне доходов, возможности получения хорошего места работы и иных значимых социально-экономических факторах.

Подобная тенденция возникает уже на основе базового неравенства между разными странами Европы. Мигранты из Восточной Европы предъявляют, как правило, меньшие требования к условиям и оплате труда, поскольку даже минимальный размер оплаты труда в Швеции может быть больше, чем заработная плата, которую получает большая часть населения страны исхода.

Постоянный приток мигрантов существенно меняет демографическую карту Швеции. Основную массу прибывших составляют мужчины, которые приехали для получения нового рабочего места⁶. К примеру, в период между 2015 и 2016 г. разница между количеством мужчин и женщин, иммигрировавших в Швецию, достигла 12 тысяч человек. В связи с этим существуют прогнозы, по которым доля мужского населения Швеции будет и далее увеличиваться быстрее, чем доля женского⁷. После миграционного кризиса 2014–2015 гг. шведские власти пошли на некоторое ужесточение миграционной политики, в частности, беженцам перестали предоставлять постоянный вид на жительство (далее — ВНЖ), заменив его на ВНЖ сроком до 3 лет.

В середине 2010-х гг. датское правительство взяло курс на ужесточение миграционной политики. Предпосылки для этого были такие же, как и в Швеции — миграционный кризис

⁵ Swedish-Speaking Finns: Everything You Need to Know. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scandinaviastandard.com/swedish-speaking-finns-everything-you-need-to-know/>

⁶ URL: <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/population-projections/population-projections/pong/tables-and-graphs/immigration-and-emigration-by-sex-and-country-of-birth-and-projection/>

⁷ URL: <https://www.voanews.com/a/ap-sweden-sees-historic-gender-balance-shift/3355039.html>

и массовый наплыв мигрантов и беженцев. В результате Дания выработала одну из самых жестких политик в Европейском союзе по отношению к иностранцам. Для законодательного закрепления ужесточения миграционной политики правительство Дании приняло ряд нормативных правовых актов, регулирующих процессы приема беженцев. Данные инициативы послужили причиной конфликтов датского правительства с рядом европейских стран из-за их критики систематического нарушения Данией прав человека в отношении мигрантов и беженцев [2]. Нужно упомянуть, что Дания является одним из самых благополучных государств Европы: средняя заработная плата в стране составляет более 3 тысяч евро в месяц и по стандартам уровня жизни и Индекса раз-

вития человеческого потенциала она опережает Германию⁸.

В отличие от Швеции и Норвегии основа миграционной политики Дании строится не на мультикультурализме и социал-демократической модели, а на нехватке рабочей силы из-за относительно низкого уровня рождаемости и нежелания местного населения работать по ряду специальностей. Кроме того, Датское правительство на протяжении многих лет проводит гораздо более жесткую миграционную политику, чем ее северные соседи [4]. Общая численность мигрантов в Дании — почти 1 000 000 человек по состоянию на 2022 г., что составляет порядка 15% от всего населения страны. Однако только неболь-

⁸ URL: <https://migronis.com/ru/blog/country-ranking-2020>

Таблица 2 / Table 2

**Ежегодный приток мигрантов из стран-членов ЕС в Данию в период с 2016 по 2022 г., чел. /
The annual influx of migrants from EU to Denmark in 2016–2022, pers.**

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Румыния	2,418	1,987	2,244	900	845	3,809	7,280	4,466
Польша	1,980	1,531	896	32	330	2,354	5,347	3,849
Литва	766	1,020	859	24	13	592	1,564	1,028
Германия	468	226	517	318	297	1,490	8,005	5,893
Болгария	670	587	531	180	333	985	1,885	1,090

* Данные приведены за первые 3 квартала 2023 г.

Источник / Source: statbank.dk <https://www.statbank.dk>

Таблица 3 / Table 3

**Ежегодный приток мигрантов из стран-членов ЕС в Норвегию в период с 2016 по 2022 г., чел. /
The annual influx of migrants from EU to Norway in 2016–2022, per.**

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Польша	6042	5214	4952	4958	3674	8074	6581
Литва	2522	2742	2841	2491	1769	3108	2539
Швеция	2454	2185	2103	1965	1800	2135	3602
Дания	1268	1168	1245	1065	1018	1216	2967
Германия	1260	1157	1261	1285	1076	1696	2174
Румыния	1235	1202	1131	1270	946	1551	1595
Испания	1099	954	938	1029	725	1372	2018

Источник / Source: Statbank Norway <https://www.ssb.no>

шую часть от этого числа составляют мигранты из стран-членов ЕС. В *табл. 2* представлены страны, которые составляют основу иммиграции в Данию.

С экономической точки зрения мигранты, приехавшие из стран-членов ЕС, имеют более благоприятные условия для работы, чем мигранты из других стран. Это объясняется как общим законодательством ЕС, так и отсутствием беженцев из этого региона, в отличие от стран Ближнего Востока и Африки. Также стоит отметить, что среди мигрантов из ЕС не возникают проблемы, связанные с образованием этнических анклавов, которые часто наблюдаются среди неевропейских иммигрантов.

ОСОБЕННОСТИ ИММИГРАЦИИ В НОРВЕГИЮ И ИСЛАНДИЮ КАК ГОСУДАРСТВ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЧЛЕНАМИ ЕС

Норвегия проводит миграционную политику, схожую со шведской, хотя и не является членом ЕС. Причины, по которым правительство Норвегии продолжает принимать значительные объемы мигрантов, схожи с теми, что существуют в Швеции: помимо благоприятной экономической ситуации, играет свою роль и политика мультикультурализма, которую Норвегия проводит на протяжении многих десятилетий. На миграционную политику оказывает непосредственное влияние доминирующая в стране левоцентристская коалиция во главе с Рабочей партией Норвегии. Несмотря на некоторые попытки правых партий, которые находились у власти в Норвегии с 2013 по 2021 г., ограничить приток мигрантов, эта страна по-прежнему является довольно популярным местом для иммиграции. Статистика притока из стран-членов ЕС в Норвегию в период с 2016 по 2022 г. представлена в *табл. 3*.

При обсуждении миграции из стран ЕС в Норвегию необходимо учитывать, что данная страна не является членом ЕС, однако, в силу их тесного сотрудничества, получение ВНЖ в Норвегии для граждан ЕС не является сложным. К примеру, самой большой иностранной общиной в Норвегии является польская. В *табл. 3* можно увидеть, что в Норвегию ежегодно прибывает значительное количество мигрантов из Швеции. Это можно объяснить как географическими, так и экономическими факторами.

Миграционная ситуация в Исландии в целом похожа на другие скандинавские страны, за исключением того, что из-за крайней мало-

численности населения количество мигрантов в ней невелико. Наибольшее число мигрантов из ЕС в Исландию по состоянию на 2022 г. представлено в *табл. 4*.

Таблица 4 / Table 4

Ежегодный приток мигрантов, прибывших из стран-членов ЕС в Исландию в 2022 г., чел. / The annual influx of migrants from EU member states to Iceland in 2022, pers.

Страна	Всего мигрантов
Польша	3780
Румыния	1026
Литва	879
Дания	832
Латвия	556
Швеция	541
Испания	539
Германия	401
Португалия	375

Источник / Source: statista.com <https://www.statista.com>

Как мы видим из *табл. 4*, подавляющее большинство мигрантов является выходцами из государств Восточной и Южной Европы, а также скандинавских стран.

Скандинавские государства также являются привлекательным местом для миграции из стран, которые не входят в состав ЕС. В первую очередь речь идет о выходцах из стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Особенность данной группы заключается в более низком уровне жизни, который основывается исключительно на получении пособий, выдающихся правительством беженцам, а также создании этнических анклавов [5]. Уровень их образования не позволяет им занять вакансию с более высокой заработной платой.

В последнее время в скандинавских государствах наблюдается увеличение числа мигрантов. Это вызывает недовольство местных жителей, что способствует росту популярности политических сил правого толка. В сентябре 2022 г. в Швеции прошли парламентские выборы. На них партия «Шведские демократы» заняла второе место, набрав более 20% голосов⁹. Эта

⁹ URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2022/09/15/swedens-general-election-winners-losers-and-what-happens-next/>

партия выступает за ужесточение миграционной политики и критикует левоцентристское правительство за неспособность решить проблемы, связанные с миграционным кризисом и ростом преступности. В Норвегии после некоторого ужесточения миграционной политики в 2016 г., когда министр иммиграции и интеграции Сильви Листхёуг ограничила возможность пребывания в Норвегии беженцев, рейтинг Партии прогресса, членом которой является данный министр, вырос сразу на несколько пунктов. В последнее десятилетие миграционная политика Норвегии была несколько ужесточена после прихода к власти в 2013 г. правых партий. Особенно сильно это проявилось во время миграционного кризиса 2015–2016 гг., когда были значительно ужесточены условия для возможности получения статуса беженца. Тем не менее Закон об иммиграции по-прежнему делает Норвегию одним из самых привлекательных мест для миграции из многих стран¹⁰.

Совершенно иная ситуация сложилась в Исландии, где мигранты из стран, не входящих в состав ЕС, составляют незначительную долю от общего миграционного потока. Единственными относительно крупными странами исхода являются Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Великобритания. При этом мигранты из стран Африки, Ближнего Востока и других азиатских государств составляют незначительное меньшинство.

В 2022 г. в данном вопросе появился новый аспект — приток украинских беженцев в страны Скандинавии из других государств Европы. По состоянию на 2023 г. в Скандинавии находится порядка 141 000 украинских беженцев (57 000 в Норвегии, 41 000 в Швеции, 40 000 в Дании, порядка 3 000 в Исландии)¹¹. До начала Специальной военной операции на Украине на территории стран Скандинавии, по официальным данным властей, жило порядка 37 000 украинцев (13 000 в Швеции, 16 000 в Дании, 7 500 в Норвегии и менее 1 000 в Исландии). Причиной, по которой большое число украинских беженцев находится именно в Норвегии, является общее более благоприятное отношение к мигрантам как со стороны государственной системы, так и со стороны населения, а также большие по-

собия и социальные льготы, предоставляемые гражданам Украины. Украинские беженцы попадают в Скандинавию через такие страны, как Германия, страны Прибалтики, Польша и Финляндия.

ВЫВОДЫ

Главной причиной, по которой беженцы стремятся переехать в Скандинавию, является более высокий уровень жизни по сравнению с другими европейскими странами. Большинство мигрантов приезжают из Центральной и Восточной Европы, особенно из Польши, Литвы, Германии и Румынии.

К числу причин, побуждающих людей к переезду, относятся не только социально-экономические факторы, но и возможность изучения языка в странах ЕС. В Германии, Литве, Польше и других европейских государствах норвежский, датский и шведский языки являются наиболее популярными для изучения, поскольку знание языка значительно упрощает процесс адаптации после переезда.

Однако во всех скандинавских странах, за исключением Исландии, основной приток мигрантов наблюдается из Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии. К числу таких стран относятся Сирия, Ирак, Афганистан, Пакистан, Таиланд, Вьетнам, Эфиопия и Сомали. Существуют и определенные различия в подходах к принятию и адаптации мигрантов. Если Швеция является более либеральной в данном аспекте, то Дания и Норвегия после миграционного кризиса 2014–2015 гг. значительно ужесточили правила приема мигрантов. Отдельно стоит выделить Исландию, в которой мигранты из ЕС и стран Запада, не являющихся членами ЕС, составляют абсолютное большинство некоренных жителей страны. При этом уровень миграции из стран Ближнего Востока, Азии и Африки остается крайне низким. Страны Скандинавии по-прежнему остаются популярным направлением для миграции. Данный фактор способствует росту популярности националистических и популистских сил, которые приходят к власти. В частности, после прошедших в сентябре 2022 г. парламентских выборов в Швеции была сформирована правопоцентристская коалиция, в которую вошла партия Шведские демократы, требующая ужесточения миграционной политики.

¹⁰ URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/immigration-act/id585772/>

¹¹ URL: <https://www.statista.com/statistics/1312584/ukrainian-refugees-by-country/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухинин В.М. Швеция: культурный код и мигранты. Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия. Материалы X Международной научно-практической конференции (Владимир, 02–03 декабря 2021 года). Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; 2022:242–248.
2. Волков А.М. Миграционные потоки в странах Северной Европы. *Вестник Дипломатической академии МИД России*. 2020;23(1):127.
3. Волков А.М. Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018;(4):104–119.
4. Волков А.М., Белухин Н.Е. Интеграция иммигрантов на рынке труда Дании. *Мировое и национальное хозяйство*. 2018;46(4):4. URL: <http://mirec.ru/2018-04/the-integration-of-immigrants-on-the-labour-market-of-denmark>
5. Большаков Г.А. Кризис этнической идентичности и массовая миграция в странах Скандинавии: Норвегия, Дания, Швеция. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург; 2015. 22 с.

REFERENCES

1. Sukhinin V.M. Sweden: Cultural code and migrants. Historical experience of world civilisations and Russia. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference (Vladimir, 02–03 December 2021). Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov; 2022:242–248. (In Russ.).
2. Volkov A.M. Migration flows in the countries of Northern Europe. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia*. 2020;23 (1):127. (In Russ.).
3. Volkov, A.M. Migrants in the countries of Northern Europe: The Swedish approach. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(4):104–119. (In Russ.).
4. Volkov A.M., Belukhin N.E. Integration of immigrants in the labour market of Denmark. *World and national economy*. 2018;46(4):4. (In Russ.). URL: <http://mirec.ru/2018-04/the-integration-of-immigrants-on-the-labour-market-of-denmark>
5. Bolshakov G.A. The crisis of ethnic identity and mass migration in the Scandinavian countries: Norway, Denmark, Sweden. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. St. Petersburg; 2015. 22 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Тамара Гурадиевна Чачуа — аспирантка, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Tamara G. Chachua — postgraduate student, IMEMO, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9015-194X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

tamriko17@bk.ru

Игорь Василик — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Igor Vasilik — postgraduate student, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia

www.orcid.org/0009-0007-1213-7839

123vasilik@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2024; accepted for publication on 11.10.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-108-117
УДК 316.3(045)

Особенности социологического рассмотрения старения и пожилого возраста (обзор исследований)

К.А. Галкин

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

Новая коронавирусная инфекция, всеобщая неопределенность и постоянная изменчивость постпандемийного мира повлияли на трансформации в понимании возраста и старения и на возникновение новых перспектив в исследованиях старения и осмыслении данного процесса в обществоведческих науках. Важным вопросом, возникшим перед научным сообществом, выступил вопрос об определении возрастных границ, а также понимании активностей пожилых людей в постпандемийной реальности и перспектив рассмотрения подобных активностей. Данный вопрос характерен как для отечественных, так и для зарубежных исследований старения и возраста. В рамках настоящего обзора мы рассматриваем новейшие публикации по социологии старения, социальной политике, здоровью пожилых людей и поддержанию необходимых активностей пожилыми людьми. Всего было проанализировано 1000 публикаций 2022 и 2023 гг., посвященных особенностям жизни пожилых людей после пандемии. Ключевые выводы настоящего исследования показывают, что важными для лучшей интеграции пожилых людей в социальную жизнь и преодоления проблем, вызванных пандемией, выступают такие факторы, как: активизация социальной жизни; развитие интегрированности пожилых людей в социальную жизнь; переход к пониманию занятости пожилых людей как многовекторного направления, которое может включать хобби и его монетизацию, непостоянную занятость или занятость для удовольствия и коммуникации. Кроме того, исследование показало, что в период пандемии методологический подход к публикациям о старении будет меняться в сторону междисциплинарных работ и сотрудничества между различными областями знаний в области исследований старения. Также авторы подчеркивают значимость изучения индивидуальных особенностей восприятия своего возраста пожилыми людьми.

Ключевые слова: пожилые люди; исследования пожилых людей в постпандемийный период; новые подходы к исследованию старения и пожилых людей; пандемия COVID-19; особенности изучения возраста пожилых людей в России

Для цитирования: Галкин К.А. Особенности социологического рассмотрения старения и пожилого возраста (обзор исследований). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):108-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-108-117

ORIGINAL PAPER

Features of the Sociological Consideration of Aging and Old Age (Research Review)

K.A. Galkin

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The new coronavirus infection, the general uncertainty and constant variability of the post-pandemic world have influenced transformations in the understanding of age and aging and the emergence of new perspectives in aging research and understanding of this process in the social sciences. An important issue that arose before the scientific community was the question of defining age boundaries, as well as understanding the activities of older people in the post-pandemic reality and the prospects for considering such activities. This issue is typical for both domestic and foreign studies of aging and age. As part of this review, we review the latest publications on the sociology of aging, social policy, the health of older people and the maintenance of necessary activities by older people. A total of 1,000 publications in 2022 and 2023 devoted to the peculiarities of the life of older people after the pandemic were analyzed. The key conclusions of this study show that important factors for better integration of older people into social life and overcoming the problems caused by the pandemic are: activation of social life; development of integration of older

people into social life; transition to understanding the employment of older people as a multi-vector direction, which may include hobbies and its monetization, non-permanent employment or employment for pleasure and communication. The study also noted that the methodological vector of publications on aging during the pandemic will be shifted towards interdisciplinary work and collaboration of various disciplines in the framework of aging research. Also, the study notes the importance of studying the individual aspects of older people's understanding of their age.

Keywords: older people; studies of the older in the post-pandemic period; new approaches to the study of aging and the older; the COVID-19 pandemic; features of the study of the age of the older in Russia

For citation: Galkin K.A. Features of the sociological consideration of aging and old age (research review). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):108-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-108-117

ВВЕДЕНИЕ

Общественный статус пожилых людей за последнее время существенно изменился. Весомую роль в этом сыграли новые концепции социальной политики, а также новые международные и региональные планы действий по старению, утвержденные на рубеже XX и XXI вв. Безусловно, принятие этих нормативных актов повсеместно вызывало повышение интереса к пожилым людям, к трансформации их статуса, привлекало к себе внимание исследователей и ученых.

Немаловажным событием, расширяющим дебаты о старении, стала ситуация пандемии. Она обнажила многие проблемы в жизни пожилых людей, выявила ряд трудностей с применением концепции активного долголетия, а также создала активную дискуссию о том, каким будет понимание старения сегодня, когда пандемия постепенно забывается, а мир, как отмечают некоторые исследователи, становится постпандемийным [1–3].

Исследователи в рамках различных направлений — геронтологии, социологии возраста, медицины, философии, психологии и социальной политики — задаются этим вопросом, апеллируя к тому, что значимым здесь выступает понимание возраста с точки зрения перспектив рассмотрения старения, с позиции определения того, что представляет собой старость. И если в группе естественно-научных дисциплин есть известное хронологическое понимание прожитых лет, а также описание возрастных патологий, то для социально-гуманитарных дисциплин и философии вопрос о старении и о том, что можно включать в это понятие, о том, существует ли старение как некая устойчивая или усредненная категория, по-прежнему остается открытым. Сегодня встречается и новый термин «отложенное старение», который пришел из медицины. Он описывает ситуацию, когда хронологический возраст не рефлексруется людьми, а старость понимается как продолжение среднего возраста.

В рамках настоящего исследования мы проводим обзор теоретико-методологических подходов по теме старения в период постпандемии, используя в качестве эмпирического материала публикации отечественных и зарубежных авторов по различным научным дисциплинам. Наш анализ был проведен с целью обнаружения и выделения основных предметных областей, которые находятся в фокусе исследования старения, здоровья пожилых людей и активного долголетия в постпандемийный период. Всего нами было проанализировано 1000 источников по различным темам, охватывающим тематику старения.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРЕНИЯ И ОТЛОЖЕННОГО СТАРЕНИЯ

Ранний этап рассмотрения старения (1960-е гг.) обусловлен изучением структурной зависимости пожилых людей от медицинского обслуживания и утраты социальных ролей и статусов [4]. В его рамках старение рассматривалось в большей степени как время хронических патологий и проблем со здоровьем. В результате антропологического поворота в социологии в зарубежных исследованиях появилось понимание того, что пожилые люди находятся внизу символической иерархии, а следовательно, важными выступают исследования различных ресурсов данной группы и связанных с ней неравенств [5–8]. Это ознаменовало переход к рассмотрению стигм и ограничений в жизни пожилых людей, а также создало предпосылки к возникновению отдельной дисциплины — социологии старения, — методологический и теоретический аппарат которой продолжает формироваться и сегодня. Важным стимулом к изучению возраста стало и развитие с конца 1960-х гг. социологии молодежи, которая также определила интерес исследователей к изучению пожилого возраста [9].

Период с конца 1960-х по середину 1980-х гг. можно назвать периодом зарождения социологии старения. Здесь начинается формирование переход от рассмотрения возраста как биологизированного феномена к изучению социальных значений пожилого возраста и нужд пожилых людей. Также в этот период времени появляются первые практические идеи о хорошем, а затем и об успешном старении, развивается занятость пожилых людей с целью их активной интеграции в социальную жизнь и трудовые отношения [10; 11].

Следующий этап, который начался с середины 1980-х гг. и в некоторых формах продолжается сегодня, связан с обособлением социологии старения в отдельную дисциплинарную область. Ключевой задачей этого направления выступает отделение биологии и физиологии от социального статуса пожилых людей, их включенности в ту или иную социальную среду [12;13].

В настоящее время такие аспекты жизни пожилых людей, как повышение пенсионного возраста, овладение информационными технологиями и активизация занятости, рассматриваются с позиции увеличения ресурсов пожилых и, следовательно, позиционируются как активная интеграция пожилых людей в социальные отношения. Эта концепция, развиваемая на данном этапе, называется «отложенным старением».

Мы рассматриваем концепт «отложенное старение» как социально значимый результат концепции активного старения, которой в 2022 г. исполнилось 20 лет. О старении населения сегодня написано очень много. Особенно быстро стареет население Европы, но этот процесс идет и в Японии, США и даже в Китае. Вариантов адаптации современного общества к старению населения, используемых развитыми странами в разных сочетаниях, не так много: повышение рождаемости, снижение размера пенсионных выплат, увеличение трудового стажа или возраста выхода на пенсию, вовлечение как можно большего числа людей предпенсионного или раннего пенсионного возраста в занятость и повышение производительности труда.

Повышение рождаемости путем стимулирующих выплат семьям еще в начале 1960-х гг. во Франции, которая первой из европейских стран столкнулась с убыванием населения, или предоставления пакетов натуральной помощи семьям (Финляндия) давало кратковременные

результаты и слабо влияло на демографическую ситуацию [14].

Снижение размера пенсионных выплат возможно только в случае каких-то эксцессов в системе пенсионного страхования (как в ситуации военных действий и разрушения экономики) или уменьшения периода страховых выплат, что в ситуации старения во всех странах противоречит тенденциям демографического развития и возможностям обеспечения страховых пенсий. Предоставление обоснованных пенсионных выплат, напротив, требует увеличения трудового/страхового периода.

Что касается повышения возраста выхода на пенсию, то в современных условиях он связан не с необходимостью работать до установленного времени, а только с началом периода пенсионных выплат. Человек может самостоятельно регулировать свое рабочее время и стаж работы, который заметно различается в разных странах. В России по закону стаж 20/25 лет, но реально только с 2025 г. будет необходимо 15 лет страхового стажа для начисления страховой пенсии, что является очень низким требованием. В Германии, например, стаж был равен 35 годам, в настоящее время — 37, но возможен досрочный уход со снижением страховых выплат. Таким образом, понятие «возраста выхода на пенсию» становится довольно гибким и менее принудительным.

Поэтому важной задачей является вовлечение как можно большего числа предпенсионеров в занятость или предоставление возможностей для расширения занятости граждан пенсионного возраста в развитых странах. Эта задача успешно решается в ряде стран, пожилые старше пенсионного возраста работают во все более позднее время.

Таким образом, следует отметить следующие концептуальные трансформации рассмотрения старения:

- уход от медикализированного и биологизированного подходов к пониманию старения как времени утраты и угасания;
- исследование социального исключения пожилых людей, создание специальных условий для его профилактики, ориентированность на последнюю социальную политики;
- развитие занятости пожилых людей (именно через это пожилые люди начинают рассматриваться в современном обществе как ресурс, а не как бремя);

- развитие использования пожилыми людьми новых технологий, в том числе в рамках программ активного долголетия;
- увеличение продолжительности жизни пожилых людей обуславливает важность исследования их здоровья.

Таким образом, наиболее релевантным сегодня является определение старения как флюидного конструкта, имеющего те или иные особенности и связанного с индивидуальным пониманием возраста у разных поколений и в рамках различных социальных сред.

ЗАНЯТОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И АКТИВНОСТИ

Проведенный нами анализ публикаций показывает рост в последние годы актуальности исследования занятости пожилых людей. Эта тематика все чаще становится предметом междисциплинарных исследований. Работы, посвященные занятости в период пандемии, описывают тенденцию перехода к удобным графикам работы в рамках трудовой деятельности пожилых, а также освещают вопросы цифровизации занятости и постепенной монетизации хобби [15; 16]. Важным трендом, обозначенным в этих работах, выступает переход от классических определений занятости как профессионального труда к исследованиям досуга и хобби, совмещенных с трудовой деятельностью пожилых.

В отечественных исследованиях, посвященных изучению занятости пожилых людей на современном этапе, выделяются работы, анализирующие пенсионный возраст и связанные с ним перспективы трудоустройства пожилых россиян. Отмечается провал в СМИ кампании, ориентированной на объяснение необходимости повышения пенсионного возраста [17].

Это наводит на мысль о том, что часть пожилых людей продолжает трудовую деятельность неофициально либо совмещает несколько видов работы. Эта тема нуждается в дополнительной разработке. Отдельного внимания заслуживают и исследования отечественных авторов, которые рассматривают неэффективность нынешнего пенсионного возраста и его границ, а следовательно, важность пересмотра пенсионной политики как таковой.

Исследования, посвященные активности пожилых людей в период постпандемии, в первую очередь поднимают тему инклюзии. Важным здесь выступает понимание того, на-

сколько сами пожилые люди оценивают свои возможности быть активными и включенными в социальную жизнь. Налицо представление активности в пожилом возрасте как континуума, на одном конце которого остаются страхи и опасения, связанные с проявлением тех или иных видов активности в период пандемии, а на другом конце — желание продолжать активность, по-прежнему быть активно включенным в социальное взаимодействие [18]. В данном случае следует обозначить несколько трендов: ориентированность на цифровизацию и использование цифровых технологий как замены прежних форм активности; исследование здоровья пожилых людей; работы, рассматривающие перспективы трансформации индекса активного долголетия [19–21]. В ходе анализа имеющихся материалов нами сделан вывод о необходимости более детального рассмотрения трансформации индекса активного долголетия как возникающей темы в отечественных и зарубежных исследованиях.

АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНДЕКСЫ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Еще одной актуальной темой исследований выступает степень активности пожилых людей в постпандемийное время. Ряд авторов отмечают, что прежние механизмы активного долголетия и стратегии социальной политики по развитию активностей пожилых людей перестают действовать. В этой связи возникают вопросы: каковы будут новые формы активности пожилых? как изменятся прежние формы в период постпандемии?

Исследования, посвященные активности пожилых людей, в первую очередь поднимают тему инклюзии. Важным здесь выступает понимание того, насколько сами пожилые люди оценивают свои возможности быть активными и включенными в социальную жизнь [22]. Налицо представление активности в пожилом возрасте как континуума, на одном конце которого остаются страхи и опасения, связанные с проявлением тех или иных видов активности в период пандемии, а на другом конце — желание продолжать активность, по-прежнему быть активно включенным в социальное взаимодействие. В данном случае следует обозначить несколько трендов: ориентированность на цифровизацию и использование цифровых технологий как замены прежних форм активности; исследование здоровья пожилых

людей; работы, рассматривающие перспективы трансформации индекса активного долголетия. В ходе анализа имеющихся материалов нами сделан вывод о необходимости более детального рассмотрения трансформации индекса активного долголетия как возникающей темы в отечественных и зарубежных исследованиях.

Индекс активного долголетия для мониторинга процесса старения разработан и введен в 2012 г. Он включает в себя четыре домена: занятость; участие пожилых в общественной жизни; здоровье; благоприятная среда для активного долголетия. Изначально использование этого индекса предполагалось в странах Евросоюза, однако впоследствии были разработаны рекомендации по его использованию в странах, не входящих в состав ЕС. Ряд стран дорабатывали показатели индекса и адаптировали систему его применения, исходя из региональной специфики и особенностей активного долголетия. В России экспертами из НИУ ВШЭ была разработана концепция, которая включала в себя три этапа совершенствования политики активного долголетия с 2020 по 2034 г. В рамках идеи совершенствования Индекса активного долголетия (ИАД) в России предполагалось улучшить продолжительность жизни пожилых людей, повысить занятость и экономическую независимость этой категории граждан [23].

Изучение публикаций, посвященных ИАД в России, позволило нам выделить ряд серьезных недостатков данной методики. Одним из них выступает ориентированность на универсальность этой системы, на ее возможное применение в различных странах мира практически без ограничений [24]. Также проверка ИАД на параметрах проекта SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe) свидетельствует о том, что некоторые из его параметров, такие как волонтерство и физическая активность, повышают качество жизни пожилых людей, в то же время, например, уход за родственниками или членами семьи, напротив, имеют отрицательный эффект и не способствуют повышению активности и интеграции пожилых людей в социальную жизнь. Кроме того, исследователи отмечают, что важный эффект на показатели индекса активного долголетия и релевантность их применения оказывает и экономическая ситуация в различных странах, которая, безусловно, создает несхожие перспективы для включения пожилых людей в формы социальной активности.

Таким образом, в России и других странах обращает на себя внимание проблема универсальности ИАД с точки зрения его исключительной количественной ориентированности. Налицо и отсутствие внимания к ряду отдельных показателей активности пожилых людей в тех или иных странах, которые оказываются за кадром данного индекса. Помимо этого, проведенное нами исследование показывает важность анализа индивидуальных интерпретаций различных форм активности пожилых людей, а также осмысления того, почему пожилые люди должны быть включены в уже спроектированные активности, которые не могут значительно улучшить интеграцию пожилых в социальные взаимодействия. Следовательно, важным вопросом при применении ИАД выступает вопрос о проведении качественных исследований, ориентированных на изучение активностей пожилых людей, на их анализ и интерпретацию для улучшения параметров концепции индекса в целом.

ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ

В ходе рассмотрения публикаций, посвященных изучению здоровья пожилых людей в период постпандемии, нами было выделено четыре основных темы.

Первая тема включает в себя исследование продолжительности жизни, развитие активного долголетия, а также вопросы, касающиеся здоровья пожилых людей старших возрастных групп. Как правило, данная тема представлена как в России, так и за рубежом медицинскими и демографическими работами, а также исследованиями, направленными на изучение социальной политики. В них налицо ориентированность на увеличение продолжительности жизни, на развитие новых моделей активного долголетия.

Вторая тема обозначена преимущественно медицинскими работами о здоровье пожилых людей. Работающие в этом направлении авторы приходят к выводу о снижении форм активности пожилых людей в пандемию и, как следствие, о необходимости создания новых видов активности, которые в том числе улучшают работу опорно-двигательного аппарата, и предлагают новые возможности для улучшения здоровья этой категории граждан [25–27].

Третья тема рассматривает половозрастные различия и представлена главным образом медицинскими и демографическими работами.

Основной вывод, полученный в рамках этих исследований: различия в формах активности пожилых людей обуславливают важность рассмотрения региональной специфики пандемии и ее влияния на здоровье этой категории граждан. Также в этой группе работ анализируются аспекты цифровизации в процессе лечения пожилых людей, что получило бурное развитие в период пандемии COVID-19 [28].

Четвертое направление обозначено работами по медицинской антропологии и социологии. Здесь авторы рассматривают качественные аспекты понимания пожилыми людьми своего здоровья и обозначают различные дискурсы относительно здоровьесберегающего поведения этой категории граждан в период пандемии. Исследования, проведенные в Центре социальных исследований старения Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, также свидетельствуют о различных дискурсах в отношении предпринятых в пандемию ограничений и проводимой в этой связи биополитики [29–31]. Важным здесь выступает рассмотрение старения сквозь призму концепта культуры здоровья, который все чаще используется учеными в качественных исследованиях.

Сравнительно новая область знаний, представляющая собой взаимовлияние культуры и здоровья, — это исследование культуры здоровья и влияющих на нее факторов. В рамках этой темы было обнаружено, что культура влияет на все стадии лечения заболевания и поддержания здоровья, начиная от выбора языка и моделей поведения и заканчивая пониманием уникальности заболевания и диагнозов с точки зрения представлений индивидов [32; 33]. В настоящем отчете мы используем одно из классических определений культуры, понимая ее как совокупность разделяемых форм поведения и смыслов, приобретенных в результате адаптации индивидов к жизни в окружающем мире.

В работах, посвященных медиализации возраста пожилых людей, было выделено, что вопросы, связанные с представлениями о пожилом возрасте как особой культуре, продолжают формировать образ пожилого человека, соотносящийся с доминирующими моделями биополитики в обществе [34]. Следовательно, в рамках взаимодействия с врачами и медицинским персоналом по-прежнему господствует медиализованное восприятие возраста пожилых, что, безусловно, влияет на культуру здо-

ровья пожилых людей (здоровье в данном случае рассматривается исключительно с позиции возникающих заболеваний и патологий). Нетрудно заметить, что такое рассмотрение отражается на понимании культуры здоровья пожилых людей как связанной с различными болезнями и сложностями, которые создают заболевания. Также следует отметить, что при этом эксцессы здоровья не так сильно определяют возрастную идентичность, как хронологический возраст. Про это до конца непонятно, действительно ли здоровье стало сильно ухудшаться (по мнению ряда геронтологов, основной профиль старения и здоровья формируется до 60 лет) или люди думают, что пришло время стареть. Психологический фактор в здоровье и старении весьма важен, о чем пишет Н.Л. Русинова [35; 36].

Таким образом, исследования, посвященные здоровью пожилых в период постпандемии, преимущественно рассматривают медицинские и психологические последствия высшей степени развития эпидемического процесса и обозначают возможное решение связанных с этим вопросов через развитие форм активности пожилых людей. Следует отметить недостаточное внимание к изучению качественных аспектов здоровья пожилых людей, специфики медиализации возраста и лечения заболеваний, связанных с периодом пандемии, которая оказала значительное влияние на понимание пожилыми людьми своего возраста, на перспективы лечения, на развитие форм активности и здоровьесберегающего поведения.

ВЫВОДЫ

В рамках выполненного нами обзора научных публикаций, содержащих ключевые теоретико-методологические подходы в осмыслении старения в период пандемии, нами отмечено, что наиболее значимыми направлениями исследований, в рамках которых происходит обсуждение старения и пожилого возраста в постпандемийный период, являются: активизация социальной жизни; развитие интегрированности пожилых людей в социальную жизнь; переход к пониманию занятости пожилых людей как многовекторного направления, которое может включать хобби и его монетизацию, непостоянную занятость или занятость для удовольствия и коммуникации. Также нами выявлено, что в рамках российских и зарубежных исследований старения в период постпандемии налицо разветвленная тематика сюжетов старения, а также междисциплинарность

в их описании. Встречаются и сюжеты, связанные с описанием проблем со здоровьем пожилых людей и пониманием ими смыслов своего здоровья в контексте культуры здоровья, присутствующей в том или ином регионе. Существуют исследования, посвященные рассмотрению инклюзии пожилых людей и трансформации их форм активности, в том числе через применение ИАД.

Анализируя российские и зарубежные исследования и данные опросов в целом, следует отметить, что ситуация пандемии повлияла в первую очередь на траектории старения пожилых людей и репертуары их форм активности. Важным здесь выступает тот факт, что такого рода изменения уже не вписываются в рамки концепции активного долголетия, представлений об усредненном, хорошем или успешном старении, которые доминировали в научной литературе на протяжении нескольких десятилетий. Сама концепция активного долголетия становится уже не стратегией или планом конкретных действий, а нормативным подходом, который может учитывать потребности пожилых людей. Для России характерна небольшая представленность обще-

ствоведческих публикаций по старению в общем пуле научных работ, главными темами которых выступают: переосмысление активного долголетия, переоценка итогов пенсионной реформы и особенностей занятости пожилых людей.

На основании проведенного анализа следует сделать вывод о том, что в период постпандемии наиболее значимыми исследованиями, посвященными пожилому возрасту и пожилым людям, будут работы, которые носят междисциплинарный характер, совмещают несколько подходов к осмыслению старения. В концептуальном поиске определения старения в период постпандемии чрезвычайно важно рассмотрение того, как старение осмысливается самими пожилыми индивидуально и какие культурные и региональные особенности переживания пандемии оказывают влияние на понимание старения в различных странах, в том числе в России. Большое значение имеет и последовательный переход к концепции отложенного старения, которая рассматривается в различных работах с точки зрения изучения возраста пожилых людей как продолжения среднего возраста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kolluoğlu B., Yükeker D. Putting the world-historical perspective at the center of the social sciences in the post-pandemic world. *New Perspectives on Turkey*. 2020;63:168–175.
2. Montgomery T., Mazzei M. Two paths of social innovation in the post-pandemic world. *Social Enterprise Journal*. 2021;17(3):450–458.
3. Gilder E. Towards a Post-Pandemic Postmodern Society-Is the Pandemic a Deconstruction of the Postmodern Society? *Postmodern Openings*. 2020;11(2):1–11.
4. Cumming E., Henry W. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York: Basic Books; 1961.
5. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте. *Социологический журнал*. 2012;4:062–093.
6. Смолькин А.А. Социология возраста и границы социального конструирования. *Социология власти*. 2019; 31(1):8–13. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-8-13
7. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения. *Социологические исследования*. 2016;(11):154–155.
8. Евсеева Я.В. Актуальные вопросы социологии старения: введение к тематическому разделу. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал*. 2016;1:5–13.
9. Видясова Л.А., Григорьева И.А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023; 16(1):4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101
10. Butler R.N. Age-ism: Another form of bigotry. *The gerontologist*. 1969;9(4):243–246.
11. Havighurst R.J. Successful aging processes of aging: Social and psychological perspectives. Williams R.H., Tibbitts C., Donohue W., eds. New York: Atherton Press; 1963:299–320.
12. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России *Социологические исследования*. 2008;8:55–61.
13. Baltes P.B., Baltes M.M. Savoir vivre in old age. *National forum. Honor Society of Phi Kappa Phi*. 1998;78(2):13.
14. Nygård M. et al. The role of cash benefit and in-kind benefit spending for child poverty in times of austerity: An analysis of 22 European countries 2006–2015 *Social Indicators Research*. 2019;146:533–552. DOI: 10.1007/s11205-019-02126-8

15. Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта. *Журнал исследований социальной политики*. 2022;20(3):377–392. DOI: 10.17323/727–0634–2022–20–3–377–392
16. Григорьева И.А., Парфенова О.А., Галкин К.А. Конференция «Продленная взрослость/отложенное старение во времена постковида и неопределенности». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023;26(1):258–262. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10
17. Grigoryeva I., Parfenova O., Dmitrieva A. Social policy for older people in the post-soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? *Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives*. 2021:385–395.
18. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В. Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022;22(1):221–230. DOI: 10.22363/2313–2272–2022–22–1–221–230
19. De São José J.M. et al. A critique of the active ageing index. *Journal of aging studies*. 2017; 40:49–56.
20. Garcia K.R. et al. Improving the digital skills of older adults in a COVID-19 pandemic environment. *Educational Gerontology*. 2021;47(5):196–206.
21. Парфенова О.А. Индекс активного долголетия в российском контексте: Анализ социального участия людей 60. *Успехи Геронтологии*. 2022. 35(4):624.
22. Pillemer K.A., Nolte J., Tillema Cope M. Promoting climate change activism among older people. *Generations*. 2022;46(2):1–16.
23. Овчарова Л.Н., Морозова М.А., Синявская О.В. Концепция политики активного долголетия. Научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: 2020.
24. Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023;26(1):200–223. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8
25. Голубев А.Г. и др. Три пандемии сразу: неинфекционная (онкологическая), инфекционная (COVID-19) и поведенческая (гипокинезия) *Вопросы онкологии*. 2021;67(2):163–180. DOI: 10.37469/0507–3758–2021–67–2–163–180
26. Новоселов В.М. Инфодемия SARS-CoV-2: психология страха. *Ученые записки Института психологии РАН*. 2022;2(3):78–86. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_03_07
27. Di Gessa G., Price D. Changes in health and social well-being in the COVID-19 clinically vulnerable older English population during the pandemic. *J Epidemiol Community Health*. 2021;75(11):1070–1077.
28. Орлов Г.М., Чугунов А.В. Цифровое здравоохранение: программно-целевой подход и проблемы старения. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022; 10(11):113–125.
29. Галкин К.А. Особенности медиализирующего поведения в отношении пожилых людей при взаимодействиях с врачами и социальными работниками. *Гуманитарий Юга России*. 2023; 12(2):14–27. DOI: 10.18522/2227–8656.2023.2.1
30. Verbruggen C., Howell B.M., Simmons K. How we talk about aging during a global pandemic matters: on ageist othering and aging ‘others’ talking back *Anthropology & Aging*. 2020;41(2):230–245.
31. Ellerich-Groppe N., Pfaller L., Schweda M. Young for old — old for young? Ethical perspectives on intergenerational solidarity and responsibility in public discourses on COVID-19. *European Journal of Ageing*. 2021;18(2):159–171. DOI: 10.1007/s10433–021–00623–9
32. Mitchell D.P. Postmodernism, health and illness. *Journal of Advanced Nursing*. 1996;23(1):201–205.
33. Langdon E.J., Wiik F.B. Anthropology, health and illness: an introduction to the concept of culture applied to the health sciences. *Revista latino-americana de enfermagem*. 2010;18:459–466.
34. Михалева А.В. Влияние медиализации на здоровье пожилых людей *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2009;2–1:130–140.
35. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Психологические медиаторы социальных неравенств в здоровье: «уверенность в себе» в Европе и России *Социологический журнал*. 2018; 4:30–53. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6096
36. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Роль персональных психологических ресурсов в объяснении возрастных неравенств здоровья в странах Европы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;4(170):273–297. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2167

REFERENCES

1. Kolluoğlu B., Yüksek D. Putting the world–historical perspective at the center of the social sciences in the post–pandemic world *New Perspectives on Turkey*. 2020;63:168–175.
2. Montgomery T., Mazzei M. Two paths of social innovation in the post–pandemic world. *Social Enterprise Journal*. 2021;17(3):450–458.
3. Gilder E. Towards a Post–Pandemic Postmodern Society–Is the Pandemic a Deconstruction of the Postmodern Society? *Postmodern Openings*. 2020;11(2):1–11.
4. Cumming E., Henry W. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York, Basic Books; 1961.
5. Rogozin D.M. Liberalization of aging, or work, knowledge and health in old age. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological journal*. 2012;4:062–093. (In Russ.).
6. Smol'kin A.A. The sociology of age and the boundaries of social construction. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 2019;31(1):8–13. (In Russ.). DOI: 10.22394/2074–0492–2019–1–8–13
7. Grigor'eva I.A. Paradigm shift in understanding aging. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2016;11:154–155. (In Russ.).
8. Evseeva Ya. V. Topical issues of the sociology of aging: An introduction to the thematic section. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology*. 2016;1:5–13. (In Russ.).
9. Vidyasova L.A., Grigor'eva I.A. The subject field of active/delayed aging research: The results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2023;16(1):4–26. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2023.101
10. Butler R.N. Age–ism: Another form of bigotry. *The gerontologist*. 1969;9(4):243–246.
11. Havighurst R.J. Successful aging Processes of aging: Social and psychological perspectives. Williams R.H., Tibbitts C., Donohue W., eds. New York: Atherton Press; 1963;299–320.
12. Dobrohleb V.G. The resource potential of the elderly population of Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2008;8:55–61. (In Russ.).
13. Baltes P.B., Baltes M.M. Savoir vivre in old age *National forum. Honor Society of Phi Kappa Phi*. 1998;78(2):13.
14. Nygård M. et al. The role of cash benefit and in–kind benefit spending for child poverty in times of austerity: An analysis of 22 European countries 2006–2015. *Social Indicators Research*. 2019;146:533–552. DOI: 10.1007/s11205–019–02126–8
15. Galkin K.A. Digitalization of volunteering for older people during the pandemic: opportunities and barriers in the context of artificial intelligence. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*. 2022;20(3):377–392. (In Russ.).
16. Grigor'eva I.A., Parfenova O.A., Galkin K.A. The conference “Extended Adulthood/delayed aging in times of postcovid and uncertainty”. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(1):258–262. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10
17. Grigoryeva I., Parfenova O., Dmitrieva A. Social policy for older people in the post-soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? *Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives*. 2021:385–395.
18. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R., Zajcev D.V. The temporality of social care in the pandemic context of urbanism and inclusion culture. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2022;22(1):221–230. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2272–2022–22–1–221–230
19. De São José J.M. et al. A critique of the Active Ageing Index *Journal of aging studies*. 2017;40:49–56.
20. Garcia K.R. et al. Improving the digital skills of older adults in a COVID-19 pandemic environment. *Educational Gerontology*. 2021;47(5):196–206.
21. Parfenova O.A. Active longevity Index in the Russian context: Analysis of social participation of 60 people. *Uspekhi Gerontologii = The successes of Gerontology*. 2022;35(4):624. (In Russ.).
22. Pillemer K.A., Nolte J., Tillema Cope M. Promoting climate change activism among older people. *Generations*. 2022;46(2):1–16.
23. Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sinyavskaya O.V. The concept of active longevity policy. Scientific and methodological report on the XXI Apr. international scientific Conference on development problems. Economics and Society. Moscow: 2020. (In Russ.).

24. Parfenova O.A., Galkin K.A. Social activity and participation of older Russians in the context of active longevity. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(1):200–223. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8
25. Golubev A.G. et al. Three pandemics at once: non-infectious (oncological), infectious (COVID-19), and behavioral (hypokinesia). *Voprosy onkologii = Oncology issues*. 2021;67(2):163–180. (In Russ.). DOI: 10.37469/0507–3758–2021–67–2–163–180
26. Novoselov V.M. SARS-CoV-2 Infodemia: The psychology of fear. *Uchenye zapiski Instituta psichologii RAN = Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. 2022;2(3):78–86. (In Russ.).
27. Di Gessa G., Price D. Changes in health and social well-being in the COVID-19 clinically vulnerable older English population during the pandemic *J Epidemiol Community Health*. 2021;75(11):1070–1077.
28. Orlov G.M., CHugunov A.V. Digital healthcare: a program-oriented approach and the problems of aging. *International Journal of Open Information Technologies = International Journal of Open Information Technologies*. 2022;10(11):113–125. (In Russ.).
29. Galkin K.A. Features of medicalizing behavior towards the elderly in interactions with doctors and social workers. *Gumanitarij YUga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023;12 (2):14–27. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227–8656.2023.2.1
30. Verbruggen C., Howell B.M., Simmons K. How we talk about aging during a global pandemic matters: on ageist othering and aging 'others' talking back *Anthropology & Aging*. 2020;41(2):230–245.
31. Ellerich-Groppe N., Pfaller L., Schweda M. Young for old — old for young? Ethical perspectives on intergenerational solidarity and responsibility in public discourses on COVID-19. *European Journal of Ageing*. 2021;18(2):159–171. DOI: 10.1007/s10433–021–00623–9
32. Mitchell D.P. Postmodernism, health and illness. *Journal of Advanced Nursing*. 1996;23(1):201–205.
33. Langdon E.J., Wiik F.B. Anthropology, health and illness: an introduction to the concept of culture applied to the health sciences. *Revista latino-americana de enfermagem*. 2010;18:459–466.
34. Mikhaleva A.V. The effect of medicalization on the health of the older. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2009;2–1:130–140. (In Russ.).
35. Rusinova N.L., Safronov V.V. Psychological mediators of social inequalities in health: “self-confidence” in Europe and Russia. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological journal*. 2018;4:30–53. (In Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6096
36. Rusinova N.L., Safronov V.V. The role of personal psychological resources in explaining age-related health inequalities in European countries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2022;4(170):273–297. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2167

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Константин Александрович Галкин — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Konstantin A. Galkin — Cand. Sci. (Soc.), Senior research fellow, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

kgalkin1989@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2024; accepted for publication on 11.10.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-118-124
УДК 94(970)(045)

Волго-Донской канал как поле битвы архитектурных направлений в СССР в 1950-е годы

С.Н. Артёмов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается строительство Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина. Авторы анализируют противоречие между новой строительной техникой и архитектурной формой, которое было в той или иной мере присуще многим промышленным сооружениям 1940-х и начала 1950-х гг. Архитекторы обратились прежде всего к образцам архитектуры русского классицизма, пытаясь приспособить их к сооружениям современного инженерного комплекса. Архитектура этого сооружения оказалась в эпицентре бурной творческой полемики, развернувшейся в середине 1950-х гг. в связи с борьбой с так называемым украшательством. Сложные гидротехнические сооружения Волго-Донского канала отражают героику исторических событий, связанных с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: Волго-Донской судоходный канал; украшательство; гидротехнические сооружения; архитектура русского классицизма; промышленное строительство

Для цитирования: Артёмов С.Н., 2024. Волго-Донской канал как поле битвы архитектурных направлений в СССР в 1950-е годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):118-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-118-124

ORIGINAL PAPER

The Volga-Don Canal as a Battle Field of Architectural Styles in the USSR in the 1950s

S.N. Artemov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the construction of the Volga-Don shipping canal named after V.I. Lenin. The author analyzes the contradiction between new construction techniques and architectural form, which was, to one degree or another, inherent in many industrial buildings of the 1940s and early 1950s. The architects turned, first of all, to examples of Russian neoclassical architecture, trying to adjust them to the structures of a modern engineering complex. The architecture of this building was the focus of a significant creative debate that emerged in the mid-1950s, in connection with efforts to combat what was then known as "ornamentation." The intricate water-engineering systems of the Volga-Don canal reflect the heroic spirit of historical events associated with the Great Patriotic War.

Keywords: Volga-Don Shipping Canal; decoration; hydraulic structures; architecture of Russian classicism; industrial construction

For citation: Gorlov V.N., Artemov S.N. The Volga-Don canal as a battle field of architectural styles in the USSR in the 1950s. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):118-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-118-124

Архитектура СССР послевоенного периода была связана с великими сталинскими стройками коммунизма. Грандиозные гидротехнические сооружения должны были заложить основы архитектуры коммунистической эпохи. О том значении, которое имело освоение опыта русской классики для их проектирования, можно судить по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина.

Мысль соединения Волги с Доном возникла не раз и уходит в глубину веков. Еще Александр Македонский мечтал о связи двух морей. Канал рыли турки в середине XVI в., во времена султанов Сулеймана и Селима II, для борьбы с Иваном Грозным. На рубеже XVII и XVIII веков еще одну попытку предпринял Петр I. Много идей принес XIX в. В общей сложности до Октябрьской революции 1917 г. было рассмотрено более двух десятков проектов соединения, но дальше этого дело не шло. В советское время изыскания начались по заданию В. И. Ленина, и во второй половине 1920-х — середине 1930-х гг. был разработан технический проект.

В послевоенный период пришла пора его реализации. Оставляя в стороне огромную работу над технической частью, отметим темпы разработки и реализации архитектурного комплекса. Работа велась коллективом Гидропроекта под руководством Л. М. Полякова, победившим в 1950 г. на Всесоюзном конкурсе проектов сооружений канала, а в конце 1951 г. были готовы все рабочие чертежи [1, с. 12].

1950 г. ознаменовался постановлением партии и правительства о строительстве мощных гидроэлектростанций на Волге. Было решено соорудить Куйбышевскую и Сталинградскую электростанции, а также Волго-Донской канал с крупным гидроузлом в районе станицы Цимлянская, общей протяженностью 101 км.

Итог многолетним изысканиям, обсуждениям и согласованиям по вопросу строительства канала подвел И. В. Сталин, подписав 27 февраля 1948 г. итоговое постановление Совета Министров СССР. К основным работам приступили в 1949 г., задействовав в них заключенных (свыше 100 тыс. человек) [2, с. 29], вольнонаемных и немецких военнопленных. Широко применялась техника — шагающие и многоковшовые экскаваторы. Все это происходило там, где всего несколько лет назад была Сталинградская битва. Зона строительства канала и других гидротехнических объектов

охватывала обширные площади от Красноармейска (сейчас район Волгограда) до Большой Орловки (Ростовская область). Под затопленные попадало 149 хуторов и казачьих станиц. Группы геодезистов, геологов, гидрологов планировали улицы новых поселков у берегов грядущего рукотворного моря. Комиссии по отселению осматривали и обмеряли дома, дворовые постройки [3, с. 151]. Когда переселение завершилось, началось перенесение кладбищ и братских могил. К сожалению, под воду ушли старые виноградные подвалы, в которых, по легенде, бывал Петр I, станица Потемкинская, бывшая Зимовейская — родина Емельяна Пугачева [3, с. 154].

31 мая 1952 г. точно по плану произошло событие, которого ждала вся страна: воды Дона и Волги соединились. За несколько часов до этого толпы людей собрались на берегах. 1 июня 1952 г. канал сдали во временную эксплуатацию¹. Газета «Сталинское знамя» 25 июля 1952 г. сообщила важную новость: «Послезавтра торжественно открывается Волго-Донской судоходный канал. Завершено грандиозное гидротехническое сооружение — первая из великих строек коммунизма, осуществляемых в нашей стране по инициативе товарища Сталина. Волго-Донской водный путь вступает в строй! Достигнут новый выдающийся успех на фронте мирного созидательного труда»².

27 июля 1952 г. каналу присвоили имя В. И. Ленина, и он официально был введен в эксплуатацию. С его открытием, при наличии уже действующих Беломорско-Балтийского и канала имени Москвы, завершилось объединение пяти морей Европейской части СССР — Белого, Балтийского, Азовского, Каспийского, Черного — в единую водную транспортную систему. Речная сеть Западного и Волго-Камского бассейнов соединилась через Азовское и Черное моря с водными путями Украины, а через Дунай — с водными путями Европы. И все они вели в Москву, превратившуюся, таким образом, в «порт пяти морей».

Вместе со сложными техническими проблемами пришлось решать и большие идейно-художественные задачи. Коллектив архитекторов подчинил весь свой замысел стремлению создать единую ансамблевую композицию, положив в ее

¹ Вечерний Волгодонск. 11 апреля 1998 г.

² Сталинское знамя. 25 июля 1952 г.

основу идею отражения в архитектуре канала исторических побед, одержанных советским народом в донских степях и под Сталинградом во время Великой Отечественной войны. Мастера обратились, прежде всего, к образцам архитектуры русского классицизма, к формам, возникшим в иную историческую эпоху, пытаясь приспособить их к сооружениям современного инженерного комплекса. В качестве ведущей художественной темы композиции использовались триумфальные арки и монументальные башни, в которых размещались сложное техническое оборудование и различные службы.

Наиболее важным сооружениям канала — воротам шлюзов № 1 (вход в канал с Волги) и № 13 (вход в канал с Дона), а также воротам шлюза Цимлянского водохранилища был придан вид гигантских триумфальных арок — они выглядели наиболее внушительно и торжественно. Башни шлюза № 15 на Цимлянском водохранилище венчаются скульптурными группами, олицетворяющими подвиг советских солдат в битве под Сталинградом. В сооружениях шлюзов большое место заняли барельефы, скульптуры, всевозможные декоративные элементы в виде стилизованных эмблем. Волго-Донской канал начинался у города Красноармейска, на Волге, где на высоком откосе стояла монументальная скульптура Сталина работы Вучетича.

На фоне огромных водных пространств и степных просторов могучие арки, отмечающие узловые точки ансамбля, воплощают идеи триумфа советского народа, отстоявшего независимость и в мирном труде строящего новую жизнь. Арка шлюза № 13 была воздвигнута на том историческом месте, где в ноябре 1942 г. соединились ударные группировки войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов, завершив окружение 330-тысячной нацистской армии. Ясно, что триумфальная тематика здесь была в высшей степени уместна.

При всей образности и торжественности архитектурного решения наблюдалось некоторое его противоречие с основным инженерно-техническим назначением комплекса, которое зачастую «втискивалось» в принятые из художественных соображений формы и объемы композиции.

При строительстве канала применялись передовые приемы, в частности была осуществлена комплексная механизация трудоемких земляных, бетонных и железобетонных работ.

В производстве использовались мощные землечасы и землеройные машины. Все это позволило вести работы круглогодично, с постепенным наращиванием темпов строительства. Важно отметить, что архитектура канала создана на основе широкой типизации элементов и деталей. Именно это способствовало завершению строительства в короткие сроки, очевидному стилистическому единству и цельности восприятия архитектурного комплекса.

Канал соединяет реки со значительной разностью уровней водной поверхности и преодолевает лежащую на его пути большую возвышенность. С учетом рельефа местности на трассе канала был создан ряд искусственных водохранилищ с последовательно повышающимся уровнем. Различные технические службы шлюзов объединили в здания управления, которые, будучи облечены в торжественные архитектурные «одежды», и составили невиданный по размаху пространственный ансамбль из почти ста сооружений и раскинувшийся — от начального до конечного объекта — на триста с лишним километров.

Во время работы Л. М. Поляков всегда находил верное архитектурное решение для шлюзов, подчеркивающее их функциональность. Тем не менее его постоянно критиковали за излишний монументализм. Обычно в опорах шлюза есть два уровня — верхний и нижний. Все технические средства неизменно располагались в верхней части. Архитектор хотел придать композиции большую экспрессивность и с этой целью сместил все механизмы вниз, заранее проконсультировавшись с электриками и гидротехниками. Разработанное им нетрадиционное решение оказалось более экономичным и удобным, чем применявшиеся ранее. Л. М. Поляков всегда считал, что визуальный и технические аспекты должны быть в гармонии, задача же архитектора — добиться единства художественного образа с его техническим воплощением [4, с. 108].

Ни одно сооружение Волго-Донского канала не вызвало таких резких нападков и такого числа острых замечаний, как Цимлянская ГЭС. Критика сводилась к недостаточно органичному включению в общую композицию специфичных для гидроэнергетических сооружений элементов техники (металлических мачт и проводов высоковольтных передач, разрядников и т.п.) и утрате правдивости художественного образа гидроэлектростанции. Следует отметить, что на спорность некоторых

аспектов архитектурного решения Цимлянской ГЭС обращалось внимание еще на стадии проектирования при обсуждении проекта в Союзе архитекторов СССР в 1951 г. В частности, главный архитектор Госпроектстроя А. С. Фисенко тогда указывал: «...В проекте Цимлянской ГЭС по существу нет образа гидроэлектростанции. Лишь наличие плотины и воды говорит о том, что это здание гидроэлектростанции. Техническое оборудование — провода, мачты, трансформаторы — ни в какой мере не решает архитектурной задачи» [5, с. 119].

Тем не менее архитектура сооружения неожиданно оказалась в эпицентре бурной творческой полемики, развернувшейся в середине 1950-х гг. в связи с борьбой с так называемым украшательством³. Дискуссия началась в процессе подготовки сообщения «Архитектура энергетических сооружений» ко II Всесоюзному съезду советских архитекторов, который проходил в Москве в декабре 1955 г. Члены Постоянной комиссии Союза советских архитекторов по промышленной архитектуре в бурных нелицеприятных спорах старались определить правильные пути развития архитектуры гидроэнергетических сооружений. И в центре дискуссии неизменно оказывалась Цимлянская ГЭС — первая построенная после войны гидроэлектростанция, которая стала удобным объектом для выяснения позиций сторонников различных подходов.

В опубликованных тогда развернутых полемических статьях доцент Московского архитектурного института Е. М. Попов дал свою резкую критическую оценку: «Все в архитектурной композиции главного фасада здания машинного зала Цимлянской ГЭС — и ампиры арки в зрительно тяжелой, а на деле легкой, связанной с железобетонным каркасом стене, выдуманные арочные проемы, противоречащие прямоугольной конструктивной сетке железобетонного каркаса, дисгармонирует с обликом возведенных поблизости инженерных сооружений. Несоответствие архитектурного решения сущности сооружений настолько разительно, что невольно появляется желание освободить это ампирическое здание от окружающих его металлических мачт, порталных кранов, трансформаторов и разрядников и других элементов современной

техники, снять с фасада сеть проводов высоковольтной передачи. Но, увы! Известно, что без «ампира» гидротехническое сооружение существовать может, а вот без этой техники — уже никак». Главную причину ошибочности подхода к архитектуре этой ГЭС автор статьи видел в том, что Л. М. Поляков и возглавляемый им коллектив архитекторов следовали принципам И. Жолтовского, а не В. Веснина, противостояние творческих концепций которых, по его мнению, восходит еще к конкурсу 1929 г. на проект Днепровской ГЭС. «Борьба этих противоположных тенденций, — писал далее Е. М. Попов, — продолжается в архитектуре и поныне» [6, с. 10].

Большая часть критических замечаний во многом была справедлива. Однако едва ли правомерно, как это делал Е. М. Попов, сводить все к конфронтации двух архитектурных течений — конструктивизма (принципы которого нашли воплощение в осуществленном под руководством В. Веснина проекте Днепровской ГЭС) и неоренессансной школы И. Жолтовского. Кроме того, отождествление творческой позиции Л. Полякова с архитектурными принципами Жолтовского представлялось надуманным. Прежде всего, приемы и формы зодчества итальянского Возрождения, использование которых было характерно для школы Жолтовского, Л. М. Поляков считал менее созвучными архитектуре того времени, нежели русский классицизм конца XVIII — начала XIX вв. В напечатанном (в порядке обсуждения) окончательном варианте сообщения отмечалось, что «проектируя сооружения Волго-Донского канала и Цимлянского гидроузла, коллектив архитекторов увлекся внешней, показной стороной архитектуры» [7, с. 5].

В популярном среди архитекторов остром и почти немислимом тогда по своей нелицеприятности дружеском шарже в съездовском номере журнала «Архитектура СССР» Л. М. Поляков был изображен оплакивающим в компании с Н. Чечулиным и А. Мордвиновым «милые их сердцу излишества», которые запрещалось брать на борт флагмана архитектурной флотилии, готовящейся к отплытию к берегам типизации и индустриализации строительства. Самые непримиримые и ретивые критики вообще были склонны видеть в архитектурных излишествах не только творческие просчеты, но и опасные идеологические заблуждения.

Объективно следует отметить, что некоторые из наиболее «неистовых ревнителей» искренне

³ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Правда. № 314. 10 ноября 1955 г.

верили в собственную правоту и, как правило, не искали для себя личных выгод. Видимо, они прочно усвоили указание И. Сталина оперировать в искусстве понятиями «классового порядка». Ряд архитекторов говорили о борьбе двух мировоззрений: прогрессивного, материалистического (получившего выражение в практике массовой архитектуры) и реакционного, идеалистического⁴.

На II съезде архитекторов Л. М. Полякова, в свою очередь, старались превратить в «черта советской архитектуры». Его имя подверглось безжалостному «обстрелу» с непримиримых «классовых» позиций. Архитектуру Волго-Донского канала ряд историков считали идеологически чуждой.

Начальник архитектурного отдела Гидропроекта Р. А. Якубов отметил: «Коллектив во главе с главным архитектором Гидропроекта Л. М. Поляковым подвергся суровой критике в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров от 4 ноября 1955 г. Нужно прямо сказать, что излишеств на строительстве Волго-Донского канала допущено было очень много. Стоимость его декоративной части составляет примерно половину стоимости наземных сооружений. Дело не в том, что на входах в канал были воздвигнуты триумфальные арки. Героические защитники Сталинграда заслужили возведения этих двух арок. Дело в том, что для многих рядовых сооружений применялись дорогостоящее чугунное художественное литье и скульптура. Увлечение скульптурой привело к тому, что на нее были затрачены многие миллионы рублей. В 1950 г. был организован специальный конкурс на архитектурное оформление сооружений Волго-Донского судоходного канала. От результатов конкурса зависела судьба архитектуры Волго-Дона. Жюри признало лучшим проект арх. Полякова. Союз советских архитекторов обсуждал окончательный проект в Доме архитектора в 1951 г. Разве это было настоящее творческое обсуждение? Нет, это было безудержное восхваление. В этих условиях мы даже забыли, что когда-то проектировали просто и скромно. После Всесоюзного совещания по строительству в декабре 1954 г., честно говоря, мы не перестроились сразу. Тов. Поляков не

поставил перед коллективом никаких задач по перестройке; сами же мы не были принципиальными и оставались полностью под влиянием тов. Полякова»⁵.

В этот день на съезде тот же Е. М. Попов не упустил возможности снова напомнить о проекте Волго-Донского канала: «Во время обсуждения в Союзе советских архитекторов проекта Волго-Донского канала категорически была запрещена всякая критика. Разве это не было следствием примиренческого отношения к аракчеевскому режиму, установленному руководящими деятелями эстетского направления? На выставке «Архитектурные излишества и примеры плохого качества строительства», организованной недавно правлением Союза советских архитекторов, из промышленных объектов были представлены лишь сооружения Волго-Донского канала. Из этого можно заключить, что излишества в промышленной архитектуре крайне редки. Но на самом деле много излишеств допущено и в проектах других объектов, в частности, например, на строительстве Каховской ГЭС. Союз архитекторов СССР должен помочь решительному устранению излишеств в промышленном строительстве»⁶. Следует отметить, что в своем выступлении Попов попытался перечеркнуть все, что было сделано на Волго-Донском канале и, кстати, свою собственную статью, напечатанную в «Известиях» в 1952 г., в которой он превозносил архитектуру сооружений канала⁷.

Высказанные на съезде обвинения в адрес Полякова и прозвучавшая там же критика его работы, носившие порой политический характер, немедленно были взяты на вооружение чуткими к подобным подсказкам многочисленными архитектурными инстанциями. Эта критика была подчас огульна и не всегда серьезна и могла привести к полному отрицанию классического наследия.

Не будет преувеличением сказать, что многие архитекторы под влиянием архитектуры Волго-Донского канала вступили тогда на многотрудное и, к сожалению, неблагодарное поприще промышленного зодчества. Решающую роль в этом сыграла общая атмосфера

⁵ Там же. С. 231.

⁶ Там же. С. 274.

⁷ Там же. С. 231.

⁴ Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Стенографический отчет. М.: Госстройиздат; 1956:302.

художественной выскательности касательно архитектуры Волго-Дона и ряда других гидротехнических сооружений того времени — так называемых строек коммунизма. Определенная героизация форм, их нарочитое укрупнение соответствовали и общему идейно-художественному звучанию комплекса, и его конкретным пространственным характеристикам, предопределявшим дальние точки обзора, обобщенность и панорамность восприятия.

Обращение авторов к мотивам русского классицизма конца XVIII — первой половины XIX вв., особенно его поздней фазы, получившей наименование «ампир», с присущей ему торжественной монументальностью и (что особенно характерно для его русского варианта) искренней человечностью и теплотой вполне объяснимо. В национальном сознании, всегда имеющем глубокие исторические корни, именно эти формы архитектуры оказались накрепко связанными с идеями величия, торжества и всенародного ликования по поводу победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г. К этому добавлялась особая гордость за социалистическую державу, отстоявшую не только право на жизнь, но и свои высокие идейные принципы. Кроме того, надо учесть, что канал сооружался в особом месте — там, где в годы Великой Отечественной войны были разгромлены вражеские войска. Как тут можно обойти стороной мотивы триумфальности и мемориальности? И, опять-таки, добавлялось ощущение реального свершения — в невиданно короткие сроки — давней мечты многих поколений о связи Волги и Дона, Черного и Каспийского морей. Все это в совокупности и предопределило общий гуманистический настрой архитектуры — торжественной, величавой, радостной и лиричной одновременно. Гармоничность и диссонансность форм, их подавляющее величие и человечность, ощущение оглушающей победности и лиричности странным образом уживаются в удивительном архитектурном ансамбле канала. Может быть, сочетание всего этого — на первый взгляд, трудно-, а то и вовсе несочетаемого — и есть диалектическая основа рождения архитектурно-художественного образа.

На примере Волго-Донского канала наглядно обнаруживается противоречие между новой строительной техникой и архитектурной формой, которое было в той или иной мере присуще

многим промышленным сооружениям 1940-х — начала 1950-х гг. Он проходит по местам, связанным с Великой Отечественной войной, а сложные гидротехнические сооружения отражают героизку этих исторических событий и в то же время — важность великого созидательного труда советского народа. В целом, создание Волго-Донского канала отразило своим материальным содержанием величие страны социализма, которая нашла в себе силы после войны не только восстановить хозяйство, но и строить на базе более современной техники, чем та, что применялась при сооружении канала Москва — Волга.

Архитекторы широко использовали опыт русского классического зодчества и развили его на новой идейной основе. Наряду с синтезом искусств они сочетали архитектуру и современную технику. Таким образом был создан гигантский архитектурный ансамбль, поражающий единством и выразительностью художественного образа.

Сегодня обращение к опыту формирования архитектуры ансамбля Волго-Донского канала, которому в целом присущ высокий профессиональный уровень решения идейно-художественных задач, имеет глубокий смысл. Благодаря высокому профессионализму авторы проекта сумели превратить промышленные сооружения в символ славы страны. Творческий руководитель коллектива Л. М. Поляков смог воплотить в архитектуре комплекса органическое единство красоты и целесообразности. В этом ему помогла увлеченность русской классикой и внимание к форме, которой он владел с профессиональным мастерством.

В наши дни некоторые специалисты, анализируя опыт прошлого, говорят о том, что «в архитектуре Волго-Дона сквозь монументализм, предопределенный задачей, поставленной перед архитекторами, уже «просвечивала» рационалистическая тенденция, которая стала нарастать в 1950-е годы и привела к решительным изменениям направленности нашей архитектуры в конце десятилетия» [8]. И с этим трудно не согласиться. Несмотря на отдельные просчеты, ошибки и спорные подходы, архитектурные решения Волго-Донского канала и Цимлянского гидроузла оказали огромное влияние на промышленное зодчество своего времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яралов Ю. С. Архитектура Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре; 1955. 95 с.
2. Свечникова Е. Ю. Спецконтингент великой стройки: заключенные советских лагерей на строительстве гидротехнических сооружений Волгодонстроя. 1948–1953 гг. Волгодонск: Ростиздат; 2009. 218 с.
3. Сигачев В. От Волги до Дона шумят ковыли... *Донской временник*. 2008;(16):151–154.
4. Латур А. Рождение метрополии. Москва 1930–1955. М.: Искусство-XXI век; 2002. 323 с.
5. Фисенко А. С. Выступление в прениях. Вопросы архитектуры гидроэлектростанций: Материалы научного совещания. М.: Госстройиздат; 1952.
6. Попов Е. М. Проблемы развития архитектуры промышленных сооружений. *Архитектура СССР*. 1955;(9):10–17.
7. Орлов Г. Архитектура энергетических сооружений. Материалы ко Второму Всесоюзному съезду советских архитекторов. М.: Госстройиздат; 1955. 22 с.
8. Иконников А., Рочегов А. Доброе имя архитектора. *Вечерняя Москва*. 27 января 1988 г.

REFERENCES

1. Yaralov Yu. S. Architecture of the Volga-Don Shipping Canal named after V.I. Lenin. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arhitekture; 1955. 95 p. (In Russ.).
2. Svechnikova E.Yu. Special contingent of the great construction project: prisoners of Soviet camps during the construction of hydraulic structures of Volgodonstroy. 1948–1953 Volgodonsk: Rostizdat; 2009. 218 p. (In Russ.).
3. Sigachev V. Feather grass rustles from the Volga to the Don... *Donskoj vremennik = Donskoy vremennik*. 2008;(16):151–154. (In Russ.).
4. Latour A. The Birth of the Metropolis. Moscow 1930–1955. Moscow: Iskusstvo-XXI vek; 2002. 323 p. (In Russ.).
5. Fisenko A. S. Speech in the debate. Issues of architecture of hydroelectric power plants: Materials of a scientific meeting. Moscow: Gosstroyizdat; 1952. (In Russ.).
6. Popov E. M. Problems of development of architecture of industrial structures. *Arhitektura SSSR = Architecture of the USSR*. 1955;(9):10–17. (In Russ.).
7. Orlov G. Architecture of energy structures. Materials for the Second All-Union Congress of Soviet Architects. Moscow: Gosstroyizdat; 1955. 22 p. (In Russ.).
8. Ikonnikov A., Rochegov A. The good name of the architect. *Vechernyaya Moskva*. 27 January, 1988. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Николаевич Артёмов — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey N. Artemov — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2693-777X>

ar7emov.ser@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.02.2024; accepted for publication on 05.03.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.